Колин Уилсон

Паразиты разума

Августу Дерлету, предложившему замысел

Я должен, перед тем как умру, найти какой-то способ выразить нечто важное, что я долго вынашивал, и что я ещё ни разу не высказывал — нечто, что есть ни любовь, ни ненависть, ни жалость, ни презрение, но само дыхание жизни, жестокое и приходящее извне, привносящее в жизнь человека простор и пугающе бесстрастную силу нечеловеческих существ.

Бертран Рассел[1], из письма Констанции Маллесон, 1918, цитируется по: "Моё философское развитие", с.261.

Введение

Мы считаем совершенно оправданным то, что третий том "Кембриджской Истории Атомной Эры" был нами полностью отведён под новую редакцию важнейшего документа, известного как "Паразиты разума" профессора Гилберта Остина.

"Паразиты разума", естественно, составное произведение, собранное из различных документов, магнитофонных записей и стенографических отчётов бесед с профессором Остином. Первое издание, размер которого составлял лишь половину настоящего, было опубликовано вскоре после исчезновения профессора в 2007 году и еще до того, как "Паллас" был найден экспедицией капитана Рамзея. В основном оно состояло из записей, сделанных по просьбе полковника Спенсера, и магнитофонной записи под номером 12xm из библиотеки Лондонского Университета. Следующее издание, появившееся в 2012, включало копию стенографического отчёта, записанного Лесли Первисон 14 января 2004 года, а также материал из двух статей Гилберта Остина для "Исторического обозрения" и отрывок из его предисловия к книге Карела Вейсмана "Исторические размышления".

Данное издание сохраняет старый текст in toto[2] и включает совершенно новый материал из так называемой "Папки Мартинуса", в

течение многих лет хранившейся миссис Сильвией Остин и сейчас находящейся в Архиве Мировой Истории, а также из до сих пор неопубликованных "Автобиографических заметок" профессора Остина, написанных в 2001. Редакторы разъяснили в сносках источники различных разделов.

Ни одно из изданий "Паразитов разума" не может претендовать на окончательность. Нашей целью было расположить материал так, чтобы он представлял собой непрерывное повествование. Там, где нам показалось крайне важным, был добавлен материал из философских заметок профессора Остина, а также короткий отрывок из вступления к книге "Почтение Эдмунду Гуссерлю[3]" под редакцией Остина и Райха. Итоговая повесть, по мнению редакторов, поддерживает версию, выдвинутую ими в работе "Новый свет на тайну «Палласа»". Однако следует подчеркнуть, что это отнюдь не было их намерением; они лишь постарались включить весь уместный материал и полагают, что справедливость их притязания подтвердится, когда Северо-Западный Университет[4] издаст полное собрание работ Гилберта Остина.

Х.С. У.П.

Колледж Сент-Генри, Кембридж, 2014 г.

(Нижеследующий раздел воспроизводится по магнитофонной записи, сделанной профессором Остином за несколько месяцев до своего исчезновения. Редакция Х. Ф. Спенсера[5].)

Любая сложная история, каковой является и эта, не имеет явного начала. Также я не могу последовать совету полковника Спенсера "начать с начала и продолжать до конца" потому, что события в ней довольно запутаны. Вероятно, лучшим выходом будет описать мою личную борьбу против Паразитов разума, а остальное предоставить историкам.

Итак, всё началось 20 декабря 1994 года, когда я вернулся домой с собрания Мидлсекского Археологического Общества, где я читал лекцию по древним цивилизациям Малой Азии. Стоял свежий, опьяняющий вечер. Нет большего удовольствия, чем произносить речь на тему, близкую твоему сердцу, перед всецело внемлющей аудиторией. Добавьте к этому, что наш ужин закончился превосходным кларетом восьмидесятых годов, и вам станет понятно, что я был в крайне приподнятом настроении, когда вставлял ключ во входную дверь своей квартиры на Ковент-Гарден.

Когда я вошёл, звонил видеофон, но он замолк прежде, чем я подошёл к нему. Я взглянул на индикатор — он показывал

хэмпстедский номер, который я опознал как номер Карела Вейсмана. Было без четверти двенадцать, меня клонило ко сну, и я решил перезвонить ему утром. Но, раздевшись перед сном, почему-то почувствовал себя неуютно. Мы с Карелом были старыми друзьями, и он часто звонил мне поздно вечером с просьбой посмотреть что-либо в Британском Музее, где я часто проводил утренние часы. К тому же меня не оставляло какое-то смутное беспокойство. Я в халате подошёл к видеофону и набрал его номер. Ответа долго не было. Я уже было собирался отключиться, когда на экране появился его секретарь. Он сразу начал:

— Вы слышали новость?

— Какую новость?

— Профессор Вейсман мёртв.

Это меня столь ошеломило, что мне даже пришлось сесть. Наконец я собрался и выдавил:

— Откуда я мог это узнать?

— Из вечерних газет.

— Я только что вошёл...

— А, понимаю. Я пытался связаться с вами весь вечер. Не могли бы вы приехать сюда? Немедленно.

— Но зачем? Могу ли я что-нибудь сделать? Как миссис Вейсман?

— Она в шоковом состоянии.

— Но как он умер? — Баумгарт ответил, не меняясь в лице:

— Он покончил с собой. — Я, помню, тупо таращился на него в течение нескольких секунд, затем вскричал:

— Какого чёрта? Что вы несёте? Это невозможно!

— В этом нет никаких сомнений. Пожалуйста, приезжайте сюда как можно скорее. — Он потянулся к выключателю, но я снова закричал:

— Вы хотите, чтобы я сошёл с ума? Объясните, что случилось!

— Он принял яд. Вот практически всё, что я могу вам сказать. Но в его письме сказано, что мы должны связаться с вами немедленно. Так что, пожалуйста, приезжайте. Мы все очень устали.

Я вызвал аэротакси и оделся в состоянии ментального оцепенения, убеждая себя, что все это невозможно. Я знал Карела Вейсмана тридцать лет, с тех пор, как мы вместе учились в Упсале[6]. Он был во всех отношениях замечательной личностью: человек невероятной энергии и напористости, с выдающимся проницательным умом. *Нет, это было невозможно.* Такие люди никогда не совершают самоубийств. О, я отлично знал, что с середины столетия число

самоубийств во всем мире возросло в пятьдесят раз, и что иногда счёты с жизнью сводят люди, от которых этого можно было бы меньше всего ожидать. Но сказать мне, что Карел покончил с собой, было всё равно что заявить мне, что один плюс один будет три. В его структуре не было ни атома саморазрушения. В любом случае, из всех, кого я когда-либо знал, он был самым собранным и меньше всех подвержен нервным срывам.

Могло ли это быть, гадал я, убийством? Быть может, он был убит агентом Центрально-Азиатского Союза? Я слышал и о ещё более странных случаях. Политические убийства стали точной наукой во второй половине восьмидесятых, и смерти Хаммелманна и Фуллера показали, что даже учёный, работающий под строжайшей охраной, не может чувствовать себя в безопасности. Но Карел был психологом, и, насколько я знал, не был связан с правительством. Его главный доход исходил от крупной промышленной компании, оплачивавшей его разработки по увеличению производительности труда и борьбе с динамическими неврозами.

Баумгарт ждал меня, когда такси приземлилось на крыше. Мы были одни, и я сразу спросил его: — Могло это быть убийство? — Конечно, исключать этого нельзя, но оснований так думать нет. В три часа он ушёл в свою комнату поработать над статьей и сказал мне, чтобы его не беспокоили. Его окно было закрыто, а я сидел в приёмной в течение двух следующих часов. В пять его жена принесла чай и обнаружила его мёртвым. Он оставил письмо, написанное его собственной рукой, яд запил стаканом воды из ванной.

Полчаса спустя я уже сам был убеждён, что мой друг действительно совершил самоубийство. Единственной альтернативой этому было его убийство Баумгартом, но в это я поверить не мог. Баумгарт полностью владел собой и был невозмутим, как японец, и всё же я видел, что он был глубоко потрясён и находился на грани нервного срыва. Ни один человек не обладает такими актёрскими данными, чтобы изображать подобное состояние. Кроме того, было письмо Карела. С тех пор, как Померой изобрёл машину электронного сравнения, подделка стала редчайшим преступлением.

Я покинул дом скорби в два часа ночи, не поговорив ни с кем, кроме Баумгарта. Тела своего друга не видел, да и не хотел этого — я знаю, что лицо умершего от отравления цианидом выглядит ужасно. Таблетки с ядом Карел взял у лечившегося у него невротика утром того же дня.

Письмо само по себе было странным. Оно не выражало ни

малейшего сожаления по поводу самоубийства. Почерк был неровным, но мысли излагались чётко. В нем говорилось, что из имущества Карела отходит сыну, а что жене. Также там содержалась просьба вызвать меня как можно скорее, чтобы я позаботился о его научных работах. Был указан гонорар, который должен быть выплачен мне, плюс к нему ещё и дополнительная сумма, которая в случае необходимости должна быть потрачена на публикацию этих работ. Я видел копию письма — полиция забрала оригинал — и пришёл к выводу, что оно наверняка подлинное. На следующее утро электронный анализ подтвердил это.

Да, очень странное письмо. Длиной в три страницы и написанное с очевидным спокойствием. Но зачем он просил, чтобы со мной связались *немедленно*? Может, его записи содержат ключ к разгадке? Баумгарт тоже подумал об этом и провёл весь вечер за их изучением, но не обнаружил ничего, что объясняло бы это требование о спешке. Большинство бумаг Карела касались Англо-Индийской Компьютерной Корпорации, его нанимателя, и они пригодились бы другим научным сотрудникам фирмы. Остальные были работы по экзистенциальной психологии, психоанализу Маслоу[7] и так далее. И почти законченная книга об употреблении психоделических наркотиков.

Вот в этой-то последней работе, как мне показалось, я и нашёл отгадку. Когда я и Карел учились в Упсале, мы часами обсуждали вопросы о смерти, возможностях человеческого сознания и всё в таком духе. Я писал работу по Египетской Книге Мёртвых, оригинальное название которой — "Реу Ну Перт Эм Хру" — означало "Книга о Восхождении к Свету"[8], и касался только символизма "ночи души", опасности столкновения с бесплотным духом в ночном путешествии к Аментет[9]. Но Карел настаивал, что бы я прочёл и Тибетскую Книгу Мёртвых, совершенно отличную от Египетской, и сравнил их. Всякий, изучавший эти книги, знает, что Тибетская книга — это буддистский трактат, религиозная основа которого не имеет ничего общего с Египетской. Я полагал, что это будет лишь тратой времени и ненужным упражнением в педантизме, однако Карелу всё-таки удалось разжечь во мне определённый интерес к самой книге, и мы провели множество долгих вечеров за её обсуждением. Психоделические наркотики были тогда почти недоступны, так как книга Олдоса Хаксли[10] о мескалине[11] сделала их очень популярными среди наркоманов. Но мы обнаружили статью Рене Домаля[12], описывающую сходные эксперименты с эфиром: Домаль смачивал в нём носовой платок и подносил его к носу, после потери сознания рука

с платком падала, и он быстро приходил в себя. Домаль приблизительно описал свои видения под воздействием эфира, и они произвели на нас большое впечатление. Его главная идея была схожа с мыслью, высказанной столь многими мистиками: хотя он и был без сознания, но у него было чувство, что испытанное им было намного *реальнее*, чем его нормальное восприятие мира. И вот, Карел и я сошлись на одной вещи — неважно, сколь различны были наши характеры — что нашей повседневной жизни присуще и некоторое качество *нереальности*. Теперь мы хорошо понимали рассказ Чжуан-цзы[13] о его сне: ему снилось, будто он бабочка, и чувствовал себя ею так ясно, что не был даже уверен, был ли он Чжуан-цзы, которому снилось, что он бабочка, либо же, наоборот, бабочкой, во сне бывшей Чжуан-цзы.

В течение месяца или около того, мы с Карелом проводили "эксперименты с сознанием". На рождественских каникулах, используя кофе и сигары, мы бодрствовали целых три дня, результатом чего было замечательное обострение интеллектуального восприятия. Я, помню, сказал тогда: "Если бы я мог жить так постоянно, поэзия стала бы для меня бесполезной, потому что я вижу глубже любого поэта". Мы также проводили эксперименты с эфиром и четыреххлористым углеродом[14]. В моем случае они оказались совсем неинтересными. Определенно, я испытал некоторое чувство повышенной проницательности — схожее с тем, что порой появляется на пороге сна, но оно было очень кратковременным, и в последствии я не мог его вспомнить. От эфира у меня несколько дней болела голова, и после двух опытов я решил оставить "исследования". Карел утверждал, что результаты его экспериментов соответствовали Домалю, лишь с некоторыми отличиями. Кажется, он нашёл смысл рядов чёрных точек чрезвычайно важным. Но он тоже счёл физическое последействие опасным и прекратил исследования. Позднее, когда он стал практикующим психологом, у него появилась возможность доставать для опытов мескалин и лизергиновую кислоту[15], и он несколько раз предлагал мне попробовать их. Но я к тому времени уже имел другие интересы и потому отказывался. Вскоре я расскажу об этих "других интересах".

Это длинное вступление было необходимо, чтобы объяснить, почему я решил, что понял последнюю просьбу Карела Вейсмана. Я археолог, а не психолог. Но я был его старым другом, и когда-то разделял его интерес к возможностям человеческого сознания. Может, в последние минуты жизни его мысли вернулись к нашим долгим

ночным беседам в Упсале, к бесконечному пиву, которое мы поглощали в маленьком ресторанчике, выходившем окнами на реку, к бутылкам джина, распивавшимся в моей комнате глубокой ночью? Но что-то из всего этого вызывало во мне смутную тревогу — того же рода, что заставила меня в полночь позвонить Карелу в Хэмпстед. Однако я уже ничего не мог поделать, так что просто предпочёл забыть обо всём этом. Во время похорон своего друга я был на Гебридах, так как был вызван исследовать неолитические[16] останки, замечательно сохранившиеся на острове Гаррис, а по возвращении обнаружил на лестничной площадке перед своей квартирой несколько шкафов с материалами Карела. Мои мысли всецело были заняты неолитическим человеком, но я открыл было один ящик, заглянул в папку, озаглавленную "Восприятие цвета у эмоционально истощённых животных", и тут же с шумом захлопнул его. Затем вошёл в квартиру и открыл "Археологический журнал", где натолкнулся на статью Райха об электронной датировке базальтовых статуэток из богазкёйского храма[17]. Статья привела меня в неимоверное возбуждение, я позвонил Спенсеру в Британский Музей и бросился к нему. Следующие сорок восемь часов я только и думал, питался и дышал ничем иным, кроме как богазкёйскими статуэтками и особенностями хеттской скульптуры.

Это, конечно, и спасло мою жизнь. Без всяких сомнений, Тсатхоггуа ожидали моего возвращения — посмотреть, что я буду делать. По счастью, я был поглощён археологией — необъятный океан прошлого поглотил мой разум, убаюкав его течениями истории, и поэтому мне претила любая психология. Если бы я немедленно бросился за изучение материалов Карела в надежде отыскать там ключ к его самоубийству, мой разум был бы захвачен и затем уничтожен в течение всего лишь нескольких часов.

Теперь, когда я думаю об этом, то невольно содрогаюсь. Я был окружён злом, чуждым разумом. Я был подобен аквалангисту на дне моря, всецело поглощённому созерцанием сокровищ затонувшего корабля и совершенно не замечавшему холодных глаз спрута, притаившегося в ожидании позади. Будь я в другом настроении, то, возможно, и заметил бы их, как это позже случилось на Каратепе[18]. Но открытия Райха завладели всем моим вниманием и заставили позабыть даже о чувстве долга перед памятью друга.

Полагаю, я был под пристальным наблюдением Тсатхоггуа ещё несколько недель. Я тогда решил, что для разрешения вопроса, поднятого критикой Райха моей собственной датировки этих статуэток, мне необходимо вернуться в Малую Азию. И снова это

решение как будто было ниспослано свыше. Это, должно быть, убедило Тсатхоггуа, что с моей стороны им опасаться абсолютно нечего. Очевидно, Карел сделал ошибку: едва ли он мог выбрать менее подходящего исполнителя своей последней воли. Впрочем, в течение остававшегося срока пребывания в Англии я порой чувствовал угрызения совести, вспоминая об этих шкафах, и пару раз даже заставил себя заглянуть в них. Однако каждый раз я испытывал всё ту же неприязнь ко всем вопросам психологии, и снова закрывал их. В последний раз, помню, у меня даже мелькнула мысль, не будет ли проще попросить сторожа сжечь все эти бумаги в подвальной топке. Я тут же отбросил её, как совершенно непристойную — немного удивленный, честно говоря, как мне вообще могло такое прийти в голову. Тогда я и понятия не имел, что это был не "я", кто допустил эту мысль.

С тех пор я часто задумывался, было ли назначение душеприказчиком именно меня частью замысла моего друга, или же это было решением, принятым им в отчаянии в последнюю минуту. Очевидно, он не мог об этом думать на протяжении долгого времени, иначе они бы всё узнали. Было ли тогда это внезапным решением, принятым по наитию, последней вспышкой озарения в одном из самых выдающихся умов двадцатого века? Или я был выбран faute de mieux[19]? Может, однажды мы и узнаем ответ на этот вопрос, если сможем получить доступ к архивам Тсатхоггуа. Естественно, большее удовольствие мне доставляет мысль, что выбор Карела был преднамеренным, что это был его ловкий ход. Если уж само провидение было на его стороне, когда он выбрал меня, то, несомненно, оно было и на моей в течение следующих шести месяцев, когда я думал о чём угодно, кроме бумаг Карела Вейсмана.

Уезжая в Турцию, я предупредил домовладельца, чтобы Баумгарту, согласившемуся провести предварительную сортировку бумаг, разрешалось входить в мою квартиру. Также я начал переговоры с двумя специализирующимися по психологии американскими издательствами, проявившими интерес к работам Карела Вейсмана. Затем я не вспоминал о психологии несколько месяцев, поскольку был совершенно поглощён вопросом датировки. Райх обосновался в лабораториях Евразийской Урановой Компании в Диярбакыре. До сих пор его главной специализацией было определение возраста человеческих и животных останков аргоновым методом, и в этой области он был ведущим мировым авторитетом. Обратив свое внимание от доисторических времен к Хеттскому царству, он занялся

относительно новой для себя областью: возраст человека миллион лет, вторжение же хеттов в Малую Азию произошло где-то в 1900 году до нашей эры. По этой причине он был рад видеть меня в Диярбакыре, так как моя книга о хеттской цивилизации стала классической уже с самой её публикации в 1980 году.

Со своей стороны я нашел Райха крайне интересной личностью. Я чувствую себя как дома в любом периоде, начиная с двадцать пятого века до нашей эры и заканчивая десятым столетием нашего тысячелетия, в то время как область интересов Райха начинается с каменноугольного периода, и он может говорить о четвертичном периоде — около миллиона лет назад, — как если бы это была современная история. Однажды я присутствовал, когда он исследовал зуб динозавра, и он мимоходом заметил, что этот зуб не может принадлежать меловому периоду, а, скорее, триасовому — что примерно на пятьдесят миллионов лет раньше. Впоследствии, также в моём присутствии, счётчик Гейгера подтвердил его догадку. Его интуиция в подобных вещах была почти сверхъестественной.

Так как Райх играет значительную роль в этой истории, я кое-что о нём расскажу. Как и я сам, он крупный мужчина, но, в отличие от меня, своими размерами он обязан отнюдь не излишкам жира. У него плечи борца и крупная выступающая челюсть. Однако его голос не соответствовал внешности: мягкий и довольно высокий — результат, я полагаю, перенесённой в детстве инфекции гортани.

Но главная разница между нами была в эмоциональном восприятии прошлого. Райх был учёным до мозга костей, числа и система мер для него были всё. Он мог получать неимоверное удовольствие от чтения колонки показаний счетчика Гейгера, растянувшейся более чем на десять страниц. Его любимым утверждением было, что история должна быть наукой. Напротив, я никогда не старался скрыть сильнейший элемент романтизма в своём складе ума. Я стал археологом, пройдя через почти мистический опыт. Как-то я читал книгу Лейарда[20] о цивилизации Ниневии, которую случайно нашел в спальне на ферме, где тогда жил. Моя одежда сушилась во дворе, и разряд грома заставил меня поспешить за ней. Как раз посередине двора была большая лужа грязной воды. Я снимал одежду с верёвки, мыслями находясь всё ещё в Ниневии, когда мой взгляд упал на эту лужу. И тут я забыл на время, где был и что делал. По мере того, как я смотрел на лужу, она теряла всю свою привычность и наконец стала такой же чуждой, как море на Марсе. Я стоял, таращась на неё, когда упали первые капли дождя и покрыли рябью её поверхность. В тот миг

я испытал такое чувство счастья и озарения, какого прежде никогда не знал. Ниневия и вся история внезапно стали такими же реальными и в то же время такими же чуждыми, как и эта лужа. История стала такой *реальностью*, что я, стоя с охапкой белья в руках, почувствовал нечто сродни презрения к моему существованию. Остаток вечера я бродил как во сне. С тех пор я знал, что должен посвятить свою жизнь "копанию в прошлом", пытаясь воссоздать то видение реальности.

Через некоторое время вам станет ясно, что всё это играет весьма важную роль в моем повествовании. Я имею в виду то, что мы с Райхом относились к прошлому совершенно по-разному, и постоянно совершали маленькие открытия особенностей наших характеров. Для Райха наука содержала всю поэзию жизни, и прошлое было лишь областью, где он мог упражняться в своих способностях. Для меня же наука была слугой поэзии. Мой первый наставник, сэр Чарльз Майер, упрочил такое отношение, поскольку испытывал полнейшее презрение ко всему современному. Когда он работал на раскопках, он буквально прекращал существовать в двадцатом веке и на настоящее взирал свысока, подобно прекрасному орлу на горном пике. Он испытывал жгучее отвращение к большинству людей и как-то пожаловался мне, что большей частью они кажутся ему "такими грубыми и убогими". Майер заставил меня почувствовать, что настоящий историк больше поэт, нежели просто историк. В другой раз он заявил, что раздумье о природе отдельного человека доводит его до мысли о самоубийстве, и примирить его с собственным существованием в человеческом образе может только размышление о рождениях и падениях цивилизаций.

В течение первых недель моего пребывания в Диярбакыре, когда раскопки на Каратепе из-за сезона дождей были невозможны, мы коротали вечера долгими беседами. Райх пинтами поглощал пиво, я же предпочитал превосходный местный коньяк — даже здесь проявлялась разница в наших характерах!

Однажды вечером я получил письмо от Баумгарта, очень короткое. Он лишь уведомлял, что обнаружил среди бумаг Вейсмана некоторые записи, убедившие его, что какое-то время до совершения самоубийства мой друг был безумен: Карел полагал, что "они" знают о его попытках и попытаются уничтожить его, и, судя по содержанию записей, эти "они" не были людьми. Вследствие всего этого Баумгарт решил приостановить переговоры о публикациях работ Вейсмана по психологии и дождаться моего возвращения.

Естественно, я пришел в замешательство. Мы с Райхом как раз достигли определенных результатов в нашей работе, и считали себя в

праве поздравить друг друга и отдохнуть, так что наш разговор в тот вечер всецело касался "безумия" и самоубийства Вейсмана. В начале беседы присутствовали двое турецких коллег Райха из Измира, и один из них упомянул довольно странный факт — что за последние десять лет в *сельских районах* Турции выросло число самоубийств. Это меня удивило: хотя количество самоубийств среди городских жителей большинства стран и увеличилось, сельское население в целом казалось защищённым от этого вируса.

Другой гость, доктор Омер Фуад, продолжая тему, рассказал об исследованиях на своей кафедре, касавшихся уровня самоубийств древних египтян и хеттов. Поздние арцавские[21] таблички упоминают эпидемию самоубийств в царствование Мурсилиса II (1334-1306 гг. до н. э.) и называют их число в Хаттусасе. Довольно странно, что папирус Менефона[22], найденный в 1990 году в монастыре в Эс-Сувейде[23], также упоминает о подобной эпидемии в Египте в царствования Хоремхеба и Сети I, охватывающих примерно тот же период (1350-1292 гг. до н. э.). Его товарищ, доктор Мухаммед Дарга, был почитателем "Заката Европы" Освальда Шпенглера[24], этого образчика исторического шарлатанства, и заявил, что подобные эпидемии самоубийств могут быть точно предсказаны исходя из возраста цивилизации и степени ее урбанизации. Далее он провёл довольно сомнительную параллель между цивилизациями и биологическими клетками и их склонностью "добровольно умирать", когда тело теряет способность стимулироваться окружающей средой.

Для меня всё это было полнейшей бессмыслицей, поскольку цивилизация хеттов в 1350 году до н. э. едва ли достигла возраста семисот лет, в то время как Египет был старше её по меньшей мере в два раза. Манера Дарги преподносить эти "факты" была довольно безапелляционной, и это меня выводило из себя. Я разгорячился — не без влияния коньяка, конечно же — и потребовал, чтобы наши гости предъявили цифры и факты. Очень хорошо, ответили они, доказательства будут — и будут представлены на суд Вольфганга Райха, — и, поскольку им надо было лететь назад в Измир, довольно рано распрощались с нами.

У нас же с Райхом завязался разговор, который я считаю подлинным началом борьбы с Паразитами разума. Райх, с его ясным аналитическим умом, быстро суммировал все "за" и "против" нашего спора и признал, что доктору Дарге явно не достаёт научной беспристрастности. Затем он продолжил:

— Рассмотрим факты и цифры, известные нам о нашей

собственной цивилизации. Что они говорят нам? Количество самоубийств, например. В 1960 году в Англии на один миллион человек приходилось сто десять самоубийств — вдвое больше, чем за сто лет до этого. К 1970 число снова удвоилось, а к 1980 оно увеличилось в шесть раз...

Райх обладал поразительным умом, содержавшим, казалось, всю важнейшую статистику нашего века. Обычно я испытываю отвращение к цифрам, но, когда я его слушал, со мной что-то произошло: внезапно внутри меня пробежал холодок — словно я почувствовал взгляд какого-то опасного существа. Это тут же прошло, но я всё равно вздрогнул.

— Холодно? — спросил Райх.

Я отрицательно покачал головой. Когда же он на минуту замолк, задумчиво глядя в окно на залитую светом улицу внизу, я неожиданно сказал:

— Когда всё сказано, мы всё-таки почти ничего не знаем о человеческой жизни.

Он весело ответил:

— Мы знаем достаточно, чтобы идти дальше, и это всё, на что ты можешь рассчитывать.

Но я никак не мог забыть то чувство холода:

— В конце концов цивилизация лишь сон. Представь себе, что человек неожиданно проснулся от него — не будет ли ему этого достаточно, чтобы совершить самоубийство?

Я думал о Кареле Вейсмане, и Райх понял это:

— Но как ты объяснишь эту манию с чудовищами?

Я вынужден был признать, что они не соответствуют моей теории. Однако мне всё не удавалось избавиться от леденящей депрессии, опустившейся на меня. И что больше — теперь я определенно боялся. Я чувствовал, что видел что-то — чего не смогу забыть, и к чему мне ещё придётся вернуться, — и что постепенно могу впасть в состояние парализующего ужаса. Я выпил полбутылки коньяка, и тем не менее ощущал себя ужасающе трезвым — понимая при этом, что моё тело пьяно, но оно как будто не было моим. Мне в голову пришла ужасная мысль: число самоубийств возросло потому, что тысячи людей, подобно мне, начали осознавать всю абсурдность человеческой жизни и просто отказывались жить дальше. Сон истории подходил к концу. Человечество уже начало просыпаться, и однажды оно проснется окончательно — и тогда произойдет массовое самоубийство.

Мои мысли были столь тягостны, что я решил было пойти в свою

комнату и поразмышлять в одиночестве. Но всё-таки, против своей воли, я высказал их Райху. Не думаю, что он до конца меня понял, но он увидел, что я нахожусь в опасном состоянии, и со всей своей проницательностью нашёл точные слова, восстановившие моё душевное равновесие. Он начал говорить о той странной роли, которую в археологии играет случайное стечение обстоятельств, которое даже в художественной литературе может показаться невероятным. Джордж Смит[25] отправился в путешествие из Лондона с абсурдной надеждой найти глиняные таблички с окончанием эпоса о Гильгамеше[26] — и он действительно их нашёл. Не менее невероятны истории со Шлиманом[27], отыскавшим Трою, Лейардом, нашедшим Нимруд[28] — словно незримая нить судьбы вела их к открытиям. Мне пришлось признать, что археология, более чем любая другая наука, способна заставить человека поверить в чудеса. Он без промедления довёл свою мысль до конца:

— Но если ты соглашаешься с этим, то ты должен понять, что ошибаешься, считая цивилизацию сном — или, может, кошмаром? Сон кажется логичным, только пока он длится, проснувшись же, мы видим, что логики он лишен. Ты считаешь, что таким же образом и наши иллюзии навязывают свою логику в жизни. Но истории с Лейардом, Шлиманом, Смитом, Шампольоном, Роулинсоном, Боссертом[29] решительно опровергают тебя. Ведь они произошли, и это всё подлинные истории из жизни, произошедшие в силу таких из ряда вон выходящих стечений обстоятельств, какие ни один бы писатель не рискнул использовать в своей книге...

Я понял, что он прав. И, подумав о той странной судьбе, ведшей Шлимана к Трое, Лейарда к Нимруду, я вспомнил подобные случаи и из своей жизни. Например, моя первая весомая "находка" — параллельные тексты на финикийском, протохаттском и канисикском в Кадеше[30]. Я до сих пор помню острое чувство судьбы, какого-то "божества, ведущего нас к цели" — или, по меньшей мере, некоего загадочного закона случайности, — снизошедшее на меня, когда я соскабливал землю с этих глиняных табличек. Ибо по крайней мере за полчаса до находки я *знал*, что сделаю в этот день потрясающее открытие, и, воткнув лопату в случайно выбранном месте, не боялся, что напрасно потрачу время.

Менее чем за десять минут Райх вернул мне оптимизм и душевное равновесие. Тогда я ещё не знал, что выиграл своё первое сражение с Тсатхоггуа.

(Примечание редактора: начиная с этого момента

магнитофонная запись с любезного разрешения библиотеки Техасского Университета дополнена "Автобиографическими заметками" профессора Остина, которые уже частично публиковались университетом в сборниках его работ. Я постарался использовать только те их отрывки, которые подробно описывают события, лишь упомянутые в аудиозаписи, содержащей далее ещё около десяти тысяч слов.)

Определенно, в ту весну бог археологии благоволил ко мне. Райх и я работали столь успешно, что я решил снять квартиру в Диярбакыре и остаться там по меньшей мере на год. В апреле, за несколько дней до того, как мы отправились к Чёрной Горе, Каратепе, я получил письмо от "Стандард Моторс энд Энжиниринг", бывших нанимателей Карела Вейсмана. Компания хотела переслать мне множество его бумаг и с этой целью интересовалась моим местопребыванием. Я ответил, что письма можно направлять через Евразийскую Урановую Компанию в Диярбакыре, и что я был бы признателен, если бы они вернули работы Вейсмана на мой лондонский адрес, или Баумгарту, который всё ещё оставался в Хэмпстеде.

Когда в 1946 году профессор Гельмут Боссерт впервые прибыл в Кадирли, ближайшее к хеттской Чёрной Горе поселение, из-за грязных разбитых дорог ему пришлось проделать крайне тяжёлый путь. Тогда Кадирли был крошечным провинциальным городишком без электричества, теперь же это тихий городок с двумя отличными гостиницами, в часе полёта ракетопланом от Лондона. Добраться оттуда до Каратепе стоило Боссерту ещё нескольких тяжёлых дней пути по пастушьим тропам, заросшим колючим ракитником. Мы же на собственном вертолёте долетели из Диярбакыра до Кадирли всего за час, и ещё двадцать минут занял полёт до Каратепе. Электронное оборудование Райха было доставлено туда транспортным самолётом ещё за двое суток до нашего прибытия.

Здесь мне следует кое-что рассказать о цели нашей экспедиции. Множество тайн связано с Чёрной Горой, входящей в хребет Антитавр. Около 1200 г. до н. э. так называемое Хеттское царство пало под натиском орд варваров, в основном ассирийцев. Тем не менее, развалины на Каратепе датируются пятьюстами годами позже, чем Кархемишаи и Циндживрли[31]. Что произошло за эти пятьсот лет? Как хеттам удалось сохранить свою культуру в столь бурное время, когда северная столица — Хаттусас — была в руках ассирийцев? Этой загадке я и посвятил последние десять лет своей жизни.

Я всегда верил, что ключи к отгадке могут лежать глубоко под

землей, в самом сердце Чёрной Горы — точно также, как и обнаруженные в результате глубинных раскопок в богазкёйском кургане захоронения, свидетельствовавшие о высокой цивилизации, предшествовавшей хеттской на тысячу лет. Во время своих раскопок в 1987 году я нашёл несколько странных базальтовых фигурок, манера резьбы которых разительно отличалась от хеттских статуэток, найденных на поверхности — хорошо известных быков, львов и крылатых сфинксов. Они были плоскими и угловатыми, в них было что-то первобытное, но отнюдь не в духе африканских поделок, с которыми их иногда сравнивали. Клинописные знаки на этих фигурках были определённо хеттские, а никак не финикийские или ассирийские; однако, если бы не это единственное обстоятельство, я бы полагал, что моя находка относится к совершенно иной культуре. Да и сами иероглифы[32] представляли собой ещё одну загадку. Наши знания о хеттском языке после исследований Грозного[33] довольно обширны, хотя всё ещё остаётся множество пробелов — в основном в текстах о религиозных ритуалах (представьте себе, например, какого-нибудь археолога будущей цивилизации, ломающего голову над текстом католической мессы со знаком креста и странными аббревиатурами). Вот и в моём случае мы предположили, что почти все символы на базальтовых фигурках имеют религиозный смысл — поскольку семьдесят пять процентов из них нам были неизвестны. Одна из надписей, которую мы смогли прочесть, гласила: "До (или "ниже") Питханаса жили Великие Старейшие". В другой было сказано: "Тудалияс[34] воздал почтение Абхоту Тёмному" — хеттские символы для слова "тёмный" могут также означать "чёрный", "нечистый" или "неприкасаемый" в индуистском смысле.

Эта находка вызвала большие толки в археологическом мире. Моя первая версия была, что эти статуэтки принадлежат другой протохаттской (то есть предшествовавшей хеттской)[35] культуре, значительно отличавшейся от уже открытой в Богазкёе, и у которой хетты и позаимствовали клинопись. Питханас был правителем ранних хеттов начала двадцатого века до нашей эры, и если моя догадка была верна, тогда надпись означала, что до него жили великие протохатти, от которых хетты получили письменность ("ниже" могло означать, что их могилы находятся ниже хеттских, как в Богазкёе). Что касается послания Тудалияса, другого хеттского царя начала восемнадцатого века до нашей эры, то здесь также можно предположить, что хетты переняли некоторые ритуалы у протохатти, чьим богом и был Абхот Тёмный (или Нечистый).

Это, повторяю, было моё первоначальное объяснение: хетты позаимствовали некоторые религиозные элементы у своих предшественников на Каратепе, и поэтому сделали свои надписи на хаттских статуэтках. Но чем больше я изучал факты (слишком сложные для непосвящённого, чтобы приводить здесь), тем больше склонялся к мысли, что эти фигурки могут объяснить, почему столь долго после падения остального царства на Каратепе сохранялся остров хеттской культуры. Какая сила могла держать в страхе захватчиков всё это время? В данном случае не сила оружия: всё свидетельствует о том, что здесь была творческая цивилизация, а не военная. Простое безразличие? Но с какой стати? Через Каратепе, Кархемиш и Циндж ирли лежал путь на юг, в Сирию и Аравию. Нет, мне представлялась возможной только одна сила, способная сдерживать честолюбивую и воинственную нацию: суеверный страх. Конечно же, силой Каратепе и его соседей была какая-то могущественная религия — может, оперирующая магией? Возможно, Каратепе был общепризнанным центром магической культуры, как Дельфы[36]. Отсюда эти странные рельефы птицеголовых людей, жукоподобных созданий, крылатых быков и львов.

Райх был со мной не согласен — на основании своей датировки фигурок. Он заявил, что, несмотря на их превосходно сохранившийся внешний вид, они были на много тысяч лет старше протохаттской культуры, и позднее он подтвердил это на своем "нейтронном датировщике". Что ж, я охотно принял поправку, будучи не совсем удовлетворённым собственной предварительной датировкой. Но главная проблема сохранялась. Насколько нам известно, в Малой Азии до третьего тысячелетия до нашей эры *не существовало какой бы то ни было цивилизации*. Да, южнее цивилизация датируется пятым тысячелетием, но никак не в Турции. Кто же тогда сделал фигурки, если не протохатти? Пришли ли они с юга? Если да, то откуда точно?

В течение первых двух месяцев, что я провёл с Райхом, он продолжал работать над своим "нейтронным датировщиком", используя в качестве основного испытательного материала мои статуэтки, и с ними-то у него и появились необъяснимые затруднения. Прибор показывал себя замечательно точным с образцами глиняных черепков из Шумер и Вавилона — в этом случае у нас была возможность проверить его показания. Но с фигурками, как я уже сказал, дела отнюдь не обстояли так же успешно — во всяком случае, результаты были столь экстраординарны, что ошибка была очевидна. Нейтронный луч направлялся на мельчайшие частицы каменной пыли

в трещинах и углублениях фигурок, и по их "эрозии" и распаду датировщик должен был дать приблизительный срок, когда фигурка была вырезана. И вот что получалось в результате: стрелка индикатора отклонялась к крайнему пределу шкалы — около десятого тысячелетия до нашей эры! Райх решил увеличить шкалу — просто из любопытства, посмотреть, какую дату покажет прибор — и путем довольно простой перестройки сделал это. Но стрелка всё также решительно прыгала к пределу. Это было какое-то безумие, и Райх начал подумывать, не допустил ли он какой-нибудь элементарной ошибки. Может, пыль образовалась вовсе не из-за резьбы? В этом случае датировщик пытался выдать нам возраст самого базальта! После всего этого Райх велел своим ассистентам сделать шкалу для прибора, которая показывала бы любое время — вплоть до миллиона лет. Это была сложнейшая задача, обещавшая занять большую часть лета. А мы тем временем отправились на Каратепе, чтобы исследовать проблему непосредственно у её истоков.

Да... Истоки проблемы... Каким невероятным всё это кажется сейчас! Можно ли в свете всех произошедших событий поверить в простое "совпадение"? Ибо там сошлись две вставшие предо мной загадки: самоубийство моего друга и базальтовые статуэтки. Когда я в мыслях возвращаюсь к тому лету, историко-материалистический детерминизм[37] представляется мне чем-то нелепым.

Однако всё по порядку. Мы прибыли в Кадирли 16 апреля, и уже на следующий день разбили лагерь на Каратепе. По общему признанию, нам ничто не мешало ежедневно ездить туда из комфортабельного отеля в Кадирли, но наши рабочие были поселены в деревне, расположенной неподалёку от лагеря, и мы решили, что будет лучше, если большую часть своего времени мы будем проводить на месте раскопок. Кроме того, весь мой романтический настрой восставал при мысли о том, что я должен буду каждый вечер возвращаться из второго тысячелетия прошлой эры в двадцатый век нашей. Так что мы разбили палатки на ровном месте вблизи вершины холма, где снизу доносился непрекращающийся рёв реки Пирамус[38], неустанно нёсшей свои бурные жёлтые воды. На саму вершину мы установили электронный зонд.

Мне следует рассказать поподробнее об этом изобретении Райха, совершившим подлинную революцию в археологии. В основе его всё те же рентгеновские лучи, и его принцип аналогичен миноискателю. Но последний способен обнаруживать только металл, в то время как рентгеновские лучи регистрируют любое плотное непрозрачное тело.

Поскольку земля сама по себе и есть такое вещество, прежнее использование эффекта рентгеновского излучения в археологии было бесполезно. Кроме того, предметы, интересующие археологов — камни, керамика и прочее — имеют более или менее сходную молекулярную структуру с окружающей их землей, так что едва ли они могли быть различимы на экране рентгеновского аппарата.

Луч модифицированного лазера Райха проникал в землю на глубину трёх миль и с помощью использованного в устройстве принципа "нейтронной обратной связи" моментально указывал любые объекты правильной формы — каменную плиту, например. После этого оставалось только добраться до этого объекта, что без труда могли сделать наши роботы-"кроты".

Несложно себе представить, каково было моё возбуждение в день нашей отправки на Каратепе. В течение пятнадцати лет тяжёлых поисков больше не было найдено ни одной базальтовой статуэтки или какого-то намёка на их происхождение. Одна только площадь раскопок делала задачу почти невыполнимой, и вот изобретение Райха разрешало её с замечательной простотой.

И всё же первые три дня не принесли никаких результатов: зонд ничего не обнаружил ниже прежнего места раскопок. Затем полдня ушло на его перемещение на сто ярдов в сторону. На этот раз я был уверен, что что-то да обнаружится — и ошибся. Мы с Райхом мрачно взглянули на равнину под нами, затем на громаду электронного зонда и задались вопросом, сколько ещё раз нам надо будет его передвигать, прежде чем мы сделаем какую-нибудь "находку".

В тот же вечер нас навестили двое наших турецких друзей — Фуад и Дарга. Мы решили вернуться в Кадирли и поужинать в отеле. Наша раздражённость — мы подозревали, что они шпионили за нами по заданию правительства — скоро исчезла, ибо они были сама теплота и понимание и искренне горели желанием узнать о наших делах. После великолепного ужина и довольно неплохого кларета тяжесть наших неудач несколько спала. Мы удалились в гостиную, предоставленную в наше полное распоряжение, и принялись за превосходный турецкий кофе и коньяк. Тогда-то доктор Мухаммед Дарга и поднял вновь тему самоубийств, на этот раз он явился вооружённый фактами и цифрами. Я не буду подробно передавать последовавшую дискуссию, затянувшуюся далеко за полночь, — главное, что она показала, это то, что теория Дарги о "биологическом распаде" была не столь дикой, как мне показалось вначале. Как, спрашивал он, объяснить огромный рост числа самоубийств во всём мире, если придерживаться мнения, что

дело заключается просто в "неврозе цивилизации"? Слишком большой скукой, отсутствием цели в жизни? Но в современном мире ещё множество проблем, требующих приложения человеческих сил, да и психология за последние пятьдесят лет сделала значительные успехи. Далее: уровень преступности сейчас гораздо ниже, чем мы могли бы ожидать от столь перенаселённого мира. В первой половине двадцатого столетия кривые преступности и самоубийств росли параллельно, почему же тогда сейчас преступность уменьшилась, а число самоубийств всё возрастает и возрастает? Это нелогично — ведь в прошлом они всегда были взаимосвязаны, в первой половине нашего века высокий уровень самоубийств частично и был обязан преступности, поскольку треть всех убийц сводила счёты с жизнью. Нет, подытожил Дарга, всё дело заключается в неком странном законе исторического распада, о котором догадался только Шпенглер. Человек есть просто клетка гигантского тела цивилизации, и, как и в случае человеческого тела, число отмирающих "клеток" с возрастом цивилизации резко возрастает...

Должен признать, он убедил меня более чем на половину. Мы распрощались в половине первого ночи лучшими друзьями, и два наши вертолёта разлетелись в залитом лунным светом небе над Кадирли. К часу мы вернулись к месту раскопок.

Ночь была прекрасной. В воздухе стоял аромат златоцветника, который греки называли цветком ада, и характерный запах росшего на холме кустарника. Единственным звуком был доносившийся шум реки. Горные вершины напоминали мне о моём первом путешествии на Луну — у них была такая же особая, мёртвая красота.

Райх ушёл в свою палатку, продолжая размышлять о статистике Дарги. Я отправился на холм, прошёл через Верхние ворота и поднялся на стену, став смотреть оттуда на залитую лунным светом долину. Должен признать, я находился в весьма романтическом настроении и хотел обострить это чувство. И вот, я стоял там, едва дыша, думая о мёртвых часовых, стоявших когда-то здесь же. Думал о тех днях, когда только ассирийцы находились по ту сторону этих гор.

Но внезапно мои мысли приняли мрачный оборот. Я вдруг почувствовал себя жалким ничтожеством, жизнь которого — лишь неприметная рябь на поверхности океана времени. Я осознал всю чуждость окружающего мира, равнодушие вселенной и поразился нелепому упорству человеческих существ с их неизлечимой манией величия. Жизнь представилась мне не более чем сном, который так никогда и не станет реальностью.

Одиночество стало невыносимым. Я хотел пойти и поговорить с Райхом, но свет в его палатке уже погас. Я полез в карман за платком и наткнулся на сигару, подаренную доктором Фуадом. Я взял её чисто из дружеских чувств, поскольку сам практически не курю. Теперь же её запах, казалось, вернул меня в человеческий мир, и я решил закурить. Я обрезал перочинным ножиком её конец, проткнул другой, но уже после первой же затяжки пожалел о своей затее — у сигары был слишком противный вкус. Я положил её на стену и снова стал смотреть на долину. Через несколько минут её приятный запах заставил меня снова взять её, и на этот раз я сделал несколько более глубоких затяжек, глотая дым. Мой лоб покрылся испариной, и мне пришлось опереться на стену. Какое-то мгновение я даже опасался, что меня вырвет — и весь мой превосходный ужин пошёл бы насмарку. Но вскоре тошнота прошла, хотя чувство бестелесности осталось.

Тут я взглянул на луну — и вдруг меня охватил неописуемый ужас. Я был словно проснувшийся лунатик, обнаруживший себя балансирующим на какой-нибудь балке в тысяче футов над землей. Страх был столь велик, что я чувствовал, что мой разум не выдержит и вот-вот разрушится. Это было невыносимо. Я отчаянно пытался побороть ужас, выяснить его причину. Он был связан с миром, на который я смотрел — с мыслью о том, что я был не более чем элемент пейзажа. Это очень трудно объяснить, но я, кажется, понял, что людям удаётся сохранять здравый смысл лишь потому, что они смотрят на мир узким и очень личным взглядом, взглядом снизу. Вещи производят на них какое-то впечатление или же пугают их, но они продолжают видеть их из-за щитка своей индивидуальности. Страх заставляет их чувствовать себя менее значащими, но он не может уничтожить их полностью — странным образом он производит как раз противоположный эффект, усиливая их чувство личного существования. Я был словно внезапно лишён собственной индивидуальности и видел себя простым предметом на вселенском пейзаже, незначительным, словно камень или муха.

Однако это придало моим мыслям новое направление. Я сказал себе: "Но ты нечто гораздо большее, чем камень или муха. Ты не просто предмет. Иллюзия это или нет, но твой ум содержит знания о всех веках, и *внутри* тебя, стоящего здесь, знаний больше, чем во всём Британском Музее с его тысячей миль книжных полок."

Эта мысль в некотором смысле была нова для меня. Она заставила меня позабыть о пейзаже и обратить взгляд внутрь самого себя. И

вопрос встал сам собой: если внешний космос бесконечен, то каков космос *внутри* человека? Блейк[39] сказал, что в центре атома открывается вечность. Мой прежний страх исчез, теперь я видел, что ошибался, считая себя деталью мёртвого пейзажа. Раньше я думал, что человек ограничен, поскольку ограничен его мозг — ведь нельзя же вложить в чемодан больше, чем позволяет его объём. Но пространство разума есть совершенно *новое измерение*. Тело — это просто стена между двумя бесконечностями: снаружи космос простирается до бесконечности, внутри же бесконечен разум.

То был миг откровения, ошеломляющего озарения. Но пока я стоял там, позабыв напрочь о внешнем мире и напрягая все свои силы, пытаясь вглядеться в эти внутренние просторы, произошло нечто напугавшее меня. Это почти невозможно описать: краем глаза — глаза, обращённого внутрь — я уловил *движение* какого-то чуждого создания. Я испытал странный шок, сродни тому, как если бы вы, расслабившись в тёплой ванне, вдруг почувствовали, как к вашей ноге прикоснулось что-то слизкое.

Через мгновение озарение прошло. Смотря на горные пики надо мной, на луну, плывущую над ними, я чувствовал трепетное удовольствие, словно только что вернулся домой с другого конца вселенной. Я очень устал, голова шла кругом, хотя всё это произошло менее чем за пять минут. Я развернулся и побрёл назад к своей палатке, попытавшись снова заглянуть внутрь себя. На минуту мне это удалось, но на этот раз я не почувствовал ничего чуждого.

Когда же я закутался в свой спальный мешок, то обнаружил, что уже не хочу спать. Я предпочёл бы поговорить с Райхом или с кем-нибудь ещё. Мне захотелось высказать то, что я внезапно понял. Человек полагает, что его внутренний мир — его собственность. "Могила — милое и уединённое местечко," — сказал Марвелл[40], и то же самое мы относим к разуму. В реальном мире наша свобода ограничена, в воображении же мы можем делать всё, что хотим, мы даже можем полностью игнорировать окружающий мир, проникая в собственный. Разум — самое уединённое место во вселенной — иногда, возможно, слишком уединённое. "Мы все думаем о ключе, каждый в своей тюрьме"[41]. И главная сложность лечения душевнобольных заключается именно в проникновении в эту тюрьму.

Ещё я не мог забыть ощущение чего-то *чуждого* внутри себя. Теперь, когда я в мыслях возвращался к этому, оно уже не казалось таким пугающим. В конце концов, когда вы заходите в свою комнату, полагая, что она пуста, и кого-то там застаёте, ваша первая реакция

будет страх — ведь это может быть и взломщик. Но потом страх проходит: даже если это и грабитель, вы сталкиваетесь с чем-то реальным, неопределённости больше нет. Что меня тревожило больше всего, так это то, что присутствие этого чего-то — или кого-то — было, так сказать, внутри моей головы.

Страх исчез, взамен него появился обыкновенный интерес к загадке, и меня снова стало клонить ко сну. Перед тем, как окончательно уснуть, я успел подумать, не было ли всё это сродни галлюцинации, вызванной турецким кофе и сигарой.

Когда я проснулся следующим утром в семь часов, то знал, что не было. Воспоминание о том чувстве было необычайно ясным. Вдобавок, признаюсь, теперь это вызывало во мне скорее какое-то возбуждение, нежели страх. Это вполне легко понять. Будничный мир требует нашего внимания и не даёт нам "утонуть в самих себе". Будучи романтиком, я всегда негодовал на это: мне нравилось уходить в себя, хотя проблемы и тревоги повседневности затрудняли это. Теперь же я был обеспокоен чем-то *внутри* себя, и это напоминало мне, что мой внутренний мир был таким же реальным и важным, как и окружающий.

За завтраком я хотел было поговорить обо всём этом с Райхом, но что-то удержало меня — наверное, страх, что он просто не поймёт меня. Он заметил, что я кажусь рассеянным, и я ответил, что вчера совершил ошибку, выкурив сигару Дарги — вот и всё.

Затем я следил за передвижением электронного зонда вниз по холму. Райх вернулся в свою палатку, чтобы попытаться разработать метод облегчения этой операции — например, при помощи воздушной подушки, как в судах соответствующего типа. Рабочие опустили зонд на середину высоты холма, за Нижние ворота. Когда всё было готово, я занял своё место, настроил управление и включил луч.

Почти сразу же я понял, что что-то нашёл. Белая линия, бегавшая сверху вниз по экрану, явственно выгибалась посередине. Когда я, увеличив обратную связь, снизил мощность, эта выпуклость растянулась в параллельные горизонтальные линии. Я послал мастера за Райхом и продолжил осторожно перемещать по всем направлениям луч, зондируя пространство вокруг найденного объекта правильной формы. Экран показывал, что справа и слева были ещё такие же предметы.

Конечно, это был мой первый опыт находки с помощью зонда, так что я не представлял ни размеров найденного объекта, ни глубины его залегания. Минутой позже появился взволнованный Райх. Он

посмотрел на индикатор, пульт управления и сказал:

— О господи, проклятая машина сломалась.

— Но как?

— Ты, должно быть, завёл регулятор слишком далеко и что-то разъединил. Согласно этим показаниям, то, что ты обнаружил, имеет высоту семьдесят футов и лежит на глубине двух миль!

Я слез с сиденья весьма удручённым. Это правда, я не умею обращаться с механическими устройствами. Новенькие автомобили ломаются всего за несколько часов, когда я сажусь за их руль; в машинах, прежде не доставлявших ни малейших хлопот, при одном лишь моём приближении вылетали предохранители. Так что и сейчас, хотя я и не понимал, что же сделал неправильно, я всё равно чувствовал себя виноватым.

Райх отвинтил крышку, заглянул внутрь и сказал, что видимых неисправностей нет, и что после обеда ему придётся проверить все цепи. В ответ на мои извинения он похлопал меня по плечу:

— Ничего! В любом случае, что-то мы да нашли. Всё, что нам теперь нужно выяснить, это глубину залегания находки.

После холодного плотного обеда Райх ринулся к своей машине. Я же, чтобы восполнить недостаток сна, взял надувной матрас, прилёг в тени Львиных ворот и проспал глубоко и спокойно в течение целых двух часов. Открыв глаза, я увидел Райха, стоящего рядом со мной и пристально смотревшего за реку. Я взглянул на часы и торопливо сел:

— Ну что же ты меня не разбудил? — Райх сел на землю рядом со мной, выглядел он подавленным. — В чём дело? Не можешь обнаружить неполадки?

Он задумчиво посмотрел на меня:

— Нет никаких неполадок.

Я ничего не понимал:

— Ты имеешь в виду, что починил зонд?

— Нет. Никаких неполадок вообще не было.

— Что ж, это ободряет. Что же тогда было неправильно?

— Вот это-то и беспокоит меня. Ошибок нигде не было.

— Не было? Тогда, знаешь ли ты, на какой глубине это находится?

— Знаю. На той же, что датчик и показал. Две мили.

Я сдержал своё возбуждение — порой происходят вещи и постраннее.

— Две мили. Но это как раз под основанием холма. Я хочу сказать... Такая глубина должна относить нас к археозойским[42] скальным породам.

— Как сказать. Но, думаю, ты прав.

— Кроме того, если глубина такая и есть, то, по-видимому, верны и размеры блоков — семьдесят футов высотой. Это звучит несколько неправдоподобно. Даже блоки Великой Пирамиды намного меньше.

Райх добродушно ответил:

— Мой дорогой Остин, я совершенно с тобой согласен. Все это невозможно. Но я проверил каждую цепь машины, и я не вижу, где я мог допустить ошибку.

— Есть только один способ проверить — послать вниз "крота".

— Именно это я и собирался предложить. Однако, если глубина действительно две мили, то применять "крот" бессмысленно.

— Почему?

— Прежде всего, он не предназначен для прохождения сквозь горные породы — только через землю или глину, а он обязательно встретит камень на такой глубине. Во-вторых, даже если и не встретит, его раздавит давление земли — это всё равно что находиться в океане на глубине двух миль, — оно составит тысячи фунтов на квадратный дюйм. Вдобавок, каждую милю температура увеличивается на сотню градусов, что может оказаться слишком жарко для электроники "крота".

Теперь я осознал всю сложность задачи. Если Райх был прав, мы могли даже и не надеяться, что откопаем эти "объекты", которые, очевидно, являются частью стены или храма. При всём нашем современном высочайшем техническом уровне у нас нет машин, способных работать при таком давлении и температуре и поднимать огромные блоки с глубины двух миль.

Мы вернулись к зонду, обсуждая возникшую проблему. Если зонд всё показывал правильно — а Райх думал, что так оно и есть, — то перед археологией вставал довольно непростой вопрос: каким же образом развалины могли оказаться на такой глубине? Быть может, огромный участок земли осел — провалился в бездну подземелья — во время какого-то землетрясения? Тогда, возможно, образовавшаяся пустота была заполнена водой и грязью... Но грязь толщиной две мили! Сколько тысячелетий ушло на это? Мы чувствовали, что вот-вот сойдём с ума. У нас было искушение помчаться к телефону и проконсультироваться у коллег, но боязнь, что была сделана какая-нибудь нелепая ошибка, сдерживала нас.

К пяти часам "крот" был готов к спуску, его нос был направлен прямо вниз. Райх поманипулировал с панелью дистанционного управления, и подобный пуле нос робота начал вращаться. Брызнула

земля, затем выросла небольшая кучка вырытого грунта, которая дрожала несколько минут. И вот "крот" исчез.

Я подошёл к экрану радара. Вверху его подрагивала яркая белая точка. Было видно, что она опускается очень медленно — медленнее движения минутной стрелки. Рядом с радаром был расположен другой экран, наподобие телевизионного, на нём были только волнистые линии, дымчатые на вид. Порой они становились тоньше в некоторых местах, или же совершенно исчезали — это означало, что "крот" встречался со скальной породой. Если он натолкнется на любой предмет более десяти футов поперёк, то будет автоматически остановлен, и лазер просканирует поверхность этого объекта.

Через час белая точка достигла середины экрана, что показывало глубину около мили. "Крот" стал двигаться ещё медленнее. Райх запустил зонд, и на его экране показался "крот" на глубине мили. Ниже, всё на том же месте, были видны огромные блоки. Зонд был точен.

Теперь мы все были напряжены. Рабочие стояли кучкой, устремив взгляды на экран радара. Райх отключил зонд, поскольку его луч мог повредить "крота". Мы очень рисковали потерять дорогостоящий автомат, но по-прежнему не видели этому альтернативы. До пуска "крота" мы проверили и перепроверили зонд, он безошибочно показывал, что блоки были более-менее правильной формы и лежали на одной линии. Они никак не могли быть естественными скалами.

И не так уж это было и неминуемо, что мы потеряем "крота". Его металл, укреплённый электронным методом, выдержал бы температуру порядка двух тысяч градусов — было предусмотрено, что робот может наскочить на жилы вулканической лавы. Прочность корпуса была огромна, его создатели гарантировали, что он выдержит давление две с половиной тонны на квадратный дюйм. Но если "крот" достигнет блоков на глубине двух миль, то он будет нести вес в два раза больше этого, к тому же при высокой температуре могло отказать его передающее оборудование. И всегда была вероятность, что он выйдет из зоны действия дистанционного управления или повредит свой приёмник.

К половине девятого стемнело, "крот" прошёл половину оставшегося расстояния — до блоков оставалось всего полмили. Мы велели рабочим идти в деревню, но многие остались. Наш повар приготовил ужин из консервов — видимо, он был не в состоянии приготовить что-либо более сложное. Опустилась ночь, мы сидели в темноте, слушая слабое гудение радара и наблюдая за яркой белой

точкой. Иногда мне казалось, что она остановилась, но Райх, зрение которого было лучше моего, убеждал, что нет.

К половине одиннадцатого ушли последние рабочие. Я укутался в десяток одеял, поскольку поднялся ветер. Райх непрерывно курил, и даже я выкурил две сигареты. Внезапно гудение прекратилось. Райх вскочил:

— Он там.

— Ты уверен? — спросил я хриплым голосом.

— Абсолютно. Всё точно. Теперь он прямо над блоками.

— И что теперь?

— Теперь мы включим сканер.

Он снова запустил машину. Мы вперились взглядом в телевизионный экран. Он был чистый, что показывало, что сканер наводится на плотный и твёрдый объект. Райх настроил управление, и снова начали показываться волнистые линии, но теперь они были тоньше и прямее. Райх что-то отрегулировал, и линии стали сближаться, пока весь экран не превратился в узор из тонких белых и чёрных линий, как на брюках в тонкую полоску. На фоне этого узора отчётливо был виден ряд чёрных царапин и рубцов на скале. Возбуждение последних нескольких часов было столь велико, что я мог уже смотреть на них без особых эмоций. Не было никаких сомнений, чем были эти царапины. Я видел их прежде множество раз — на базальтовых фигурках. Я смотрел на символы, обозначавшие имя Абхота Тёмного.

Ничего больше сделать мы уже не могли. Мы сфотографировали экран и пошли в палатку Райха связаться по радио с Даргой в Измире. Разговор с ним продолжался минут пять. Райх объяснил обстановку, извинившись за риск, которому мы подвергли "крота", принадлежавшего турецкому правительству, и сказал, что мы точно установили, что эти блоки принадлежат культуре "Великих Старейших", упомянутых на статуэтках.

Дарга, подозреваю, был немного пьян. Ему пришлось объяснить всё подробно, прежде чем он наконец понял. Он сразу же захотел связаться с Фуадом и немедленно прилететь к нам. Мы убедили его, что в этом нет смысла, поскольку намереваемся пойти спать. Тогда он сказал, что нам следует запустить "крота" вдоль блоков, с тем чтобы просканировать следующие, на что Райх ответил, что это невозможно, так как робот не может перемещаться горизонтально, только вверх и вниз. "Крота" придётся поднять на сотню футов или больше и задать другое направление, и на это уйдет несколько часов.

Наконец мы убедили Даргу и распрощались с ним. Мы оба страшно устали, но, тем не менее, спать совсем не хотелось. Повар оставил кофеварку, и, вопреки здравому смыслу, мы воспользовались ею, открыв вдобавок бутылку коньяка.

Именно тогда, сидя в палатке Райха, в полночь 21 апреля 1997 года, я и рассказал ему о своих переживаниях предыдущей ночи. Я начал об этом говорить, как мне кажется, чтобы отвлечь нас от загадки этих семидесятифутовых блоков под землей. И мне это удалось, поскольку Райх, к моему удивлению, не нашёл ничего странного в том, что я рассказал. В университете он изучал психологию Юнга[43] и был знаком с теорией коллективного бессознательного. Если оно существует, тогда разум человека не отдельный остров, но часть некоего огромного континента разума. И по психологии он прочитал книг гораздо больше меня, в частности, он процитировал работу Олдоса Хаксли, который где-то в сороковых годах употреблял мескалин и также пришёл к выводу, что разум внутри нас простирается до бесконечности. Но Хаксли, несомненно, в определённом смысле пошёл даже дальше меня, утверждая, что разум сам по себе и есть мир, как мир, в котором мы живем — планета со своими джунглями, пустынями и океанами. И на этой планете — как этого и следует ожидать — живут многочисленные виды странных созданий.

Здесь я ему возразил. Не были ли слова Хаксли об этих созданиях лишь метафорой, некой поэтической вольностью? Разум "населяют" воспоминания и мысли, но не чудовища. На это Райх пожал плечами:

— Откуда нам знать?

— Согласен, этого мы знать не можем. Но это просто здравый смысл.

Я подумал о событиях прошлой ночи, и уверенности у меня поубавилось. Был ли это "здравый смысл"? Или же мы просто привыкли думать о человеческом разуме как о чём-то заведомо определённом — так же, как наши предки считали Землю центром Вселенной? Я говорю "мой разум" так же, как говорю "мой сад". Но действительно ли мой сад "мой"? Он полон червей и насекомых, которые совсем не спрашивают моего разрешения жить в нём. И он будет продолжать существовать и после моей смерти.

Странным образом такой ход мыслей заставил меня почувствовать себя лучше. Всё это объясняло мою тревогу — или же казалось, что объясняло. Если индивидуальность лишь иллюзия, а разум в действительности есть нечто вроде океана, то почему бы ему и не

содержать чуждых созданий? Перед тем как заснуть, я сделал себе заметку заказать "Небеса и Ад" Олдоса Хаксли. Тем временем мысли Райха приняли более практичный оборот. Спустя десять минут, как я ушел в свою палатку, он крикнул мне:

— Знаешь, мы вполне могли бы попросить Даргу одолжить нам большую воздушную подушку для перемещения зонда. Это здорово облегчило бы нам жизнь...

Теперь мне кажется абсурдным, что никто из нас не предвидел всех последствий нашего открытия. Конечно, мы полагали, что вызовем волнения в археологических кругах, но при этом совершенно забыли, что случилось, когда Картер[44] обнаружил гробницу Тутанхамона, или когда в Кумране были найдены рукописи Мёртвого моря[45]. Археологи всегда склонны не принимать во внимание мир средств массовой информации и истерию журналистов.

В половину седьмого, ещё до прихода рабочих, нас разбудили Фуад и Дарга. С ними были четыре чиновника правительства и две американские кинозвезды, бывшие в Турции на экскурсии. Райх начал было негодовать на это вторжение без предварительного предупреждения, но я указал ему, что турецкое правительство действовало в рамках своих прав, за исключением, пожалуй, этих кинозвёзд.

Прежде всего они захотели убедиться, что блоки действительно находятся на глубине двух миль. Райх включил зонд и показал им очертания "Блока Абхота" (как мы его назвали) и "крота" рядом с ним. Дарга выразил сомнение, что робот смог проникнуть на такую глубину. Райх терпеливо подошел к его пульту управления и включил его. Результат получился обескураживающим — экран оставался чистым. Райх проверил управление роющих механизмов "крота" — это тоже ничего не дало. Вывод мог быть только один: температура или давление повредили его оборудование.

Это была явная неудача, хотя могло быть и хуже. "Крот" был дорогой, но его вполне можно было заменить. Фуад и Дарга всё ещё хотели убедиться, что в зонде не было никаких неполадок, и Райх потратил всё утро, чтобы показать им, что все его цепи в порядке, и что никаких сомнений в глубине залегания блоков быть не могло. Мы отпечатали фотографию Блока Абхота с радара и сравнили клинопись на ней с клинописью на базальтовых статуэтках. Было совершенно ясно, что обе принадлежат одной культуре.

Был только один способ разрешить возникшую проблему: прорыть до самых блоков тоннель в полный рост. Следует сказать, что тогда мы

ещё не представляли истинных размеров отдельного блока. Мы считали, что высота, показанная на экране зонда, была высотой стены или здания. По общему признанию, фотография блока ставила ещё один интересный вопрос, поскольку была сделана *сверху*: это, по-видимому, означало, что стена или здание лежало на боку. Ни одна из известных цивилизаций прошлого не делала надписей на вершинах стен или крышах зданий.

Наши посетители мало что поняли, но были потрясены. Если только всё это не окажется какой-то случайной причудой, то, несомненно, это была величайшая находка в истории археологии. До сих пор старейшей цивилизацией, известной человеку, была цивилизация индейцев масма на плато Маркахуази в Андах — девять тысяч лет[46]. Но мы вспомнили результаты экспериментов с базальтовыми фигурками на нейтронном датировщике, которые сперва посчитали ошибочными. Теперь-то они подтверждали наше предположение, что мы столкнулись с цивилизацией, бывшей по меньшей мере в два раза старше цивилизации на Маркахуази.

Фуад с коллегами остались с нами пообедать и уехали около двух. К тому времени их возбуждение передалось и мне, что меня несколько раздражало. Фуад пообещал как можно скорее прислать корабль на воздушной подушке, но оговорил, что на это может уйти несколько дней. До его же прибытия у нас не было особого желания передвигать зонд вручную: нам стало ясно, что теперь мы получим гораздо больше государственной поддержки, чем ожидали, и поэтому было бы бессмысленно тратить энергию впустую. У нас был второй "крот", но рисковать им мы пока не хотели. Так что в половине третьего мы расселись в тени Нижних ворот и стали пить апельсиновый сок, чувствуя себя полнейшими бездельниками.

Через полчаса прибыл первый журналист — корреспондент "Нью Йорк Таймс" в Анкаре. Райх был в бешенстве — он считал — неверно, надо сказать, — что правительство Турции ухватилось за эту возможность саморекламы (позже мы выяснили, что прессе обо всём рассказали кинозвёзды). Он ушёл в свою палатку, отказавшись принимать журналиста, довольно приятного человека, который, кстати, даже прочёл мою книгу о хеттах. Я показал ему фотографию и объяснил, как работает зонд. На его вопрос, что случилось с "кротом", я ответил, что не имею представления, и всё, что я знаю, это что против него совершили диверсию первобытные пещерные люди. Это, боюсь, была моя первая ошибка. Вторую я сделал, когда он спросил о размерах Блока Абхота. Я сказал, что у нас нет доказательств, что это

отдельный блок, хотя и похоже, что со всех его сторон находятся другие такие же блоки. Это может быть религиозный монумент в форме огромной глыбы, а может и конструкция типа зиккурата в Уре[47]. Если же это окажется отдельный блок, тогда это будет означать, что мы столкнулись с цивилизацией гигантов.

К моему удивлению он воспринял мои слова серьёзно. Согласен ли я с теорией, что Земля была когда-то населена гигантами, уничтоженными ужасной лунной катастрофой[48]? Я сказал, что моё дело как учёного — сохранять объективность до появления определённых доказательств. Но он упорствовал: а не было ли *это* доказательством? Я уклончиво ответил, что об этом ещё слишком рано судить. Тогда он спросил меня, соглашусь ли я с тем, что такие огромные строительные блоки могли перемещаться обыкновенным человеком — как в случае пирамиды в Гизе или тольтекской Пирамиды Солнца в Теотиуакане[49]. Всё ещё ничего не подозревая, я указал ему, что самые большие блоки в Гизе весят двенадцать тонн, в то время как семидесятифутовый блок может весить и тысячу. Но я согласился, что мы до сих пор не знаем, как в действительности передвигались блоки Пирамиды Хеопса, также как и Стоунхенджа[50]. Древние люди могли обладать гораздо более могущественными знаниями, чем мы предполагаем...

Прежде чем я закончил разговаривать с этим корреспондентом, появились ещё три вертолёта — следующие журналисты. К четырём часам Райха всё-таки убедили выйти из палатки, и он довольно нелюбезно продемонстрировал им устройство зонда. К шести часам мы оба охрипли и устали до смерти. Мы сбежали в отель в Кадирли, где нам удалось спокойно поужинать — управляющему было велено ни с кем нас не соединять. Но в девять к нам явился Фуад. Он размахивал экземпляром "Нью-Йорк Таймс", где вся первая полоса была отведена статье под заголовком "Грандиознейшее мировое открытие всех времён". В ней я подтверждал, что мы обнаружили город расы гигантов, и намекал, что эти гиганты были магами и поднимали тысячетонные блоки с помощью ныне забытого тайного искусства. Один из моих хорошо известных коллег высказал мнение, что пирамиды Египта и древнего Перу никак не могли быть построены с применением любой из известных технологий, и это новое открытие, конечно же, не оставит в этом никаких сомнений. Далее в газете была напечатана статья популярного писателя по археологии, озаглавленная "Гиганты Атлантиды".

Я уверил Фуада, что ничего не говорил о гигантах — во всяком

случае, не то, что было напечатано. Он пообещал связаться с "Нью-Йорк Таймс" и исправить это сообщение. Затем я прокрался в комнату Райха выпить последнюю рюмочку коньяка, оставив указание, что меня ни для кого нет дома — даже для турецкого султана.

Думаю, я сказал достаточно, чтобы стало понятно, почему мы ещё целую неделю не могли вернуться на место раскопок. Правительство выделило солдат для охраны нашего оборудования, но приказа не пускать посетителей у них не было, и воздух над Каратепе кишел вертолётами, словно пчёлами над вареньем. Гостиницы в Кадирли были набиты битком — впервые со времени их постройки. Райх и я вынуждены были безвылазно сидеть в своих комнатах, в противном случае к нам бы по сто раз в час приставали всякие сумасшедшие и искатели сенсаций. Правительство предоставило нам судно на воздушной подушке уже через двенадцать часов, но использовать его было просто невозможно. На следующий день Фонд Карнеги[51] выделил нам два миллиона долларов для начала рытья тоннеля, еще два миллиона поступило от Мирового Финансового Комитета. Наконец, турецкое правительство дало согласие на воздвижение сорокафутовой проволочной ограды вокруг Чёрной Горы, что с некоторой помощью американских и русских фондов было сделано менее чем за неделю. Только тогда мы смогли вернуться к работе.

Неизбежно всё изменилось: не было больше безмятежного послеобеденного отдыха или ночных разговоров в палатке. Повсюду на холме стояли солдаты. Известные археологи со всех стран мира мучили нас вопросами и предложениями. Воздух был наполнен гулом вертолётов, которые предупреждались о запрете на посадку радиосообщениями с наспех построенной диспетчерской вышки — ещё одного результата русско-американского сотрудничества.

Денежные поступления по-прежнему были значительными. Бригада инженеров установила зонд на воздушную подушку, и теперь мы могли мгновенно перемещать его по самому сложному рельефу. Правительство Турции также снабдило нас ещё двумя "кротами", на этот раз сверхпрочными. Деньги и оборудование нам стоило лишь попросить — такое положение дел услаждало бы сердце любого археолога.

За два дня мы сделали несколько потрясающих открытий. Прежде всего, зонд показал, что мы обнаружили целый погребённый город. Стены и строения простирались более чем на милю в обоих направлениях, и Чёрная Гора находилась приблизительно над центром этого города. И это действительно был город гигантов. Блок Абхота

оказался не зданием или религиозным монументом, нет, это был именно отдельный блок, вырезанный из вулканического базальта, причём из самой твёрдой его разновидности. Один из новых "кротов" отрезал фрагмент блока и доставил его на поверхность.

Но нас преследовали и неудачи — довольно странного рода, надо сказать. Уже через сорок восемь часов мы потеряли одного сверхпрочного "крота" — при тех же условиях, что и первого: он перестал отвечать на запросы на глубине двух миль. Неделей позже точно так же отказал и второй — оборудование ценностью полмиллиона фунтов оказалось погребённым на дне моря из земли. Беспечный оператор потерял управление воздушной подушкой, в результате чего зонд рухнул на казарму, полную турецких солдат — восемнадцать из них погибли. Сам зонд повреждён не был, но газеты, всё ещё заходившиеся криком, не замедлили провести параллели с неудачами экспедиции Картера и Карнарвона[52] в 1922 году и сенсационными историями о "проклятии Тутанхамона". Один мой коллега, на чьё благоразумие, как я думал, можно было положиться, рассказал журналистам о моей теории, что хетты Каратепе своим выживанием были обязаны репутации магов, и это породило новую волну сенсационных россказней. Именно тогда во всей этой истории и появилось имя Г. Ф. Лавкрафта, автора мистических рассказов. Как и большинство моих коллег я никогда не слышал о нём. Лавкрафт умер в 1937, но ещё долгое время после его смерти в Америке продолжал существовать его маленький культ, главным образом благодаря пропаганде его друга, писателя Августа Дерлета[53]. Он-то и написал Райху, что имя Абхота Тёмного встречается в работах Лавкрафта, где он фигурирует как один из Великих Старейших[54].

Когда Райх показал мне письмо Дерлета, первой моей мыслью было, что это всего лишь розыгрыш. Мы заглянули в справочник по литературе и обнаружили, что Дерлет был известным американским писателем, ему шёл уже восьмой десяток. Лавкрафт в справочнике не упоминался, но, позвонив в Британский Музей, мы выяснили, что он также существовал и действительно написал книги, названные Дерлетом.

В письме была фраза, поразившая меня. Признавшись, что он не может объяснить, откуда Лавкрафту стало известно об Абхоте Тёмном — поскольку это имя не встречается ни в одном хеттском документе, обнаруженном до 1937 — Дерлет писал: "Лавкрафт всегда придавал огромное значение снам и часто говорил мне, что сюжеты многих своих рассказов он позаимствовал именно из них"[55].

— Ещё одно свидетельство в пользу твоего коллективного бессознательного, — сказал я Райху. Однако он предположил, что, по всей вероятности, всё это лишь совпадение. Абаддон — ангел-разрушитель в древнееврейских легендах, "хот" же — египетское окончание, и бог Абаот[56] упоминается в некоторых вавилонских писаниях, которые Лавкрафт мог видеть. Что касается Великих Старейших, то это не такое уж и странное имя, чтобы не прийти в голову автору мистических рассказов.

— К чему сюда притягивать коллективное бессознательное? — резюмировал Райх, и я согласился, что он прав.

Через несколько дней мы стали думать по-другому. Наконец-то прибыла посылка с книгами от Дерлета. Я открыл рассказ "За гранью времён" и тут же наткнулся на описание огромных каменных блоков, погребённых в австралийской пустыне. В тот же миг Райх, сидевший в другом кресле, вскрикнул и громко прочёл: "Житель Тьмы также известен под именем Ниогтха". Как раз вечером накануне мы завершили предварительный перевод надписи на Блоке Абхота: "И лошади будут приведены двумя парами в присутствие Ниогтха"[57]. Тогда я прочитал Райху описание подземных городов из "За гранью времён": "огромные базальтовые города из башен без окон", построенные "предшествующей полуполипообразной расой".

Больше не оставалось никаких сомнений, что Лавкрафт каким-то странным образом предвосхитил наши открытия. Мы не стали тратить время на раздумья, каким образом он узнал об этом: либо заглянул в будущее — по способу, описанному Данном[58] в "Эксперименте со временем" — и увидел результаты наших исследований, либо же во сне постиг тайны, похороненные в Малой Азии под толщей земли. Это было излишне. Сам собой встал следующий вопрос: какая часть произведений Лавкрафта является художественным вымыслом, и какая — "ясновидением"?

Конечно же, могло показаться странным, что мы пренебрегаем своими археологическими обязанностями, взамен изучая работы писателя, опубликовавшего большую часть своих рассказов в дешёвом журнале под названием "Виэрд тэйлз". Мы хранили этот секрет так долго, как могли, уверяя всех, что дни напролёт исследуем клинописные надписи. Мы на весь день запирались в комнате Райха (она была больше моей) и внимательно вчитывались в рассказы Лавкрафта, а когда приносили еду, прятали книги под подушками и делали вид, что сосредоточенно рассматриваем фотографии надписей. Мы уже хорошо усвоили урок и знали, что случится, если журналисты

пронюхают, чем мы занимаемся. Мы поговорили по видеофону с Дерлетом — дружелюбным и любезным старым джентльменом с копной седых волос — и попросили его никому не рассказывать об этом открытии. Он с готовностью согласился, но заметил, что и сейчас существует множество почитателей Лавкрафта, которые обязательно натолкнутся на этот факт.

Чтение Лавкрафта было само по себе интересным и приятным занятием — воображение у него было замечательное. Читая его работы в хронологическом порядке, мы заметили постепенное изменение в их тематике[59]. Местом действия в ранних рассказах был вымышленный город Аркхэм в Новой Англии — с дикими холмами и зловещими долинами. Жители Аркхэма большей частью представлялись странным образом дегенерировавшими, с тягой к запретным удовольствиям и заклинаниям демонов, и большинство из них неизбежно постигала насильственная смерть[60]. Но постепенно в тоне Лавкрафта произошла перемена. Его воображение повернулось от обыкновенных страшных историй к вселяющим благоговейный ужас видениям чудовищных бездн времени, городов гигантов, схваток монстров и сверхчеловеческих рас. Хотя он и продолжал писать в жанре рассказов ужасов — и, несомненно, делал это блестяще, — но, помимо этого, он может считаться одним из первых и лучших представителей научной фантастики. Именно с этим поздним "научно-фантастическим" периодом Лавкрафта мы в основном и занимались (что, впрочем, не совсем точно, так как Абхот Нечистый упоминается и в одном из ранних рассказов об Аркхэме).

Особенно поражало то, что эти "циклопические города" Великих Старейших (а не полипообразной расы, которую они сменили) в точности соответствовали тому, что мы уже знали о нашем подземном городе. Согласно Лавкрафту, в них не было лестниц, только наклонные плоскости, поскольку их населяли огромные конусообразные создания с щупальцами, основание туловища которых "было окаймлено эластичной серой субстанцией, которая, сокращаясь и разжимаясь, передвигала всё существо". Зонд показал, что город под Каратепе имел множество наклонных плоскостей, лестниц же определённо не было. И, конечно же, его размер заслуживал эпитета "циклопический".

Вполне понятно, что наш подземный город представлял совершенно новую для археологии проблему. Раскопки Лейарда в огромном кургане Нимруда с нашими были просто несравнимы. Райх подсчитал, что для того, чтобы выставить развалины на свет Божий, нам потребуется вычерпать сорок миллиардов тонн земли. Ясно, что

такую работу проделать было просто невозможно. Альтернативой могло быть только прокладывание к городу нескольких широких тоннелей, заканчивающихся огромными залами — их должно быть несколько, потому что мы не могли рисковать и сделать только один зал — ни один металл, известный человеку, не в состоянии поддерживать крышу толщиной две мили. Следовательно, город никогда не сможет быть выставлен целиком, но зонд мог показать нам, на какие его участки стоило затратить усилия. Рытьё даже одного тоннеля предполагало извлечение около сотни тысяч тонн земли, однако это было уже в пределах наших возможностей.

Ровно через неделю прессе стало известно о произведениях Лавкрафта, и после самой находки города это, возможно, была самая потрясающая сенсация. Газеты просто обезумели. После всех этих разговоров о гигантах, магах и зловещих божествах именно этого, пожалуй, и недоставало всей истории. До сих пор её смаковали лишь археологи-любители, свихнувшиеся на пирамидах и сторонники учения о Мировом Льде[61], теперь же настал черёд спиритуалистов, оккультистов и остальных, им подобных. Кто-то опубликовал статью, что Лавкрафт позаимствовал свою мифологию у мадам Блаватской[62], другой заявил, что всё это было частью каббалистической традиции[63]. Лавкрафт внезапно стал самым популярным писателем в мире, его книги продавались миллионными тиражами на всех языках мира. И многие из читателей приходили в ужас, веря, что мы вот-вот потревожим Великих Старейших в их гробницах, и разразится катастрофа, столь выразительно описанная Лавкрафтом в рассказе "Зов Ктулху".

Имя города в "За гранью времён" Лавкрафтом не называлось, но в одной из ранних работ[64] он упоминался как "Кадаф Неведомый", поэтому газетчики окрестили наш город Кадафом, и это имя за ним так и осталось. Почти сразу же один ненормальный из Нью-Йорка по имени Долглейш Фуллер объявил о создании Анти-кадафского Общества, целью которого было помешать нам откопать Кадаф и потревожить сон Великих Старейших. Как показатель царившего в те дни безумия к Обществу немедленно присоединилось полмиллиона человек, и эта цифра быстро увеличилась до трёх миллионов. У них был следующий девиз: "Здравомыслие в будущем, прошлое — забудь!" Они купили рекламное время на телевидении и наняли авторитетных психологов — с тем, чтобы те объявили, что видения Лавкрафта являют собой ярчайший образчик экстрасенсорного восприятия, которое Райн с коллегами столь убедительно

продемонстрировали в Университете Дьюка[65]. Следовательно, предупреждения Лавкрафта должны быть приняты во внимание: если Великие Старейшие будут потревожены, это может привести к гибели всей человеческой расы. Долглейш Фуллер хоть и был ненормальным, но явно обладал организаторскими способностями. Он арендовал большой участок земли в пяти милях от Каратепе и разбил там лагерь. Его последователи были призваны проводить в этом лагере свои отпуска и чинить всяческие препятствия работам на Каратепе. Земля была частной собственностью одного фермера, с радостью принявшего предложенную ему неимоверную сумму, так что Общество успело здорово нам навредить, прежде чем турецкое правительство приняло меры. Фуллер имел дар притягивать богатых эксцентричных женщин, щедро пополнявших фонды его движения. Они купили вертолёты, которые стали летать над горой, таская за собой транспаранты с анти-кадафскими лозунгами. По ночам с них на место раскопок сваливали мусор, и когда мы по утрам прибывали туда, у нас часто уходило по несколько часов на уборку ржавых консервных банок, гнилых фруктов и овощей. Обосновавшиеся в лагере дважды в день устраивали марши протеста до ограждения вокруг места раскопок, иногда колоннами по тысяче человек. Всё это продолжалось шесть недель, до тех пор, пока мы не убедили ООН предпринять меры и выслать войска. До этого же времени Фуллер принял в ряды своей партии пятерых американских сенаторов, и вместе они внесли на рассмотрение Сената законопроект о запрете дальнейших раскопок на Каратепе. Они заявили, что ими движет, конечно же, не суеверный страх, но почтение к давно погибшим цивилизациям. Имеем ли мы право, спрашивали они, беспокоить сон веков? К чести американского Сената, законопроект был отклонён подавляющим числом голосов.

Как раз тогда, когда уже казалось, что из-за своих шумных акций Анти-кадафское Общество стало терять своё влияние, всей шумихе придали новый импульс публикации о Станиславе Перзинском и Мирзе Дине[66]. Факты о них вкратце таковы. Перзинский был поляком, Мирза Дин — персом, оба умерли, будучи в состоянии безумия, в первом десятилетии двадцатого века. О Перзинском сохранилось больше сведений: он приобрел некоторую известность благодаря биографии своего деда — русского поэта Надсона[67], также он редактировал мистические рассказы графа Потоцкого[68]. В 1898 году он издал любопытную книгу, в которой предупреждал человечество, что оно может быть захвачено расой чудовищ из другого мира, строившими под землей огромные города. Годом позже он был

помещён в психиатрическую лечебницу. В его бумагах нашли странные наброски, которые вполне подошли бы в качестве иллюстраций к рассказам Лавкрафта о Кадафе: чудовищная по своим размерам архитектура наклонных плоскостей и гигантских угловатых башен. Все они были опубликованы Анти-кадафским Обществом. Случай же с Мирзой Дином был более сомнительным. Он также был автором мало публиковавшихся апокалиптических откровений, и также последние пять лет своей жизни провёл в психиатрической больнице, откуда слал письма членам правительства Персии, в которых предупреждал о расе чудовищ, организовавших заговор с целью захвата Земли. Мирза Дин разместил своих монстров где-то в джунглях центральной Африки и описывал их как гигантских слизняков. Их огромные города были построены из их же собственных выделений, которые, затвердев, превращались в подобие камня.

Большинство безумных писем Мирзы Дина было уничтожено, но те немногие, что сохранились, демонстрировали весьма примечательное сходство с содержанием писем Перзинского, также его слизняки напоминали конусы Лавкрафта. Поэтому заявление, что все трое описывали одни и те же видения Великих Старейших и их городов, звучало весьма правдоподобно.

После вмешательства правительства и пуска в строй первого тоннеля активность Анти-кадафского Общества постепенно убавилась, но за восемнадцать месяцев они нам всё-таки здорово насолили. Сам Долглейш Фуллер был убит при странных обстоятельствах одной из своих приверженок[69].

Первый тоннель был завершён ровно через год после нашего открытия Блока Абхота. Прокладку тоннеля взяло на себя итальянское правительство, оно использовало того же самого гигантского "крота", что и при строительстве тоннеля между Сциллой и Мессиной (на Сицилии) и позже между Отранто и Лингеттой в Албании[70]. Само рытьё заняло всего лишь несколько дней, но главной проблемой было предотвращение обвала его глубинной части. Блок был такой же впечатляющий, как мы и ожидали: шестьдесят футов в высоту, тридцать в ширину и девяносто в длину, вырезанный из твёрдого вулканического базальта. Уже не оставалось никаких сомнений, что мы столкнулись с расой гигантов или магов, хотя ранее, из-за слишком маленького размера базальтовых фигурок, я сильно сомневался, что они были гигантами. (Только десять лет спустя драматические открытия Мерсера в Танзании выявили, что эти огромные города были населены как гигантами, так и людьми, и эти гиганты почти наверняка

были рабами человеческих существ[71].)

Проблема точного определения возраста блоков всё ещё оставалась нерешённой. Согласно Лавкрафту, Великие Старейшие существовали сто пятьдесят миллионов лет назад[72], и эта версия получила всеобщее признание, хотя, конечно, была слишком невероятной. Позднее нейтронный датировщик Райха показал, что возраст развалин составляет менее двух миллионов лет, но даже и это могло оказаться слишком завышенной оценкой. Вопрос датировки в нашем случае был необычайно сложным. Обычно археолог полагается на различные пласты земли, залегающие над его находкой — они представляют собой почти готовый календарь. Но в трёх обнаруженных городах гигантов данные выглядели весьма противоречивыми, и всё, что мы можем сказать наверняка, это что все они были уничтожены потопом, похоронившим их под многими тысячами футов грязи. Слово "потоп" у геолога немедленно ассоциируется с плейстоценом — около миллиона лет назад. Однако в отложениях Квинсленда[73] были найдены следы грызуна, который, насколько известно, существовал только в плиоценовый период, что может добавить к возрасту руин ещё пять миллионов лет.

Впрочем, к моей главной истории всё это не имеет отношения. Ещё задолго до завершения первого тоннеля я потерял интерес к раскопкам на Каратепе. Я понял, что это было на самом деле — отвлекающий внимание манёвр Паразитов разума.

Вот как я сделал это открытие.

К концу июля 1997 я пришёл в состояние полного изнеможения. Даже с гигантским тентом диаметром пять миль, уменьшавшим температуру до шестидесяти[74] в тени, жара Каратепе была невыносима. Из-за мусора, сваливавшегося на нас приверженцами Фуллера, место раскопок воняло как гнилое болото, а различные дезинфицирующие средства, которыми поливали этот мусор, делали вонь ещё более нестерпимой. Ветры были сухие и пыльные. Половину дня мы проводили в кондиционируемых времянках, развалясь в креслах и попивая ледяной шербет с лепестками розы. Тогда же у меня начались ужасные головные боли. Два дня, проведённые Шотландии, несколько улучшили моё состояние, и я вернулся было назад к работе, но уже через неделю слёг с лихорадкой. Я достаточно натерпелся от докучливых журналистов и придурков из Анти-кадафского Общества, и поэтому переехал на свою квартиру в Диярбакыре. Там было прохладно и спокойно, и у охранников Евразийской Урановой Компании (ЕУК), на чьей территории располагалась квартира, разговор с незваными гостями был короткий. Я обнаружил там поджидающие меня груды писем и несколько больших посылок, но в течение двух дней совершенно игнорировал их, просто лёжа в кровати и слушая пластинки с операми Моцарта. Постепенно лихорадка отпускала меня, и на третий день я уже вполне достаточно вышел из состояния апатии, чтобы взяться за письма.

Среди них было послание от "Стандард Моторс энд Энжиниринг", в котором говорилось, что, в соответствии с моей просьбой, они высылают большинство бумаг Карела Вейсмана ко мне в Диярбакыр. Это объясняло присутствие огромных ящиков. Ещё одно письмо было от издательства Северо-Западного Университета: они интересовались, не хочу ли я вверить им публикацию работ Карела по психологии.

Всё это было утомительно. Я переслал письмо Баумгарту в Лондон и вернулся к своему Моцарту. Но на следующий день меня замучили угрызения совести, и я взялся за оставшуюся почту. Тут же мне попалось письмо от Карла Шейделя — человека, с которым сожительствовал Баумгарт (он был гомосексуалистом) — который сообщал, что у Баумгарта случилось нервное расстройство, и сейчас он находится со своей семьёй в Германии.

Это означало, что задача по разбору и публикации бумаг Карела возлагалась теперь всецело на меня. С величайшей неохотой я открыл первую посылку. Она весила около сорока фунтов и состояла исключительно из результатов тестов, проведённых над сотней

служащих с целью установить их реакцию на изменение цвета. Я содрогнулся и вновь вернулся к "Волшебной Флейте"[75].

В тот вечер ко мне с бутылкой вина заглянул молодой иранский администратор, с которым я недавно подружился. Я чувствовал себя немного одиноко и был рад с ним поболтать. Даже тема раскопок перестала вызывать у меня отвращение, и я с удовольствием рассказал ему о "тайной стороне" нашей работы. Покидая меня, он заметил ящики и спросил, не связаны ли они с раскопками. Я рассказал ему о самоубийстве Вейсмана и признался, что одна лишь мысль заняться этими посылками вызывает у меня скуку, близкую к физической боли. В своей бодрой и добросердечной манере он предложил вернуться завтра и открыть их для меня, и, если все бумаги окажутся рутинными тестами, он пришлёт своего секретаря упаковать их и отправить прямо в Северо-Западный Университет. Я знал, что он предложил свою помощь в качестве ответной любезности за мою откровенность, и сердечно её принял.

Следующим утром, как раз когда я закончил принимать ванну, он уже завершил просмотр бумаг. Пять посылок из шести содержали исследовательские работы, шестая же, сказал он, по-видимому включала заметки более "философского характера", и он думает, что я мог бы взглянуть на этот материал. С этим мы расстались, и вскоре пришел его секретарь, чтобы избавить меня от огромной кучи больших жёлтых листов посередине моей гостиной.

Оставшиеся заметки — отпечатанные и скреплённые металлическими кольцами — были в аккуратных синих папках, на каждой из которых стояла пометка от руки "Исторические размышления". Все они были запечатаны цветной липкой лентой, и я решил — правильно, как выяснилось позже — что они не открывались с самой смерти Карела. Я так никогда и не выяснил, что заставило Баумгарта отослать их в "Стандард Моторс энд Энжиниринг", и могу только предположить, что он отложил их для меня, но каким-то образом всё-таки упаковал с остальным материалом, связанным с промышленными исследованиями.

Папки не были пронумерованы. Я вскрыл первую и быстро обнаружил, что эти "исторические размышления" относились только к двум последним столетиям — к периоду, к которому я никогда не испытывал особого интереса. Я хотел было и их не просматривая отослать в Северо-Западный Университет, но совесть снова взяла надо мной верх. Я отправился спать, захватив с собой штук с пять этих папок.

На это раз я совершенно случайно начал с правильного места. Первое предложение открытой папки гласило: "За последние несколько месяцев я пришёл к убеждению, что человечество поражено чем-то вроде рака разума".

Весьма примечательная фраза. Я подумал: "Ах, какое замечательное начало для книги сочинений Карела... Рак разума, ещё одно название невроза или анхедонии — полного равнодушия к радостям жизни, — духовной болезни двадцатого века..." Я совершенно не воспринял это буквально и продолжал читать дальше: странная проблема возрастающего числа самоубийств... Широкое распространение детоубийств в современных семьях... Постоянная опасность ядерной войны, рост наркомании. Все это казалось вполне знакомым. Я зевнул и перевернул страницу.

Несколькими минутами позже я читал более внимательно. Не потому, что прочитанное поразило меня своей вескостью, но потому, что у меня внезапно появилось подозрение, что Карел действительно сошёл с ума. В молодости я читал книги Чарльза Форта[76] о гигантах, эльфах и затонувших континентах, но у Форта его удивительная смесь здравого смысла и абсурда просто создавала атмосферу юмористического преувеличения. Идеи Карела Вейсмана звучали так же безумно, как и Форта, но они явно выдвигались с полнейшей серьёзностью. Похоже, он либо пополнял ряды знаменитых эксцентричных учёных, либо был совершенным безумцем. В свете его самоубийства я склонялся к последнему.

Я продолжал читать с какой-то нездоровой увлечённостью. После первых нескольких страниц Карел прекратил упоминать "рак разума" и занялся исследованием культурной истории двух последних веков, тщательно всё аргументируя и выражаясь при этом блестящим языком. Всё это воскрешало воспоминания о наших долгих беседах в Упсале. В полдень я всё ещё читал, а к часу дня уже знал, что ознакомился с тем, что заставит меня запомнить этот день на всю оставшуюся жизнь. Безумные или нет, но доводы Карела были ужасающе убедительными. Я хотел бы поверить, что всё это было лишь бредом сумасшедшего, но по мере дальнейшего чтения уверенности в этом у меня оставалось всё меньше. То, о чём он писал, было столь тревожным, что я нарушил свою многолетнюю привычку и выпил бутылку шампанского в обеденное время. Что до еды, то смог съесть лишь бутерброд с индейкой, да и то без особого аппетита. Несмотря на выпитое шампанское, я почувствовал себя ещё более трезвым и подавленным. К началу вечера я постиг потрясающую и кошмарную картину — мне

казалось, что мой мозг вот-вот взорвётся. Если Карел Вейсман не был безумцем, человеческая раса столкнулась с величайшей опасностью за всю свою историю.

Вряд ли можно точно объяснить, как Карел Вейсман пришёл к своей "философии истории". Это был результат работы всей его жизни. Но я могу, по меньшей мере, обрисовать те выводы, к которым он пришёл в своих "Исторических размышлениях".

Самая замечательная способность человечества, говорит Вейсман, это его способность к самообновлению, или, по-другому, к творению. Простейший пример — восстановление сил человека, когда он спит. Уставший человек практически находится во власти смерти и безумия, и одна из самых выдающихся теорий Вейсмана — это отождествление безумия со сном. Человек здравствует, если полностью пробуждён. По мере же того, как он устаёт, он теряет способность одолевать сновидения и иллюзии, и, несомненно, его жизнь становится более хаотичной.

Далее Вейсман доказывает, что эта способность к творению, или к самообновлению, совершенно очевидна в европейце начиная с Ренессанса[77] и до восемнадцатого века. В этот период человеческая история полна жестокостей и ужасов, но, тем не менее, человек легко способен отбросить всё это — словно ребёнок, выспавшись, избавляется от усталости. Эпоха королевы Елизаветы[78] обычно называется золотой эрой из-за присущей ей созидательности, но любой, изучавший её внимательно, ужасался царившей в ней бессердечностью и жестокостью. Люди подвергаются пыткам и сжигаются заживо, евреям отрезают уши, дети забиваются до смерти или умирают в отвратительных трущобах. И всё же оптимизм и способность к самообновлению человека столь велики, что этот хаос лишь стимулирует его новые произведения. Великие эпохи сменяют одна другую: эпоха Леонардо, эпоха Рабле, эпоха Чосера, Шекспира, Ньютона, Джонсона, Моцарта[79]... Нет ничего более очевидного, что человек того времени был богом, способным преодолеть любые препятствия.

Но затем, к концу восемнадцатого столетия, с человечеством происходит странная перемена. Невероятной, бьющей ключом творческой энергии Моцарта противостоит кошмарная жестокость де Сада[80]. И мы внезапно оказываемся в веке тьмы, где гении больше не творят подобно богам — вместо этого они бьются, словно находясь в объятьях невидимого спрута. Начинается современная история — век самоубийств, крушений и неврозов.

Но почему всё это случилось так *внезапно*? Промышленная революция? Но ведь она не произошла вдруг и к тому же не затронула большую часть Европы, которая в основном так и осталась землёй лесов и крестьянских хозяйств. Как, спрашивал Вейсман, можем мы объяснить эту огромную разницу между гениями восемнадцатого и девятнадцатого веков, кроме как не предположением, что около 1800 года с человечеством произошла некая, до сих пор не различённая, катастрофическая перемена? Как промышленная революция может объяснить такое разительное отличие Моцарта от Бетховена[81] — в то время как второй лишь на четырнадцать лет моложе первого? Почему мы входим в столетие, в котором половина гениев совершают самоубийства или умирают от туберкулёза? Шпенглер говорит, что цивилизации стареют, как растения, но здесь получается внезапный *скачок* от юности к старости. На человечество опускается непомерный пессимизм, и он отражается в живописи, музыке, литературе. Сказать, что человек неожиданно вырос — значит сказать слишком мало. Но что ещё гораздо важнее — это что он, кажется, *потерял свою способность к самовосстановлению*. Можем ли мы представить хоть одного великого человека восемнадцатого века, совершившего самоубийство? И это при том, что его жизнь была не легче жизни гения девятнадцатого столетия. Новый человек потерял веру в жизнь, он потерял веру в знание. Современный человек соглашается с Фаустом: когда всё сказано и сделано, мы всё равно ничего нового не узнаём[82].

Далее Карел Вейсман был психологом, а не историком[83] — всё-таки сфера, где он зарабатывал на жизнь, была промышленная психология. В своих "Исторических размышлениях" он пишет:

"В 1990 году я начал работать в области промышленной психологии в качестве ассистента профессора Эмиса в "Трансволд Косметикс" и сразу же столкнулся с загадочной и пугающей ситуацией. Я знал, конечно же, что "промышленный невроз" стал серьёзной проблемой — такой значительной, что были даже организованы специальные промышленные суды для рассмотрения дел преступников, занимавшихся порчей оборудования и убивших или ранивших своих коллег. Но подлинный объём проблемы был известен лишь немногим. Уровень убийств на крупных заводах и подобных предприятиях возрос *вдвое* по сравнению с остальным населением. Например, на одной табачной фабрике в Америке в течение года были убиты восемь мастеров участков и два высокопоставленных администратора, и в семи из этих случаев убийца сразу же после

преступления совершал самоубийство.

Исландская промышленная фирма "Пластикс Корпорейшн" как-то проводила эксперимент по организации завода "на открытом воздухе". Он занимал большую площадь, несколько гектаров, и вместо стен использовались энергетические поля, так что рабочие не испытывали никакого стеснения. Поначалу результаты были очень обнадёживающими, но за два года уровень промышленной преступности и неврозов на заводе снова вырос до среднего национального уровня.

Эти цифры никогда не попадали в национальную прессу, ибо психологи полагали — не без оснований, — что их публикация лишь ухудшит положение вещей. Они также считали, что самое лучшее будет рассматривать каждый случай как обособленную вспышку.

Чем больше я занимался этой проблемой, тем больше убеждался, что мы не знаем настоящих причин её возникновения. У моих коллег опускались руки перед этим, как признался мне профессор Эмис в мою первую же рабочую неделю в "Трансволд Косметикс". Он сказал, что достичь корня проблемы крайне сложно, поскольку, по-видимому, их слишком много: бурный рост населения, переполнение городов, чувство собственной незначительности и всё большей изолированности, недостаток приключений в современной жизни, отчуждение от религии и так далее. Он добавил, что не уверен, что в промышленности эта проблема рассматривается правильно: основные затраты идут на психиатров и улучшение условий труда — короче, рабочих заставляют чувствовать себя пациентами. Но, поскольку наши средства к существованию зависят от этой ошибки, едва ли мы осмелимся предложить какие-то изменения.

И вот, в поисках ответов я обратился к истории. Когда же я нашёл их, то по-настоящему задумался о самоубийстве. Ибо, согласно истории, всё это было совершенно неизбежно: цивилизация достигла своего пика, и она была обязана пасть. Но одна вещь всё-таки не была учтена в этом приговоре — способность человека к самовосстановлению. Ведь, не будь её, Моцарт должен был совершить самоубийство, так как его жизнь была столь несчастна. Но он не сделал этого.

Что уничтожило в человеке способность к самовосстановлению?

Я не могу объяснить, как я понял, что этому может быть только *одна причина*. Это медленно доходило до моего сознания в течение многих лет, и во мне всё более и более росла уверенность, что цифры промышленных преступлений абсолютно не объясняются так

называемыми "историческими причинами". Это можно сравнить с тем, как если бы я был главой фирмы и вдруг начал инстинктивно чувствовать, что мой бухгалтер подделывает отчётную документацию, хотя и понятия не имел бы, как он это делает.

И однажды я заподозрил о существовании Вампиров разума. С тех пор буквально всё подтверждало мою догадку.

Впервые это случилось, когда я обдумывал применение мескалина и лизергиновой кислоты для лечения промышленных неврозов. В принципе, действие этих наркотиков не отличается от действия алкоголя или табака: они расслабляют нас. Человек, вынужденный работать слишком много, привыкает постоянно находиться в напряжении и не может избавиться от него простым желанием, а рюмка виски или сигарета воздействуют на его движущие уровни и снимают это напряжение.

Но человек имеет и гораздо более укоренившиеся привычки, нежели перенапряжение — за миллионы лет эволюции он развил все типы привычек для выживания. И если одна из них выходит из-под контроля, то развивается психическое заболевание. Например, у человека есть привычка быть готовым к столкновению с врагами — позволь он ей довлеть над ним, и это превратит его параноика.

Но одна из самых укоренившихся привычек человека — постоянно быть начеку перед внешними опасностями и трудностями, в следствие чего он вынужден отказываться от исследования своего собственного разума — оторвать взгляд от окружающего мира он просто не смеет. По этой же причине человек не замечает красоты, так как предпочитает сосредотачиваться на практических вопросах. И эти привычки въелись столь глубоко, что от них не могут освободить ни алкоголь, ни табак. Но мескалин может, так как он может оказать воздействие на глубинные атавистические[84] уровни человека и снять с него бессознательные напряжения, делающие человека рабом собственной скуки и окружающего мира.

Должен признаться, что поначалу я был склонен винить именно эти атавистические привычки за рост числа самоубийств и промышленных преступлений. Человек должен научиться отдыхать; иначе, переутомившись, он становится опасным. Он должен научиться контактировать со своими глубочайшими уровнями, чтобы возбуждать свое сознание. Поэтому мне и казалось, что наркотики мескалиновой группы разрешат эту проблему.

До сих пор, по вполне понятной причине, эти наркотики не использовались в промышленной психологии: мескалин высвобождает

человека до такой степени, что дальнейшая работа с ним становится просто невозможной. Он не хочет делать ничего, кроме созерцания красот мира и тайн своего разума.

Я считал, что доходить до этого совсем необязательно. Небольшое, правильно подобранное количество мескалина может высвободить творческие силы человека без погружения в наркотический ступор. В конце концов, человеческие предки два миллиона лет назад практически не различали цветов, поскольку имели подсознательную привычку игнорировать их. Жизнь была так сложна и опасна, что им было просто не до этого. А современный человек сумел избавиться от цветовой слепоты без всякой потери своей энергии и живости. Все дело заключается в соблюдении равновесия.

Итак, я начал серию экспериментов с наркотиками мескалиновой группы. И первые же мои результаты были столь катастрофичными, что мой контракт с "Трансволд Косметикс" был немедленно расторгнут. В течение нескольких дней покончили с собой пятеро из десяти моих подопытных, двое сошли с ума и были помещены в психиатрическую больницу.

Я был потрясён. Во время учёбы в университете я экспериментировал с мескалином на самом себе, но счёл результаты неинтересными. Развлечение с мескалином очень приятная вещь, но всё зависит от того, насколько вы получаете от этого удовольствие. Я — не очень, так как считаю, что работа гораздо интереснее.

Но результаты эксперимента заставили меня снова употребить наркотик. Я принял полграмма. Итог был столь ужасен, что я до сих пор покрываюсь испариной, вспоминая его действие.

Поначалу было обычное приятное состояние: пятна света, вращающиеся и медленно разрастающиеся. Затем наступило непередаваемое чувство мира и спокойствия, проблеск буддистской нирваны, тихое и прекрасное созерцание Вселенной, отстранённой и одновременно бесконечно раскрытой. Приблизительно через час я вывел себя из этого состояния, и мне так и не удалось выяснить, что же послужило причиной самоубийств. Тогда я попытался обратить своё внимание *внутрь*, определить точное состояние своих ощущений и эмоций. Результат был весьма странен: я как будто смотрел в телескоп, а кто-то намеренно закрывал рукой другой его конец. Все попытки заглянуть внутрь себя проваливались. С невероятным усилием, я постарался всё-таки пробиться сквозь эту завесу тьмы — и тут же ясно почувствовал, как *нечто живое и чуждое* стремительно скрывается из поля моего зрения. Я, конечно же, говорю не о

физическом зрении, это было исключительно чувство. Но какой-то миг оно имело такую печать реальности, что я чуть не сошёл с ума от ужаса. Можно убежать от очевидной физической угрозы, но от этого бежать было некуда, потому что оно было внутри меня.

Почти всю следующую неделю я был охвачен самым малодушным страхом и находился на грани безумия, как ещё никогда в жизни. Хотя я и был в обычном физическом мире, но в безопасности себя не чувствовал. Возвращаясь к будничным делам, я чувствовал себя страусом, прячущим голову в песок — ведь это означало, что я всего лишь не видел угрожающей опасности.

К счастью, я тогда не работал, да и всё равно это было бы невозможно. Спустя ещё одну неделю я вдруг подумал: "Ну и чего же ты боишься? Ведь тебе ничто не причинило вреда," — и сразу почувствовал себя бодрее. Через несколько дней "Стандард Моторс энд Энжиниринг" предложили мне пост начальника медицинской службы, и я принял его, сразу же окунувшись в работу огромной и сложной организации. Долгое время занятость не позволяла мне размышлять о произошедшем или придумывать новые эксперименты, да и когда бы я не возвращался в мыслях к своему опыту с мескалином, я чувствовал такое сильное отвращение, что всегда находил благовидный предлог, чтобы заняться другим.

Шесть месяцев назад я наконец-то вернулся к рассмотрению этой проблемы, на этот раз уже под несколько другим углом. Мой друг Руперт Хэддон из Принстонского Университета рассказал мне о своих очень удачных экспериментах по реабилитации сексуальных преступников с использованием ЛСД. Объясняя свою теорию, он широко использовал терминологию философа Гуссерля. Я тут же понял, что феноменология[85] есть лишь другое название самоисследования, которое я пытался провести под мескалином, и когда Гуссерль говорил о "раскрытии структуры сознания", он имел в виду именно спуск в эти царства психических привычек, о которых я и упоминал. Гуссерль ясно понимал, что, в то время как мы имеем географические карты, показывающие практически каждый дюйм нашей планеты, у нас до сих пор нет атласа нашего внутреннего мира.

Чтение Гуссерля подняло мой дух. Мысль о повторном употреблении мескалина ужасала меня, но феноменология начинается с обычного сознания, и я снова стал делать заметки о загадках внутреннего мира человека и географии его сознания.

Почти сразу же я ощутил, что *какие-то внутренние силы* препятствуют моим исследованиям. Стоило мне лишь начать

размышлять об этих проблемах, как у меня разыгрывалась мигрень и подступала тошнота. Каждое утро я просыпался в глубокой депрессии. Одно из моих увлечений — математика, также я хорошо играю в шахматы, и вскоре я обнаружил, что моё состояние улучшается, если я обращаюсь к математике или шахматам. Но стоило мне опять подумать о вопросах разума, как депрессия снова возвращалась.

Моя слабость стала бесить меня, и я дал себе слово, что превзойду её любой ценой. Я попросил своих работодателей предоставить мне двухмесячный отпуск и предупредил жену, что тяжело заболею. И вот я сознательно обратил все свои мысли к проблемам феноменологии. Результат был в точности такой, как я и ожидал: в течение нескольких дней я чувствовал себя измотанным и подавленным, затем появились сильные головные боли и ломота по всему телу, и, наконец, мой желудок начал извергать наружу всё, что я ел. Я слёг в постель и попытался внутренне исследовать свою болезнь, используя методы анализа, предложенные Гуссерлем. Моя жена понятия не имела, что со мной происходит, и её тревога ещё более усугубляла положение. К счастью, у нас нет детей, иначе мне точно пришлось бы сдаться.

Через две недели я был столь истощён, что едва мог проглотить чайную ложку молока. Неимоверным усилием я собрал все свои силы и достиг глубиннейших инстинктивных уровней сознания, где сразу же и обнаружил своих врагов — как будто, спустившись ко дну моря, вдруг замечаешь, что со всех сторон окружён акулами. Конечно, я не "видел" их в обычном смысле, но я *чувствовал* их присутствие так же ясно, как можно чувствовать зубную боль. Они были внизу, на том уровне моего существования, куда мое сознание никогда ещё не проникало.

И когда я уже сдерживал вопль ужаса — ужаса человека, стоящего перед лицом неминуемого уничтожения, — я вдруг понял, *что победил их*. Мои глубинные жизненные силы объединились против них, и огромная мощь, об обладании которой я прежде даже и не догадывался, встала подобно гиганту. Она во много раз превосходила их силы, и они были вынуждены отступить. Внезапно я увидел, что их число увеличилось — их были целые тысячи, — но я уже знал, что они ничего не смогут мне сделать.

И затем меня просто обожгло внезапно пришедшей догадкой — меня словно поразила молния. Да, всё стало ясным, отныне *я знал всё*. Я знал, почему для них было так важно, чтобы никто даже и не подозревал об их существовании. Человек обладает силой более чем достаточной, чтобы уничтожить их всех, но, поскольку он не знает о

них, они могут питаться им, словно вампиры, высасывая его энергию.

В спальню вошла моя жена и оторопела, увидев меня безумно смеющимся. На мгновение она подумала, что мой разум в конце концов не выдержал, но потом поняла, что я смеялся как здоровый человек.

Я попросил её принести мне супу. Через сорок восемь часов я снова был на ногах, здоровый, как прежде — нет, здоровее, чем когда-либо в жизни. Сначала я пребывал в такой невыразимой эйфории по поводу своего открытия, что даже забыл об этих Вампирах разума. Затем понял, что такое поведение само по себе глупо. Они имеют огромное преимущество передо мной: они знают мой собственный разум гораздо лучше меня, и, если я не буду проявлять осторожность, они всё-таки смогут уничтожить меня.

Но какое-то время я был в безопасности. Когда днём позже я почувствовал упорные и мучительные приступы депрессии, я вновь обратился к тому глубинному источнику внутренней силы и к своему оптимизму насчёт будущего человечества. Приступы тотчас же прекратились, и я снова принялся хохотать во всё горло. Прошло довольно много недель, прежде чем я научился контролировать этот смех после стычек с Паразитами.

Моё открытие было, конечно же, столь фантастично, что неподготовленный ум просто не смог бы его воспринять, да и мне самому очень повезло, что я не сделал его шесть лет назад, когда работал в "Трансволд Косметикс". За это время мой разум медленно готовился к нему на подсознательном уровне. Однако за последние несколько месяцев я твёрдо уверился в том, что дело заключалось не только в везении. Я чувствовал, что существуют какие-то могущественные силы, действующие на стороне человечества, но у меня не было никакого представления об их природе. (Касательно этого замечания: нечто подобное я всегда чувствовал инстинктивно. — прим. Гилберта Остина.)

Всё это означает следующее. Более чем два века человеческий разум был жертвой этих энергетических Вампиров. В некоторых случаях они даже могли полностью завладеть отдельным разумом и использовать его в собственных целях — например, я почти уверен, что де Сад был одним из этих "зомби", чей мозг контролировался Вампирами. Богохульная направленность и идиотизм его работ отнюдь не являются, как во многих случаях, проявлением демонической энергетики, доказательством чему служит то, что зрелость во всех отношениях у де Сада так никогда и не наступила, хотя он и дожил до

семидесяти четырёх лет. Единственной целью его жизненной деятельности было усиление духовного хаоса в человечестве и намеренное извращение смысла секса.

Как только я понял роль Вампиров, история последних двух столетий сразу стала для меня совершенно ясной. Примерно до 1780 года (приблизительной даты первого полномасштабного вторжения Вампиров разума на Землю) большинство искусств восхваляли жизнь — как музыка Гайдна[86] или Моцарта. После же вторжения этот солнечный оптимизм для художников стал почти невозможен. Вампиры всегда выбирали особо одарённых людей в качестве своих орудий — ведь, в конечном счёте, именно они оказывают наибольшее влияние на человечество. Лишь немногие художники были достаточно сильны, чтобы отшвырнуть от себя Вампиров, и этим они получали ещё большую силу — как, например, Бетховен или Гёте[87].

Совершенно понятно, почему для Вампиров разума столь важно сохранять своё существование нераскрытым и втайне от человека высасывать его жизненные токи. Человек, победивший их, становится для них вдвойне опасным, поскольку восторжествовала его способность к самовосстановлению. В таких случаях Вампиры пытаются уничтожить его другим способом — настраивая против него других людей. Вспомним, например, что смерть настигла Бетховена потому, что он, покинув дом своей сестры после довольно странной ссоры, проехал несколько миль под дождём в открытой коляске. Во всяком случае, можно заметить, что именно в девятнадцатом веке великие художники впервые начинают жаловаться, что "весь мир против них". Напротив, Гайдн и Моцарт были хорошо поняты и очень ценились своими современниками[88]. Как только артист умирает, пренебрежение к нему исчезает — Вампиры отпускают хватку человеческих умов, поскольку у них есть и другие личности, кем заняться.

Во всей истории искусства и литературы с 1780 года прослеживаются результаты сражений с Вампирами разума. Художники, отказавшиеся проповедовать евангелие пессимизма и упадничества, были уничтожены, хулители же жизни зачастую доживали до глубокой старости. Интересно, например, сопоставить судьбы пессимиста Шопенгауэра и утверждавшего жизнь Ницше, сексуального дегенерата де Сада и сексуального мистика Лоуренса[89].

Однако, кроме сопоставления этих очевидных фактов, я мало преуспел в изучении Вампиров. Полагаю, что малым числом они всегда присутствовали на Земле. Возможно, христианская идея

дьявола основывается на смутной догадке о той роли, которую они играли в человеческой истории: захватывать разум человека и превращать его во врага жизни и всего человечества. Но, пожалуй, было бы ошибочно возлагать на Вампиров разума вину за все неудачи человеческой расы. Человек есть животное, пытающееся переродиться в Бога, и многие из его проблем являются неизбежным следствием этой борьбы.

У меня есть теория, которую для полноты освещения своих исследований я здесь приведу. Я считаю, что во Вселенной существует множество рас, подобных нашей. На ранних стадиях эволюции целями любой расы в основном являются покорение окружающей среды, уничтожение врагов, обеспечение себя пропитанием. Но рано или поздно настаёт время, когда раса в своем развитии перерастает эту стадию и уже может обратить своё внимание внутрь, к наслаждениям разума. "Мой разум — моё царство", — сказал сэр Эдвард Дайэр[90]. И когда человек осознаёт, что его разум есть великая неисследованная страна, его царство — в самом буквальном смысле, — он преодолевает границу, отделяющую животное от Бога.

Эти Вампиры занимаются поисками рас, почти достигших такого уровня эволюции и находящихся в преддверии обладания новыми силами, а затем питаются ими до полного уничтожения. Уничтожение расы отнюдь не входит в намерения Вампиров, поскольку после этого они вынуждены искать другой источник своей пищи, и поэтому их цель — питаться огромными энергиями, вырабатываемыми эволюционной борьбой, как можно дольше. Для этого они не дают человеку исследовать его внутренние миры и заставляют его уделять всё свое внимание *внешнему миру*. На мой взгляд, войны двадцатого столетия несомненно являются плодами такой тактики Вампиров. Гитлер, как де Сад, наверняка был ещё одним их "зомби". Мировая война, способная уничтожить всю цивилизацию, может нарушить их планы, зато продолжительные региональные стычки подходят для них превосходно.

Чем мог бы быть человек, если бы ему удалось уничтожить или прогнать этих Вампиров? Конечно же, первым результатом было бы чувство огромного душевного облегчения, исчезновение подавленности, всплеск энергии и оптимизма; с первым же приливом энергии произведения искусств начали бы создаваться целыми десятками. Человечество вело бы себя прямо как дети, отпущенные из школы в последний день учебного года. Затем энергия человека, подхватившего философское наследство Гуссерля, обратилась бы

внутрь. (Крайне показательно, что именно Гитлер был ответственен за смерть Гуссерля, причём как раз тогда, когда его работа была на грани новых достижений.) Он внезапно понял бы, что обладает такими внутренними силами, по сравнению с которыми водородная бомба показалась бы простой свечкой. При помощи, возможно, наркотиков типа мескалина, человек впервые стал бы *жителем мира разума*, как сейчас он является жителем Земли. Он исследовал бы эти внутренние страны, как Ливингстон и Стэнли[91] исследовали Африку, и открыл бы, что у него есть множество "я", и высшие из них это то, что его предки назвали бы богами.

У меня есть ещё одна теория, но она столь абсурдна, что я едва отваживаюсь её здесь привести. Она заключается в том, что Вампиры разума, сами не догадываясь об этом, являются орудием силы более высокого порядка. Конечно, они могут и уничтожить расу, ставшую их носителем, но если же эта раса каким-то образом узнает о грозящей ей опасности, результат будет совершенно противоположным их намерениям. Пожалуй, самые главные препятствия на эволюционном пути человека есть его скука и невежество, его склонность плыть по течению и не задумываться о будущем. В некотором смысле, для эволюции это даже большая опасность — или, по крайней мере, помеха, — чем сами Вампиры. Но стоит расе узнать о существовании Вампиров, и битва выиграна уже на половину. Как только у человека появляются целеустремлённость и вера, он становится практически непобедимым. Поэтому Вампиры могут служить своего рода прививкой человеку против его собственных безразличия и лени. Впрочем, всё это не более, чем поверхностная гипотеза...

Однако важнее всех этих предположений является ответ на вопрос: каким образом от них можно освободиться? Просто опубликовать "факты" отнюдь не будет выходом: исторические примеры совсем ничего не значат, и зачастую их игнорируют. Но всё равно как-то да надо будет рассказать человечеству об опасности. Если бы я сделал то, что было бы легче всего — организовал интервью на телевидении или написал ряд газетных статей на эту тему, — меня, возможно, и выслушали бы, но, скорее всего, просто приняли бы за безумца. Да, это действительно сложная проблема. Кроме как уговорить каждого принять дозу мескалина, я не знаю, как ещё можно убедить людей, что опасность действительно реальна. И потом, нет никакой гарантии, что мескалин принесёт желаемый результат — иначе я мог бы рискнуть и вывалить большое количество наркотика в водохранилище какого-нибудь города. Нет, такая идея просто немыслима — в случае

полномасштабной атаки Вампиров человеческий рассудок окажется слишком хрупким, чтобы им можно было рисковать. Теперь я понимал, почему мой эксперимент в "Трансволд Косметикс" закончился так ужасно: Вампиры *намеренно уничтожили* тех людей, чтобы предостеречь меня. У обычного человека недостаёт твёрдости противостоять им, вот почему число самоубийств столь велико...

Я должен узнать больше об этих созданиях. Пока мое невежество столь велико, они могут уничтожить меня. Когда же я что-то узнаю о них, то, возможно, найду и способ, как уверить человечество в их существовании."

Конечно, читать я начал не с этого места; приведённый выше отрывок представляет собой центральную часть работы. В действительности "Исторические размышления" очень длинное рассуждение о природе этих Паразитов разума и их роли в истории человечества. Книга написана в форме дневника, дневника мыслей, а потому неизбежно очень многословна: Вейсман старается держаться главной сути, но постоянно уходит от неё.

Удивительно, что Карел мог думать обо всём этом столь долгое время — на его месте мне было бы гораздо труднее подавлять нервозность. Думаю, ему это удалось, поскольку он считал, что находится в относительной безопасности от Паразитов. Он разгромил их в первом же сражении, и потому пребывал в эйфории победы. Его главной задачей, как он сам сказал, было заставить остальных людей поверить ему, и, очевидно, он не считал это слишком срочным делом. Карел знал, что если он опубликует свои открытия — так, как они обстояли, — то его непременно сочтут за сумасшедшего. Кроме того, как и всякий учёный, он имел привычку проверять все факты перед публикацией и старался найти их ещё как можно больше. И что ещё озадачивало меня и продолжает озадачивать до сих пор: почему он не поделился этим с кем-либо, хотя бы со своей женой? Уже одно только это показывает, каково было его состояние. Был ли он настолько уверен в своей безопасности, что не придавал времени особого значения? Или эта эйфория была очередной уловкой Паразитов? Что бы там ни произошло, он продолжал работать над своими заметками, убеждённый, что ведет беспроигрышную борьбу — до того самого дня, когда они заставили его совершить самоубийство.

Думаю, можно догадаться о моих чувствах, когда я читал всё это. Поначалу недоверие — и оно возвращалось в течение всего дня, — затем взволнованность и страх. Я вполне мог бы отмахнуться от всего этого как от бреда, если бы не мой собственный опыт на стене

Каратепе. Я был готов поверить в существование этих Вампиров разума. Но что потом?

В отличие от Вейсмана, у меня не было достаточно сил, чтобы держать это в себе. Я был напуган. Я знал, что самым безопасным было бы сжечь бумаги и притвориться, что никогда не читал их, и был уверен, что в этом случае Паразиты оставят меня в покое. Я был близок к помешательству. Читая, я постоянно нервно оглядывался вокруг, пока не осознал, что если они и наблюдают за мной, то делают это *изнутри*. Это было совершенно невыносимо, пока я не дошёл до места, где Вейсман сравнивал их метод "подслушивания" с обыкновенным слушанием радио. Я понял, что это вполне разумно. Паразиты определённо находятся в глубинах сознания, в царстве самых глубоких воспоминаний, и если бы они поднялись слишком близко к будничному сознанию, то оказались бы в опасности быть обнаруженными. И я пришел к заключению, что они, вероятно, отваживаются подниматься к поверхности лишь поздно вечером, когда мозг устал, и внимание ослаблено — и это вполне объясняло, что со мной случилось тогда на стене.

Я уже знал, что предпринять. Мне придётся рассказать обо всём Райху. Он был единственный человек, которому я симпатизировал и которому полностью доверял. Возможно, трагедия Карела Вейсмана заключалась в том, что у него не было такого человека, как у меня Райх. В таком случае, самым безопасным временем для разговора будет утро, когда мы оба будем в полном бодрствовании. Но ещё я знал, что этой ночью я не смогу утаить от Паразитов свою тайну.

И поэтому я позвонил Райху — по нашему личному коду — в лагерь на Каратепе. Лишь только его лицо появилось на экране, мое душевное равновесие сразу восстановилось. Я спросил, не хочет ли он сегодня поужинать со мной. В ответ он спросил, есть ли у меня для этого особые причины, и я ответил, что нет, просто чувствую себя лучше и хотел бы провести вечер в компании. Удача была на моей стороне: несколько членов правления ЕУК в тот день были на раскопках и в шесть часов возвращались ракетой в Диярбакыр. Райх обещал приехать ко мне в половину седьмого.

Лишь только я отключился, как у меня сразу появилась догадка, почему Вейсман хранил молчание о своём открытии. Мысль о том, что тебя "подслушивают" — словно телефонную линию, — вынуждает вести себя очень осторожно и спокойно, стараться думать о будничных вещах.

Я заказал ужин в находящемся ниже директорском ресторане,

который нам разрешалось посещать — почему-то мне казалось более безопасным разговаривать с Райхом именно там. За час до его приезда я лёг на кровать, закрыл глаза и постарался расслабиться, не думая ни о чём.

Странное дело, к тому времени это было уже нетрудно. Такое упражнение по сосредоточиванию на собственном внутреннем состоянии произвело ободряющий эффект. Я немедленно начал понимать некоторые вещи. Как законченный романтик, я всегда был склонен к скуке, которая исходит от некоторого недоверия к миру. Чувствуешь, что не можешь не обращать на это внимание, не можешь просто отвести взгляд и всё забыть. Так и сидишь, уставившись в потолок, сдерживаемый странным чувством долга, в то время как мог бы слушать музыку или размышлять об истории. А теперь я чувствовал, что мой долг как раз и состоит в игнорировании внешнего мира. Я знал, что Карел имел в виду, говоря, что для Паразитов жизненно важно, чтобы мы не знали об их существовании: ведь уже одно только это знание придаёт сил и решительности.

Райх появился ровно в половину седьмого и сказал, что я выгляжу намного лучше. Мы выпили мартини, и он рассказал, что происходило на раскопках с тех пор, как я уехал оттуда — в основном это были горячие споры о том, под каким углом лучше проводить первый тоннель. В семь мы спустились поужинать. Нам отвели уединённый столик около окна, и пока мы шли туда, нам кивнули несколько человек — за последние два месяца мы стали мировыми знаменитостями. Сев за стол, мы заказали охлаждённый арбуз. Райх потянулся было за картой вин, но я убрал её, сказав:

— Я не хочу, чтобы ты ещё пил этим вечером. Позже поймешь, почему. Нам обоим будут нужны ясные головы. — Он изумленно посмотрел на меня:

— В чём дело? Мне показалось, ты сказал, что у тебя нет ничего важного.

— Так надо было. То, что я хочу сказать тебе, должно пока оставаться в тайне. — Он улыбнулся:

— Если такое дело, то, возможно, нам лучше проверить, не спрятаны ли под столом микрофоны.

— В этом нет нужды. Кто бы ни подслушивал нас, он всё равно не поверит в то, что я скажу. — У Райха был такой озадаченный вид, что я начал с прямого вопроса:

— Произвожу ли я впечатление человека в здравом уме?

— Да, конечно!

— А если предположить, что через полчаса ты будешь сомневаться в моей нормальности?

— Ради Бога, продолжай дальше. Я знаю, что ты не сумасшедший. С чем это связано? Какая-нибудь новая идея о нашем подземном городе? — Я покачал головой. С Райха никак не сходило удивление.

— Весь день я читал заметки Карела Вейсмана и думаю, что теперь знаю, почему он покончил с собой.

— Почему?

— Думаю, тебе лучше почитать их самому, они стоят этого. Он сам объяснит всё лучше, чем я. Но главное вот что: я не верю, что он был сумасшедшим. Это не было самоубийством — в какой-то степени это можно даже назвать убийством.

Говоря всё это, я гадал, не примет ли он всё-таки *меня* за безумца, и старался выглядеть как можно спокойнее и рассудительнее. Но, к моему облегчению, он обошёлся без излишних домыслов. Он только сказал:

— Ладно, но если ты не возражаешь, мы всё же выпьем. Мне это необходимо.

Поэтому мы заказали бутылочку "Нюи Сен Жорж", и я помог ему распить её. Затем рассказал ему кратко, как мог, теорию Вейсмана о Паразитах разума. Я начал с напоминания о своем переживании на стене Каратепе и нашем последующем разговоре. Ещё до того, как я закончил, моё уважение и расположение к Райху удвоились. С его стороны было бы вполне оправдано, если бы он поддакивал мне в течение всего моего рассказа, но, лишь только скрывшись из моего виду, сразу же послал бы за смирительной рубашкой — потому как мой краткий отчёт, должно быть, звучал довольно безумно. Однако он понял, что я прочитал в бумагах Вейсмана нечто, убедившее меня, и захотел убедиться в этом и сам.

Помню то чувство нереальности, охватившее меня, когда после ужина мы поднимались наверх. Если я был прав, то только что произошедший разговор был одним из важнейших в истории человечества. И всё-таки мы были двумя обыкновенными человеческими созданиями, возвращавшимися в мою тихую комнату, и по пути нас остановили толстые, преуспевающе выглядящие мужчины, которые хотели познакомить нас со своими жёнами. Всё казалось слишком нормальным и обычным. Я посмотрел на громаду Вольфганга Райха, легко поднимавшегося впереди меня, и спросил себя, действительно ли он верит в научно-фантастическую историю, рассказанную мною. Я знал, что здравость моего рассудка в

значительной степени зависела от того, поверит ли он мне.

В моей комнате мы выпили апельсинового сока. Теперь Райх понимал, почему я хотел сохранить наши головы ясными, и не стал даже курить. Я протянул ему папку "Исторических размышлений" и показал отрывок, приведённый мною выше, затем вместе с Райхом снова перечитал его. Прочитав, он поднялся и принялся молча расхаживать по комнате. Наконец я сказал:

— Ты понимаешь, что если всё это не бредовый сон, то я подвергаю твою жизнь опасности, рассказывая об этом?

— Это меня не беспокоит. Она была в опасности и прежде. Но я хотел бы знать, на сколько реальна эта угроза. У меня не было твоего опыта общения с этими Вампирами, поэтому мне трудно судить.

— Мне тоже, я знаю также мало, как и ты. Остальные папки Вейсмана полны рассуждений об их природе, но ничего определённого. Нам придётся начать почти с самого начала. — Несколько мгновений он пытливо смотрел на меня:

— Ты ведь действительно веришь в это?

— Я хотел бы, чтобы это не было правдой.

Всё казалось каким-то абсурдным, мы разговаривали, словно два персонажа из романа Райдера Хаггарда[92], и тем не менее это была реальность. Мы бесцельно разговаривали около получаса, когда Райх сказал:

— В любом случае мы должны немедленно сделать одну вещь: мы должны всё это записать на магнитофон и сдать плёнку на хранение в банк сегодня же вечером. Если с нами ночью что-нибудь случится, она останется как предупреждение. К тому же, будет меньше шансов, что нас обоих примут за сумасшедших, чем если бы ты был один.

Он был прав. Мы достали мой магнитофон, и записали на него отрывки из заметок Вейсмана. Райх произнес заключительные слова: он сказал, что неуверен, бред ли всё это или нет, но выглядит достаточно правдоподобно, чтобы сделать это предостережение. Мы так и не узнали, почему умер Вейсман, но у нас есть его дневник с записью за день до самоубийства, которая кажется написанной в здравом уме.

Закончив запись, мы запечатали ленту в пластмассовую коробку и спустились вниз положить её в ночной сейф банка ЕУК. Потом я позвонил домой управляющему банка и сказал ему, что мы положили в его сейф плёнку с важной информацией, попросив хранить её там, пока она не потребуется. Здесь мы не встретили никаких трудностей: управляющий посчитал, что информация относится к раскопкам и ЕУК, и пообещал позаботиться о ней лично.

Я сказал Райху, что, на мой взгляд, нам обоим сейчас необходим крепкий сон, и рассказал о своей идее, что Паразиты имеют меньшую власть над полностью здравым умом. Мы решили держать открытой видеофонную линию между нами всю ночь — на случай, если потребуется помощь, и расстались. Без колебаний я принял большую дозу успокаивающего — хотя едва ли было десять часов — и отправился спать. Лишь только моя голова коснулась подушки, я заставил себя заснуть, отказавшись от любых размышлений, и это мне сразу же удалось. Мои мысли были упорядочены и спокойны, так что мне было легко остановить сонные блуждания мозга.

В девять утра меня разбудил Райх. Он вздохнул с облегчением, увидев, что со мной всё в порядке. Десятью минутами позже мы встретились за завтраком.

Именно тогда, сидя в залитом солнцем зале и попивая холодный апельсиновый сок, мы впервые плодотворно поразмыслили над Паразитами. Мы чувствовали себя свежими и отдохнувшими, и снова записали весь разговор на магнитофон. Прежде всего мы обсудили, как долго сможем хранить нашу осведомлённость в тайне от Паразитов, и сошлись на том, что узнать этого мы никак не можем. Впрочем, Вейсман был в безопасности шесть месяцев, и это показывало, что опасность не возникала немедленно. Более того: Паразиты *знали*, что Вейсману было известно об их существовании, они ведь мешали его попыткам обратиться к этой проблеме, так что он был меченым с самого начала. С другой стороны, я не чувствовал чуждого присутствия за день до того, как прочёл "Исторические размышления", и в последствии я справился с начинающейся тревогой и паникой. Я чувствовал себя исключительно здоровым — как душевно, так и физически. Я принимал вызов. Моя бабушка как-то сказала мне, что в первые дни Второй Мировой войны все казались более счастливыми и полными сил, чем когда-либо прежде, и теперь я понимал, почему.

Итак, было вполне вероятно, что Паразиты ещё не догадывались, что тайна Вейсмана перестала быть таковой, и ничего удивительного в

этом не было. Мы не знали их числа — если к ним вообще применимо понятие количества, — но, если им было затруднительно контролировать пять миллиардов человек — нынешнее население мира, — то опасность была не столь велика.

— Предположим, — сказал Райх, — что теория Юнга верна, и что человеческая раса действительно имеет один огромный "разум", бескрайний океан "подсознания". Также мы полагаем, что эти создания населяют глубины этого океана и избегают появляться слишком близко у его поверхности из страха быть обнаруженными. В таком случае, они могут не догадываться о нашей осведомлённости годами, при условии, что мы не выдадим себя, как Вейсман, потревожив их.

Это ставило ещё одну проблему. Предыдущим вечером мы оба пришли к мысли, что лучшим способом узнать больше о Паразитах будут эксперименты с наркотиками, которые дадут нам возможность исследовать себя изнутри. Теперь мы поняли, что это будет опасно. Существуют ли тогда другие способы познать свой разум — без употребления наркотиков?

К счастью для нас, Вейсман подробно рассмотрел эту проблему в своих "Размышлениях", мы обнаружили это днём, страница за страницей изучая его работу. Столь необходимым нам методом оказалась феноменология Гуссерля. Гуссерль писал о составлении карты "структуры сознания" (или, как мы предпочитали говорить, "географии сознания") единственно средствами сознательных размышлений. Задумавшись над этим, мы увидели в этом здравый смысл. Если вы собираетесь составлять карту неизвестного континента — предположим, джунглей Венеры, — вы не станете тратить время впустую, продираясь среди деревьев, а в основном будете полагаться на приборы и вертолёт. Более важно то, что вам придется стать специалистом по распознаванию лежащего под вами — например, как узнать болото по его цвету и так далее. Ну а там, где дело касается географии человеческого разума, главная проблема заключается вовсе не в погружении в царства подсознания, а в умении приспосабливать слова к тому, что *именно* мы знаем о нём. С картой я могу пройти от Парижа до Калькутты, без неё же могу оказаться в Одессе. И если бы у нас была подобная "карта" разума человека, то мы смогли бы исследовать всю территорию, лежащую между смертью и мистическими видениями, кататонией и гениальностью.

Давайте я объясню это по-другому. Ум человека подобен огромному электронному мозгу, способного на самые потрясающие вещи. Но, к несчастью, человек не знает, как управлять им. Каждое

утро, проснувшись, он подходит к панели управления этого мозга и вновь начинает дёргать за ручки и нажимать на кнопки. Абсурд: имея в своём распоряжении такую гигантскую машину, человек лишь знает, как заставить её делать простейшие вещи, заниматься самыми банальными будничными вопросами. Правда, есть некоторые люди — которых мы называем гениями, — способные заставить её делать гораздо более потрясающие вещи: писать симфонии и поэмы, открывать математические законы. И есть ещё несколько человек, вероятно, наиболее значительных из всех, которые используют эту машину *для исследований её же собственных способностей* — то есть, они используют её с целью узнать, что они могут сделать с её помощью. Эти люди знают, что этот мозг способен сочинить симфонию "Юпитер", "Фауста", "Критику чистого разума"[93] и многомерную геометрию. В некотором смысле, все эти работы были выполнены случайно, или, по меньшей мере, инстинктивно. Да, множество великих научных открытий делаются случайно, и после их совершения главная задача учёного состоит прежде всего в том, чтобы изучить скрытые законы, управляющие ими. Этот электронный мозг есть величайшая из всех загадок, и знание его секрета превратит человека в Бога. Как можно лучше всего использовать сознание, кроме как не исследуя его же собственные законы? В этом и заключается смысл слова "феноменология", возможно, единственно важного слова в словаре человечества.

Один только объём задачи повергал нас в благоговейный трепет. Однако он отнюдь не угнетал нас — ни один учёный не может быть подавлен перспективой бесконечного исследования. Снова и снова — я бы сказал, тысячу раз за следующие несколько месяцев — мы повторяли одно и то же: мы знаем, почему Вампирам так необходима секретность. Потому что всё дело заключается лишь в том, что человечество считает свою духовную болезнь как нечто само собой разумеющееся, как естественное состояние. Как только оно начинает сомневаться в этом, бороться с этим, ничто не может остановить его в продвижении вперёд.

Помню, чуть позже мы спустились в кафе попить чаю (мы решили, что, поскольку кофе тоже своего рода наркотик, его не следует употреблять). Пересекая главную площадь ЕУК, мы вдруг обнаружили, что смотрим на людей вокруг нас с какой-то богоподобной жалостью. Все они были поглощены своими мелочными хлопотами, запутаны в своих маленьких личных бытовых драмах, в то время как мы схватились с *реальностью* — единственно возможной

реальностью, реальностью эволюции разума.

Всё это немедленно стало приносить результаты. Я начал терять излишний вес, и моё физическое здоровье всё более улучшалось. Я стал крепко и глубоко спать, и по пробуждении чувствовал себя спокойным и совершенно здоровым. Мои мыслительные процессы начали приобретать удивительную точность, я думал спокойно, медленно, почти педантично. Мы оба осознавали важность этого: Вейсман сравнивал Паразитов с акулами, а, как известно, лучший способ для пловца привлечь их внимание — начать кричать и барахтаться на поверхности. Мы не собирались совершать подобную ошибку.

Мы вернулись на раскопки, но вскоре нашли благовидный предлог проводить там как можно меньше времени — это было несложно, потому как большая часть оставшейся работы была скорее в компетенции инженеров, нежели археологов. В любом случае Райх уже задумал переправить своё оборудование в Австралию и начать исследовать там место, описанное Лавкрафтом в рассказе "За гранью времен". Наши находки в Турции не оставляли никаких сомнений в том, что он был в некотором роде ясновидцем, и раскопки на новом месте обещали принести результат. Наконец, в августе мы просто решили взять отпуск, сославшись на плохую переносимость жаркой погоды.

Мы были настороже, следя за малейшими признаками приближения Паразитов. Работа шла гладко, мы оба находились в превосходном физическом и душевном состоянии, при этом соблюдая постоянную бдительность против любого ментального "вторжения", описанного Карелом. Однако ничего не происходило, и мы были этим озадачены. Я случайно нашёл объяснение этому, когда снова посетил Лондон в начале октября. Заканчивался срок действия договора об аренде моей квартиры на Перси-Стрит, а я никак не мог решить, стоило ли его продлевать. Я сел на утреннюю ракету в Лондон и к одиннадцати уже был в своей квартире. Лишь только войдя, я понял, что они наблюдают за мной — месяцы ожидания сделали меня чувствительным. Раньше я и не обратил бы внимания на это неожиданно появившееся чувство депрессии, какой-то притаившейся опасности, объяснив его несварением желудка. Но с тех пор я многому научился. Например, я понял, что когда у человека неожиданно появляется предчувствие чего-то "страшного", которое описывается как "кто-то ходит по моей могиле", то это является сигналом тревоги: какой-то Паразит подобрался слишком близко к поверхности сознания,

и это присутствие чуждого и вызывает чувство страха.

Итак, я сразу же понял, что в моей комнате за мной следят Паразиты. Может, это звучит парадоксально, что они были "там", в комнате, хотя я и говорю постоянно, что они находятся *внутри* нас. Такая путаница обязана несоответствию терминов нашего будничного языка. В определенном смысле мир разума и физический мир пространства-времени совпадают, как это понимал Уайтхед[94]. Разум находится "внутри" нас не в том же самом смысле, как, например, кишечник. Наша индивидуальность нечто вроде водоворота в океане разума, отражение полной идентичности мирового человечества. И когда я вошёл, Паразиты были и внутри меня, и одновременно поджидали меня в комнате. Они стерегли бумаги Вейсмана.

Недели тренировок принесли свой результат. Я позволил своему разуму согнуться под их "взглядами", как дерево гнётся под напором ветра, или как больной человек слабеет из-за болезни. И снова у меня было чувство, что за мной скорее наблюдают осьминоги, эти злобные неподвижные создания, нежели акулы. Я занялся своими делами, притворяясь, будто не замечаю их. Я даже подошёл к шкафам, заглянул внутрь и верхним уровнем своего разума отреагировал на папки по психологии с обычным безразличием. Именно тогда я ясно понял, что развил в себе новую способность ума. Я был полностью отделён от человеческого существа, которое ещё два месяца назад называл "Гилбертом Остином" — как кукловод отделён от своей марионетки. И пока я был под надзором Паразитов, я слился со своим старым "я" и, так сказать, просто стал его пассажиром. Я чётко контролировал себя и не боялся, что выдам себя. Я переключился на "схемы" старого Гилберта Остина, и теперь именно он прошёлся по комнате, позвонил в Хэмпстед справиться о здоровье миссис Вейсман и, наконец, связался со складской фирмой, чтобы они увезли к себе на хранение мебель (которая была моей собственностью) и шкафы Карела. Затем я спустился вниз и поговорил с домовладельцем. Остаток дня провёл в Британском музее, беседуя с Германом Беллом, главой отделения археологии. Всё это время я ощущал, что ещё нахожусь под наблюдением Паразитов, хотя уже и не под таким пристальным. С тех пор, как я сделал заказ на вывоз шкафов, их интерес ко мне заметно убавился.

Следующие сорок восемь часов мой разум был настроен только на рутинные дела, связанные с раскопками на Каратепе. Это вовсе не так трудно, как звучит (и позже многие читатели это поймут). Дело просто заключается в отождествлении самого себя со своей ролью, как в

актёрском методе — например, разделять возбуждение Белла по поводу раскопок и так далее. Я ездил по Лондону и навещал своих друзей, и даже позволил себя соблазнить на "скромную вечеринку" — присутствовать там в качестве знаменитости (на самом же деле вечеринка оказалась крайне многолюдной — хозяйка обзвонила около сотни знакомых, как только я пообещал туда явиться). Я сознательно заставил свой ум работать по-старому, что, надо сказать, было довольно тяжело. Я возбудился, а затем впал в депрессию и, уже летя домой, "сфабриковал" мысль, не был ли этот вечер бесполезной тратой времени, и даже "принял решение" больше не посещать подобные мероприятия. Когда вертолёт ЕУК приземлился в Диярбакыре, я почувствовал, что небо вновь чисто, но продолжал прикрывать свои мысли ещё два дня. К счастью, Райх вернулся на раскопки, и у меня не было искушения ослабить меры предосторожности. Как только он вернулся, я всё ему рассказал и высказал мысль, что, возможно, перевозка шкафов Вейсмана на склад снизит их интерес ко мне до нуля. Но мы не собирались самоуверенно расслабляться.

Мой опыт позволил сформулировать ещё одну догадку о Паразитах. Понятно, что они не следили за каждым человеком постоянно. В таком случае, почему же люди не "выздоравливали", как мы, когда вокруг не было Паразитов?

Этот вопрос занимал нас целый день. Ответ нашёл Райх. Ему случилось поговорить с женой Эверетта Ройбке, президента ЕУК. Её муж только что отбыл на две недели на Луну для восстановительного отдыха, и она признала, что его нервы изрядно сдали.

— Но почему? — спросил Райх. — Разве дела компании не идут превосходно?

— О, да, — ответила она, — но когда человек является президентом такого большого предприятия, как ЕУК, он привыкает постоянно волноваться и иногда просто не может остановиться.

Ну конечно! Привычка! Как всё становится просто, когда подумаешь об этом! Психологи в течение многих лет говорили нам, что человек в значительной степени является машиной. Лорд Лестер[95] сравнивал человека со старыми дедушкиными часами, приводимыми в действие пружиной. Единственная психологическая травма, перенесённая в детстве, может стать основанием для невроза на всю жизнь, и, наоборот, одно-два радостных впечатления в раннем детстве способны сделать человека неистощимым оптимистом. Тело может быть разрушено микробами физической болезни за неделю, а разум хранит микробы страха и психических нарушений всю жизнь. Почему?

Да потому, что ум имеет свойство застаиваться — в течение всего времени, пока есть жизненные силы. Ум работает по привычке, и эти привычки крайне трудно разрушить, особенно вредные.

Другими словами, человек, на которого воздействовали Паразиты, подобен заведённым часам, и ему можно уделять внимание только раз в год или около того. Кроме того, как выяснил Вейсман, люди сами влияют друг на друга, облегчая тем самым работу Паразитам: отношение родителей к жизни передаётся их детям, а один мрачный, пессимистически настроенный писатель с выразительным стилем воздействует на целое поколение писателей, которые, в свою очередь, влияют почти на каждого образованного человека в стране.

Чем больше мы узнавали о Паразитах, тем больше понимали, как ужасающе просто обстояло всё дело, и тем невероятней нам казалась удача, что мы натолкнулись на их секрет. Прошло довольно много времени, прежде чем мы наконец осознали, что понятие "удача" в данном случае было неточным и даже совсем неподходящим, как и большинство абстрактных существительных нашего языка, и дело заключалось в чём-то совершенно ином.

Естественно, мы проводили много времени, обсуждая, кого ещё можно посвятить в нашу тайну. Вопрос был сложный. Мы взяли хороший старт, но один неверный шаг мог разом всё уничтожить. Прежде всего, мы должны были убедиться, что выбрали людей, способных воспринять то, что мы им расскажем. Дело было не столько в том, что нас могли принять за сумасшедших — мы уже не очень опасались этого, — но в том, чтобы быть уверенными, что какой-нибудь небрежно выбранный "союзник" не выдаст нас Паразитам.

Мы читали много работ по психологии и философии, пытаясь выяснить, был ли ещё кто-нибудь, чья мысль уже шла в правильном направлении. Мы нашли нескольких, но всё ещё проявляли осторожность. К счастью, Райх и я быстро научились технике феноменологии, потому что не были философами и, стало быть, не имели против неё предрассудков. Семена Гуссерля, так сказать, пали на благодатную почву. Но поскольку шла настоящая война, нам пришлось разработать способ *обучения* людей этой ментальной дисциплине — было недостаточно положиться лишь на их обычные умственные способности, так как надо было научить их защищать себя от Паразитов как можно быстрее.

Дело, как видите, заключается в следующем. Стоит вам овладеть мастерством использования разума надлежащим образом, и всё пойдет легко. Всё дело в разрушении привычки, которую люди приобрели

миллионы лет назад, привычки уделять всё своё внимание окружающему миру и принимать "воображение" лишь за стремление уйти от действительности, не понимая, что на самом деле оно является краткой экскурсией в великие неведомые страны разума. Вам приходится привыкать осмысливать работу вашего разума — и не только одного "ума" в обычном смысле, но и включая чувства и восприятия. Думаю, на первых порах труднее всего осознать, что "чувство" есть лишь другая форма восприятия, хотя мы обычно жёстко разделяем эти понятия. Я смотрю на какого-то человека, "вижу" его: это объективность. И вот на него смотрит ребёнок и кричит: "Ох, что за противный человек!" Ребёнок *чувствует* человека, и мы называем это "субъективностью". Мы не осознаем, насколько глупа эта классификация, и насколько она запутывает наше мышление. По существу, чувство ребенка тоже "восприятие". Но в ещё более важном смысле наше "вúдение" также есть чувство.

Вспомните, что происходит, когда вы настраиваете бинокль. Вы крутите маленькое колёсико, и всё кажется мутным, пока вдруг крохотное смещение этого колёсика не делает всё ясным и резким. Теперь представьте, что кто-нибудь говорит вам: "Старик такой-то умер прошлой ночью". Обычно ваш ум столь занят другими вещами, что вы совсем ничего не чувствуете — или, скорее, ваше чувство неясное, смутное, как бинокль не в фокусе. И где-то неделей позже, когда вы спокойно сидите в своей комнате и читаете, что-то напоминает вам об умершем "старике таком-то", и в этот миг вы совершенно неожиданно чувствуете острую скорбь: ваше чувство сфокусировалось. Разве недостаточно этого, чтобы убедить нас, что чувство и восприятие совершенно одно и то же?

Я пишу историческое повествование, а не философский трактат, и потому не буду совершать подробный экскурс в феноменологию (я сделал это в других своих работах, также советую обратиться к книгам лорда Лестера, дающим превосходное введение в эту науку). Но приведённые выше философские рассуждения необходимы для понимания истории борьбы с Паразитами разума. Размышляя обо всём этом, мы поняли, что главным оружием Паразитов является "глушение разума", подобное созданию помех на радаре. Ум мыслящего человека постоянно "сканирует" Вселенную: "«я» бодрствующее есть «я» познающее". Это словно работа астронома, исследующего небо в поисках новых планет, которые сейчас открываются путем сравнения старых фотографий звёздного неба с новыми: если звезда переместилась, то тогда это уже не звезда, а планета. Вот и наш разум

и чувства постоянно занимаются таким же изучением Вселенной в поисках "смыслов". "Смысл" находится, когда мы сравниваем два каких-нибудь своих опыта и внезапно из этого что-нибудь понимаем. Приведу самый простой пример: после первого знакомства с огнём ребёнок может подумать, что огонь совершенно восхитительная вещь: тёплая, яркая и интересная. Но если затем он сунет палец в пламя, то узнает о нём кое-что новое: огонь жжётся. Но он не станет из-за этого считать, что огонь неприятен во всех отношениях, если только он не слишком пугливый и нервный. Он накладывает один свой опыт на другой, как две звёздные карты, и отмечает себе, что одно свойство огня должно быть чётко отделено от других. Весь этот процесс и называется изучением.

Теперь предположим, что Паразиты намеренно "замутняют" наши чувства, когда мы пытаемся сравнить два своих опыта — как если бы они заменили обычные очки астронома на очки с дымчатыми стеклами: он старательно вглядывался бы в две карты, но многого разобрать бы не смог. Когда подобное происходит с нами, мы также не можем сделать чёткого вывода, а если к тому же ещё и слабы или невротичны, то и вовсе делаем ошибочное заключение — например, что огонь "плохой", потому что он жжётся.

Я извиняюсь перед читателями, не очень жалующими философию, за эти разъяснения, но они крайне важны. Целью Паразитов было не дать человеку достигнуть своих максимальных сил, и они делали это с помощью "глушения" наших эмоций и замутнения чувств. В результате мы практически ничего не могли узнавать и блуждали в ментальном тумане. Это было одной из первых вещей, которую понял Вейсман, исследуя в "Исторических размышлениях" течение последних двух веков, чтобы точно выяснить, как Паразиты проводили свои атаки на человечество. Возьмём поэтов-романтиков начала девятнадцатого столетия, таких как Вордсворта, Байрона, Шелли, Гёте. Они совершенно отличаются от поэтов предыдущего века — Драйдена, Попа[96] и остальных. Их умы были словно мощные бинокли, точно сфокусированные на жизнь человека. Когда однажды ранним утром Вордсворт посмотрел на Темзу с Вестминстерского моста, его ум внезапно взревел как динамо-машина и наложил один на другой огромное число опытов — в какой-то миг, вместо обычного взгляда снизу, он увидел человеческую жизнь *сверху*, подобно воспарившему орлу[97]. И когда бы человек ни видел жизнь именно таким образом — будь то поэт, ученый или политик, — результатом всегда является появление огромной силы и мужества, проблеска

смысла жизни и назначения человеческой эволюции.

И вот, именно на этом этапе истории, как раз тогда, когда человеческий разум совершил этот гигантский эволюционный скачок — а эволюция всегда движется скачками, как электрон переходит с одной орбиты на другую, — Паразиты разума ударили во всей своей силе. Их акция была коварной, с прицелом в далекое будущее: они начали манипулировать ключевыми умами нашей планеты. Толстой в "Войне и мире" намекал именно на это, когда заявил, что личности играют в истории маленькую роль, и что история развивается механически — потому что все главные герои той наполеоновской войны двигались механически, словно простые шахматные фигуры в руках Паразитов. Они потворствуют учёным в их догматизме и материализме. Каким образом? Учёным внушается чувство глубокой психологической опасности, что заставляет их страстно хвататься за идею науки как "чисто объективного" знания — точно так же, как Паразиты пытались склонить ум Вейсмана к решению математических и шахматных задач. Коварный удар был также нанесён и по художникам и писателям. Вероятно, Паразиты с ужасом взирали на гигантов, подобных Бетховену, Гёте, Шелли, осознавая, что несколько десятков таких людей твёрдо приведут человечество к следующей стадии его эволюции. Поэтому Шуман и Гёльдерлин были поражены безумием, Гофман склонен к пьянству, а Колридж и де Квинси[98] превращены в наркоманов. Гении жестоко изводились, словно мухи. Нет ничего удивительного в том, что великие художники девятнадцатого века чувствовали, что весь мир был против них. Нет ничего удивительного, что с храброй попыткой Ницше воспеть гимн оптимизму разделались столь поспешно — молниеносным ударом безумия. Я не буду останавливаться на этом подробно — книги лорда Лестера по данной теме излагают всё исчерпывающе.

Как я уже говорил, стоило нам лишь узнать о существовании Паразитов, и мы избежали их коварно расставленного капкана. И это был не иначе как *исторический капкан* — ведь история сама по себе была их главным оружием. Именно Паразиты "определяли" историю. И за два века история человечества превратилась в притчу о слабости людей, малодушии их характера, беспомощности при столкновении с Неизбежностью. В момент, когда мы узнали, что история "определена", она перестала обманывать нас. Мы оглянулись назад, на Моцарта и Бетховена, Гёте и Шелли, и подумали: да, если бы не Паразиты, цена великого человека была бы очень мала. Мы поняли, что бессмысленно говорить о человеческой слабости: люди имеют

огромную силу, если только она не высасывается каждую ночь этими вампирами душ.

Уже только этого знания было вполне достаточно, чтобы наполнить нас невероятным оптимизмом, и на этой ранней стадии ему также способствовало то, что мы практически ещё не знали Паразитов. Выяснив, что они придают большое значение секретности, неосведомлённости человечества об их существовании, мы пришли к заключению — за которое впоследствии дорого заплатили, — что они не обладают реальной силой для причинения какого-либо вреда. Нас, однако, беспокоила загадочность самоубийства Карела, но его вдова предложила мне вполне правдоподобную версию. Карел клал в чай сахарин, а пузырёк с таблетками цианида походил на пузырёк с сахарином. Что, если предположить, что он слишком увлёкся работой и по рассеянности вместо сахарина насыпал цианид? Конечно, запах мог бы его выдать, но снова предположим, что Паразиты каким-то образом притупили его чувство обоняния, так сказать, "заглушили" его. Возможно, Карел сидел за столом, ничего не подозревая, полностью сосредоточившись на своей работе, и, скорее всего, был весьма утомлён. Он автоматически потянулся за сахарином, и один из Паразитов мягко направил его руку на несколько дюймов левее...

Я и Райх были склонны принять эту версию, которая вполне объясняла присутствие цианида в чае. Она также соответствовала нашей точке зрения, что Паразиты разума по своей сути не более опасны, чем любые другие биологические паразиты — древесный червь или ядовитый плющ, например, — то есть, если вы знаете о их существовании и примите против них соответствующие меры, они не смогут причинить вам вреда. Мы говорили себе, что не допустим ошибки Карела Вейсмана. У них было немного способов обмануть нас, как они сделали это с Карелом. Например, они могли заставить нас допустить какую-нибудь ошибку за рулём автомобиля. Вождение большей частью дело внутреннего чутья, которое легко можно обмануть, если вы ведёте машину со скоростью девяносто миль в час и полностью сосредоточены на дороге. Поэтому мы решили не садиться за руль ни при каких обстоятельствах, и даже не ездить, когда машину ведёт кто-то другой, так как шофёр может быть ещё более уязвим, чем мы сами. Полёты на вертолётах совсем другое дело: автоматический контроль радаром сделал катастрофы практически невозможными. А однажды, когда мы услышали, что какой-то солдат был убит обезумевшим местным жителем, мы поняли, что это ещё один способ устранить нас, и его нужно принять во внимание. По этой причине мы

стали носить оружие и старались избегать людских толп.

Пока, в течение первых месяцев, всё шло так хорошо, что трудно было не поддаться чересчур оптимистическому настрою. Когда мне было всего лишь двадцать, и я изучал археологию у сэра Чарльза Майера, я испытывал такой восторг и воодушевление, словно только начинал жить. Но это было ничто по сравнению с тем воодушевлением, котором я теперь был охвачен постоянно. Мне стало ясно, что в обыкновенном человеческом существовании кроется коренная *ошибка*, такая же нелепая, как наполнение ванны с выдернутой пробкой или вождение автомобиля с ногой на тормозах. То, что следовало бы собирать со всё большим и большим упорством, теряется с каждой минутой. И как только это становится понятным, проблема исчезает сама собой. Разум начинает заполняться жизненной энергией и чувством самообладания. Вместо того, чтобы сдаваться на милость настроения и чувств, мы управляем ими также легко, как управляем движением рук. Но вряд ли можно описать результат этого тому, кто этого не испытывал. Люди привыкли к тому, что "происходит" с ними: они простужаются, впадают в тоску, что-то находят и теряют, испытывают скуку... Но с тех пор, как я обратил своё внимание внутрь своего разума, со мной все эти вещи больше не происходили — теперь я их контролировал.

Я до сих пор помню знаменательнейшее событие тех ранних дней. Как-то в три часа пополудни я сидел в библиотеке ЕУК, изучая новую статью по лингвистической психологии, и думал о том, можно ли посвятить в наш секрет её автора. Некоторые ссылки на Хайдеггера[99], основателя этой школы, взволновали меня, потому что неожиданно я ясно увидел ошибку, вкравшуюся в основы его философии, а также те захватывающие перспективы, которые откроются при её исправлении. Я начал делать стенографические заметки, как вдруг мимо моего уха с противным писком пролетел комар. Секундой позже он пролетел вновь. Я всё ещё был поглощён Хайдеггером, но взглянул на него и пожелал, чтобы он улетел к окну. Лишь я подумал об этом, как ясно почувствовал, что мой разум *столкнулся* с этим комаром. Он неожиданно изменил направление и полетел через зал к закрытому окну. Мой разум крепко держал его и направил к выходному отверстию вентилятора и затем наружу.

Я был столь изумлён, что какое-то время только и мог, что сидеть с широко раскрытым ртом. Едва ли я был бы потрясён больше, если бы у меня вдруг выросли крылья, и я начал летать. Не обманывался ли я, думая, что мой ум *направлял* это создание? Я вспомнил, что в уборную

часто залетали осы и пчёлы, потому как под её окном была клумба с пионами, и немедленно направился туда. Там никого не было, а на матовом стекле билась оса. Я прислонился к двери и сконцентрировался на насекомом. Ничего не произошло. Я был разочарован. У меня было чувство, что я что-то сделал неправильно, словно дёргал запертую дверь. Я вернулся в мыслях назад к Хайдеггеру, почувствовал прилив воодушевления и видений будущего, и тут же почувствовал, что мой ум *перещёлкнулся на "передачу"*. Я был в контакте с осой, точно также, как если бы держал её в руке. Я захотел, чтобы она перелетела через комнату. Нет, "захотел, чтобы она перелетела", пожалуй, неверная фраза. Ведь вы не "хотите", чтобы ваша рука сжалась и разжалась, вы просто делаете это. Точно также и я направил осу через ванную к себе, затем, едва лишь она подлетела ко мне, заставил её повернуть и полететь назад к окну. Это было столь невероятно, что я готов был разразиться слезами или неистовым хохотом. Особенно меня рассмешило, что я каким-то образом чувствовал рассерженное недоумение насекомого, которого заставили делать всё это против его воли.

Влетела другая оса — а может, и та же самая. Я снова её схватил, но на этот раз почувствовал себя немного уставшим. Мой ум ещё не привык к таким вещам, поэтому его хватка соскальзывала. Я подошёл к окну и выглянул в форточку. В пионах в поисках нектара сновал огромный шмель, его-то я и захватил, велев улететь. Он сопротивлялся, я ясно чувствовал это, как можно, например, чувствовать натяжение поводка во время прогулки с собакой. Я напряг свои силы, и насекомое рассерженно слетело с цветка. Неожиданно я почувствовал, что внутренне устал, и потому отпустил его. Однако, я не сделал того, что, бывало, допускал в старые глупые дни — не позволил усталости повергнуть меня депрессию. Я просто освободил свой разум, неторопливо успокаивая его, и стал думать о чём-то другом. Спустя десять минут, в библиотеке, чувство ментального спазма исчезло.

Теперь меня интересовало, смогу ли я приложить эту ментальную силу к неживым предметам. Я заметил испачканный помадой окурок сигареты, который кто-то оставил в пепельнице за соседним столом, и попытался сдвинуть его. Да, он переместился, но это стоило мне гораздо больших усилий, чем со шмелём. И одновременно меня поджидал ещё один сюрприз: когда я коснулся окурка, то почувствовал внизу живота отчётливый прилив сексуального желания. Я отстранился от него, затем коснулся вновь и снова испытал то же

чувство. Позднее я узнал, сигарета принадлежала секретарше одного из менеджеров, темноволосой женщине с полными губами, которая носила очень сильные очки в роговой оправе. Ей было около тридцати четырех, она была не замужем, довольно невротична, и о её привлекательности нельзя было сказать ни да, ни нет. Сначала я предположил, что вспышка желания пришла от меня самого — что было бы вполне нормальной мужской реакцией на сексуальный стимул в виде испачканной помадой сигареты. Но в следующий раз, когда она села рядом со мной в библиотеке, я осторожно коснулся её разума и тут же был практически сражён резким, звериным ударом сексуального желания, исходившего от неё. Это вовсе не означало, что секретарша в тот момент думала о сексе — она копалась в каких-то статистических данных, — или что она испытывала влечение к какому-то мужчине. Она, несомненно, просто жила с этой крайне напряжённой сексуальной озабоченностью и считала это совершенно нормальным.

Я узнал ещё кое-что, исследуя её. Когда мой разум вышел из контакта, она как-то задумчиво взглянула на меня. Я продолжал читать, притворившись, что не замечаю её. Через секунду она потеряла интерес ко мне и вернулась к своей статистике. Но её внимание показало, что она узнала о моём "ментальном зондировании". Напротив, мужчина, на котором я испробовал то же самое, ни о чём не догадался. Похоже, эти результаты свидетельствовали о том, что женщины, особенно сексуально неудовлетворённые, имели необычайную чувствительность к таким вещам.

Однако, всё это происходило несколько позже. Тогда же я только пытался сдвинуть окурок и обнаружил, что задача была не из лёгких, хотя мне это и удалось. Трудность объяснялась тем, что предмет был неживым. Живой объект легче заставить делать то, что вы хотите, потому что можно использовать его жизненную энергию, и к тому же в этом случае нет инерционности, которую нужно преодолевать.

Тем же днём, всё ещё поглощённый своим новым открытием, я разорвал папиросную бумагу на мелкие клочки и забавлялся, передвигая над столом их рой, словно снежную вьюгу. Это также очень изматывало, и уже через пятнадцать секунд я оставил это занятие.

Вечером с Каратепе вернулся Райх, и я рассказал ему о своём открытии. Оно взволновало его даже больше, чем меня, но, странное дело, он не принялся тут же сам экспериментировать. Вместо этого он всё проанализировал и обсудил возможности этого. Конечно, людям

было известно о существовании психокинеза, уже где-то с полвека; в частности, его исследованиями занимался Райн в Университете Дьюка. Он определил психокинез (или ПК) как явление, "при котором личность оказывает воздействие на некий объект из окружающей обстановки без применения своей двигательной системы". "Таким образом, — добавляет он, — психокинез есть прямое воздействие разума на материю". Райна перед этой проблемой поставил игрок, заметивший, что многие игроки верят, будто могут влиять на выпадение игральных костей. Райн провёл тысячи экспериментов по психокинезу, и их результаты показали то же, что я испытал лично: через некоторое время ум от этого устаёт. "Удач было гораздо больше в начале эксперимента, чем в конце, и их число снижалось прямо пропорционально времени продолжения опыта".

Итак, в малой степени люди всегда обладали способностью к ПК. Увеличение силы моего разума с тех пор, как я стал практиковаться в феноменологических дисциплинах, просто означало, что я стал способен направлять более мощный поток ментальной энергии на психокинез.

Ум Райха воспарил, словно сокол, освобождённый от привязи. Он предрёк день, когда мы сможем поднять на поверхность руины Кадафа без всяких машин, и когда человек сможет совершать путешествия на Марс одним лишь актом воли, а надобность в космических кораблях отпадёт. Его возбуждение заразило и меня, поскольку я понял, что он прав, говоря, что психокинез пока является нашим величайшим достижением, как в философском, так и практическом смысле. Ибо, в некотором смысле, человеческий научный прогресс шёл в неправильном направлении. Возьмём вопрос раскопок на Каратепе: мы рассматривали его как чисто механический — как поднять город из-под миллиарда тонн земли, — и переложение всех обязанностей на технику означало, что мы перестали считать *человеческий разум* неотъемлемым элементом операции. И чем больше человеческий ум производит облегчающих труд машин, тем больше он отстраняет себя от собственных возможностей, тем больше он рассматривает сам себя как пассивную "думательную машину". Научные достижения человека за последние столетия всё больше и больше заставляли его считать себя пассивным созданием.

Я предупредил Райха, что такое повышенное возбуждение может привлечь внимание Паразитов, и он заставил себя успокоиться. Я порвал папиросную бумагу на клочки и погонял их по столу, чтобы показать Райху свои возможности ПК, и заметил при этом, что всё, что

я мог сделать, это сдвинуть два грамма бумаги, так что для раскопок руин Кадафа мне лучше вооружиться киркой и лопатой, чем собственным разумом! Райх тоже попытался сдвинуть бумажки, но у него ничего не вышло. Я объяснил ему "фокус" с "включением передачи" разума, но у него снова не получилось. Он экспериментировал около получаса, но ему так и не удалось сдвинуть даже самого маленького клочка, и он закончил вечер в самом угнетённом состоянии, чем я когда-либо видел его за последнее время. Я старался ободрить его, уверяя, что всё дело лишь в мастерстве, которое может прийти в любой момент. Мой брат умел плавать уже в три года, в то время как я научился лишь в одиннадцать.

И действительно, Райх овладел психокинезом примерно через неделю, он позвонил мне среди ночи сообщить об этом. Это случилось, когда он сидел в постели и читал книгу по детской психологии. Думая о той особенности, что с некоторыми детьми "постоянно что-нибудь случается", он осознал, насколько это обязано разуму самого ребенка. И как только он подумал об этих спрятанных ментальных силах, которыми мы столь мучительно учимся управлять, он неожиданно понял, что точно так же, как ребенок, "с которым вечно что-нибудь случается", он сдерживает свои способности к психокинезу. Он сконцентрировался на странице книги из тонкой бумаги и заставил её перевернуться саму собой.

Увидев его на следующий день, я понял, что он не удосуживался сном. Всю ночь он упражнялся в ПК, в результате чего выяснил, что идеальным материалом для экспериментов был пепел папиросной бумаги, который настолько лёгок, что его можно переместить малейшим усилием воли. Кроме того, легчайшее дуновение дыхания заставляет частички пепла кружиться, и разум может подхватить их в движении и использовать выделяемую энергию.

После этого Райх, имея более сильный мозг — дело здесь связано с церебральным разрядом, — развил свои силы ПК гораздо быстрее меня. Через неделю я стал свидетелем тому, как он проявил невероятное мастерство, заставив птицу изменить направление своего полета и сделать два круга вокруг его головы. Этот трюк привёл к довольно забавным последствиям, так как несколько секретарш видели всё из окна, и одна из них потом рассказала об этом прессе. Когда затем журналист спросил Райха об этом "знамении" кружащего вокруг его головы чёрного орла (как видите, история разрослась за время пересказов), ему пришлось заявить, что члены его семьи всегда были любителями птиц, и что для приманки птицы он использовал особый

высокотональный свист. В течение следующего месяца или около того его секретарю пришлось немало потрудиться, отвечая на письма от обществ любителей птиц, которые хотели, чтобы он приехал к ним и прочитал лекцию. С тех пор Райху пришлось практиковаться психокинезу не выходя из своей комнаты.

Должен заметить, что тогда я не был сильно заинтересован в своих способностях к психокинезу, так как ещё не уловил его значения. Мне стоило стольких сил переправить с помощью ПК лист бумаги через комнату, что было легче встать и сходить за ним. Поэтому, читая последний акт пьесы Шоу[100] "Назад к Мафусаилу", где его "древние люди" могли выращивать у себя дополнительные руки и ноги простым усилием воли, я полагал, что Шоу изрядно преувеличил границу человеческих возможностей.

Более увлекательным и успешным в любом отношении для меня было исследование этих внутренних царств, оно давало гораздо более возбуждающее чувство обладания своим разумом. Люди настолько привыкли к своей ментальной ограниченности, что считают её чем-то само собой разумеющимся; они словно больные, забывшие о смысле здоровья. Мой же разум теперь мог овладеть перспективами, которые простирались намного дальше того, о чём я раньше только мечтал. Например, я всегда был не в ладах с математикой. Теперь же, без малейшего усилия, я схватывал теорию функций, многомерную геометрию, квантовую механику, теорию игр и теорию групп. Я также читал перед сном пятидесятитомный сборник Бурбаки[101], обнаружив, что могу перескакивать целые страницы, потому что ход рассуждений был предельно ясен.

Как выяснилось, изучение математики было полезно во многих отношениях. Если я обращался к своей старой любви, истории, то мне становилось так легко "высвободить" какой-либо период и ухватить все его подробности во всей их образной глубине, что я находил это слишком возбуждающим, чтобы позволить себе заниматься этим: мой ум взлетал на слишком высокий уровень созерцания, и вероятность привлечения Паразитов становилась очень высокой. Поэтому я и погружался в математику, более безопасную науку. Здесь мой ум мог делать любые интеллектуальные сальто, нестись подобно пуле от одного конца математической вселенной к другому, при этом оставаясь в эмоциональном плане совершенно трезвым.

Мой опыт с секретаршей заинтересовал Райха, и он решил провести ряд экспериментов в этом направлении. Он обнаружил, что около пятидесяти процентов женщин и тридцать пять процентов

мужчин в ЕУК были "сексуально перезаряжены". Несомненно, это было связано с жарой и неудовлетворительными бытовыми условиями. Можно было бы ожидать, что такая интенсивность сексуальных чувств означала, что в ЕУК уровень промышленных самоубийств был низок, однако на деле же он был исключительно высок. Когда мы с Райхом обсудили это, то увидели причину этого. Повышенная сексуальность и высокий уровень самоубийств были связаны напрямую — и, конечно же, связаны с активностью Паразитов. Для человека секс является одним из глубочайших источников наслаждения, и сексуальное влечение очень тесно связано с эволюционным стремлением. Нарушьте каким-нибудь образом это глубинное влечение, и оно полностью овладеет человеком и попытается найти высвобождение любым способом, по существу своему неудовлетворительным. Одним из таких способов является половая распущенность, весьма распространённая в ЕУК. Всё дело снова заключается в "фокусировке" чувств. Мужчина думает, что какая-то определённая женщина удовлетворит его и убеждает её стать его любовницей, но вмешиваются Паразиты, и он не может "сфокусировать" свою энергию на половом акте. Он озадачен: она "отдалась" — в грубом смысле этого слова, — но, тем не менее, он остался неудовлетворённым. Это так же странно, как съесть огромное количество еды и всё равно продолжать чувствовать голод. У создавшейся ситуации есть два возможных развития. Первое: мужчина думает, что ошибка заключается в выборе женщины и немедленно начинает оглядываться вокруг в поисках какой-нибудь другой. Или же он решает, что обыкновенный половой акт не может принести удовлетворения, и старается найти способ сделать его поинтереснее — то есть, обращается к половым извращениям. Осторожно расспрашивая, Райх выяснил, что большинство неженатых сотрудников компании имели репутацию людей со "специфическими" сексуальными вкусами.

Как-то ночью, через неделю после того, как мы начали исследовать эти сексуальные вопросы, Райх зашёл в мою комнату с книгой и бросил её ко мне на стол.

— Я нашёл человека, которому мы можем доверять.

— Кто это? — Я схватил книгу и взглянул на её название: "Теории полового влечения" Зигмунда Флейшмана, Берлинский Университет. Райх прочёл мне отрывок, и я согласился с его выбором. Без всяких сомнений, Флейшман был человеком исключительного ума. Он исследовал аномалии в половом влечении и при этом неоднократно

употреблял выражения, звучавшие так, словно он подозревал о существовании Паразитов разума. Флейшман догадался, что половые извращения являются результатом какого-то загрязнения сексуальных устоев человека, и увидел в этом элемент нелепости, словно для утоления жажды пить виски. Но почему, спрашивал он, сексуальное удовлетворение в современном мире стало столь неуловимым для человека? Да, он перевозбуждается книгами, журналами, фильмами, но побуждение размножать расу столь велико, что это не должно сказываться на нём так заметно. Даже женщины, чьё основное стремление всегда было выйти замуж и растить детей, тоже, кажется, не выдерживают перед поднимающейся волной половых аномалий, и число разводов, причиной которых является обвинение мужьями своих жён в неверности, быстро растёт... Чем можно объяснить это ослабление в обоих полах эволюционного импульса? Может, существует какой-то неизвестный фактор, физический или психологический, который мы не приняли во внимание?

Как заметил Райх, в книге даже встречались места, в которых автор словно обвинял Бога за плохую работу по творению полового влечения человека и предполагал, что дело заключается в каком-то всеобщем срыве.

Да, было очевидно, что Флейшман наш человек, а также то, что в этой отдельной области мы могли найти ещё кого-нибудь, кто натолкнулся на аномалии в половом влечении. Одной из наших проблем была, конечно же, сама связь с различными возможными союзниками — ни у одного из нас не было достаточно времени, чтобы носиться по всему миру в поисках таких людей, — но в данном случае всё разрешилось неожиданно легко. Я написал Флейшману, высказав своё мнение по основным пунктам его книги и признавшись в интересе ко всей проблеме в целом. Также я намекнул, что, возможно, буду в Берлине и надеюсь на встречу с ним. Не позднее, чем через неделю, я получил от него длинный ответ, в котором он в частности писал: "Как и любой человек во всём мире, я, затаив дыхание, слежу за вашими исследованиями. Не сочтёте ли вы меня грубым, если я навещу вас сам?" Я ответил, что он может приехать в любое время и предложил ближайшие выходные, на что Флейшман прислал телеграмму с выражением согласия. Спустя три дня я и Райх встретили его самолет в Анкаре и вместе на ракете компании прибыли в Диярбакыр. Нас устраивало в нём всё: он был живой, умный мужчина пятидесяти лет, с великолепным чувством юмора и с типичной для немца широтой культурных интересов. Он превосходно разбирался в музыке, примитивизме, философии и археологии. Я увидел в нём одного из немногих людей, которые обладали природной сопротивляемостью к Паразитам разума.

В Диярбакыре мы угостили его великолепным обедом, за которым говорили только о раскопках и вопросах, возникших при исследовании руин. Затем мы ракетой долетели до Каратепе (наше присутствие там было замечательной рекламой для ЕУК, поэтому мы пользовались привилегиями, которые были просто немыслимы, когда Райх был всего лишь их консультантом по геологии). Первый тоннель был практически завершён, и мы показали там Флейшману всё, достойное внимания, а затем и остальные "экспонаты" — угол, отбитый от Блока Абхота, электронные фотографии надписей на других блоках и так далее. Он был увлечён всей проблемой — проблемой цивилизации, бывшей древнее останков синантропа[102]. Его собственная версия была интересной и довольно правдоподобной: на Земле когда-то

проводилась попытка колонизации с другой планеты, возможно, с Юпитера или Сатурна. Он был согласен с теорией Шрёдера[103], что жизнь некогда присутствовала на всех планетах, и, вероятно — как нам известно в случае Марса, — она была разумной. Он отрицал колонизацию с Марса из-за размера планеты — её масса равна десяти земным — и низкой гравитации, исключавших возможность появления там "гигантов", Юпитер же и Сатурн для этого обладали достаточной массой и, соответственно, гравитацией.

Однако Райх не согласился с ним и высказал свою теорию: население Земли несколько раз было полностью уничтожено катастрофами, вызванными Луной, и каждый раз после них человек вынужден был мучительно эволюционировать с начальных стадий. А великие потопы объясняют, почему эти древние цивилизации — старше голоценового человека[104] на миллионы лет — оказались похороненными так глубоко.

Так весь день прошел в спорах на различные темы. Вечером мы отправились посмотреть "Пиратов Пензанса"[105] в великолепной постановке Оперного Общества ЕУК, затем неторопливо поужинали в директорском ресторане. Райх договорился, что бы постель для Флейшмана устроили в его гостиной, куда мы и отправились после ужина. Мы всё ещё избегали интересовавшего нас в первую очередь разговора о Паразитах, помня об опасности обсуждать их поздно ночью, но всё-таки настояли, чтобы Флейшман подробно рассказал о своей теории полового влечения. К полночи он был совершенно увлечён своим рассказом и развернул перед нами блестящий обзор проблемы в целом. Иногда мы притворялись, будто не понимаем его, вынуждая объяснять более ясно. Результаты превзошли все наши ожидания: Флейшман, с его глубоким научным умом, уловил всю суть вопроса. Он понимал, что сексуальное влечение человека по сути своей в основном *романтическое*, точно так же, как и поэтический импульс. Когда поэт видит "символы бессмертия" в горном пейзаже, он совершенно отчётливо понимает, что горы в действительности не "окутанные облаками боги", и знает, что это его собственный разум *добавляет* им такое величие — или, скорее, видит их как символ скрытого величия своего собственного разума. Их величие и отчуждённость напоминают ему о его собственном величии и отчуждённости. И когда мужчина романтически влюбляется в женщину, это именно поэт просыпается в нём, который и видит её как орудие эволюции. Настоящая сила полового влечения в человеке по существу богоподобна, и сексуальный стимул может пробудить эту

силу, как гора может пробудить восприятие прекрасного. Мы должны понимать человека, сказал Флейшман, не как единство, но как постоянную борьбу между его высшим и низшим "я". Половые извращения, как у де Сада, представляют два этих уровня, сцеплённые в конфликте — сцеплённые так сильно, что их невозможно друг от друга отделить. Здесь низшее "я" намеренно использует в своих целях энергию высшего.

На этом Райх прервал его. Как, в таком случае, он объясняет резкий рост половых извращений в нашем веке? Ах, в том-то всё и дело, начал Флейшман мрачно. Низшее "я" человека как будто получает откуда-то искусственную поддержку. Возможно, наша цивилизация истощена и находится в упадке, и ее "высшие" импульсы исчерпали себя. Тем не менее, он не мог поверить в это, также как и в то, что современные неврозы обязаны своим возникновением неспособности человека привыкнуть к существованию в качестве цивилизованного животного — в действительности, высокоиндустриализованного животного. У человека было более чем достаточно времени привыкнуть к большим городам. Нет, конечно же, объяснение должно быть где-то в другом месте...

Здесь я зевнул и сказал, что хотел бы продолжить обсуждение за завтраком, если они не возражают. У нас для Флейшмана запланирован насыщенный и интересный день... Райх согласился со мной. Всё это слишком увлекательно, чтобы обсуждать уставшими. Так что мы пожелали друг другу доброй ночи и легли спать.

Следующим утром за завтраком мы с радостью увидели, что Флейшман находится в великолепном расположении духа. Он, очевидно, находил свой уик-энд весьма стимулирующим. Когда он спросил, что у нас запланировано на день, мы ответили, что предпочли бы поговорить об этом после завтрака. Затем мы вернулись в комнату Райха, и Райх возобновил наш разговор точно с того места, где он был прерван прошлой ночью. Райх повторил слова Флейшмана: "Низшее "я" человека как будто получает откуда-то искусственную поддержку", и предоставил мне рассказать историю Карела Вейсмана и о нашем открытии Паразитов.

На это у меня ушло два часа, и уже с самого начала мы знали, что нисколько не ошиблись, выбрав Флейшмана. Возможно, первые двадцать минут он и подозревал подготовленный розыгрыш, но дневник Карела убедил его, что это не так. И тогда — мы видели — на него снизошло озарение. Когда его возбуждение возросло, Райх быстро предупредил его, что это самый лучший способ привлечь

Паразитов, и объяснил, почему мы ждали утра, прежде чем всё ему рассказать. Флейшман понял. С тех пор он слушал спокойно и серьёзно, и, судя по складкам его рта, Паразиты обрели ещё одного грозного врага.

В известной степени его было легче убедить, чем Райха. Прежде всего, в колледже он изучал философию, а по Уилсону[106] и Гуссерлю даже писал курсовую работу. Кроме того, чрезвычайно эффективна была наша демонстрация психокинеза. Флейшман купил в подарок своей внучке мяч из цветной кожи, и Райх заставил его скакать по всей комнате. Я напряг свои силы и перетащил по воздуху через всю комнату книгу, а также держал сердито жужжащую осу на столе, не давая ей двигаться. Пока мы продолжали свои объяснения, Флейшман всё твердил: "Боже мой, всё сходится". Одной из основных его психологических концепций было "налог на сознание", как он сам это называл. Мы смогли показать ему, что этот "налог" в основном навязывается Паразитами разума.

Флейшман был нашим первым учеником. Мы потратили целый день, уча его всему, что знали сами: как почувствовать присутствие Паразитов, и как перед ними закрыть разум, если их присутствие очевидно. Остальное было не так важно. Он немедленно понял основную суть: Паразиты обманом не дают человеку вступить во владение территорией — страной разума, — которая по праву принадлежит ему. Но стоит только человеку *узнать* об этом с полной уверенностью, и уже ничто не сможет удержать его востребования своих владений. Завеса тумана спадает, и человек становится путешественником по разуму, как он когда-то стал путешественником по морю, воздуху, в космосе. Что он затем будет делать, зависит лишь от него. Он может совершать краткие путешествия по новой земле просто ради удовольствия, а может и заняться составлением её карты. Мы объяснили Флейшману, почему не осмеливаемся употреблять психоделические наркотики, и рассказали, что смогли добавить в область феноменологии.

После был большой обед — за утренней работой мы проголодались как волки, — а затем говорить настала очередь Флейшмана. Как психолог он знал многих, кто задавался такими же вопросами, как и он сам. В Берлине были ещё двое: Элвин Кёртис из Института Хиршфельда[107] и Винсент Гиоберти, один из его бывших студентов, теперь преподаватель университета. Также он рассказал о Эмисе и Томсоне из Нью-Йорка, Спенсфильде и Алексее Ремизове из Йельского Университета[108], Шлефе, Херзоге, Хлебникове и Дидринге

из Массачусетского Института. Именно тогда он упомянул Жоржа Рибо — человека, в последствии чуть не уничтожившего нас...

Также в тот день мы впервые услышали о Феликсе Хазарде. Я и Райх знали совсем немного о современной литературе, но сексуальная озабоченность этого писателя вполне естественно интересовала Флейшмана. Мы узнали, что Хазард имел широкую популярность в авангардистских кругах за свою странную смесь садизма, научной фантастики и безысходного пессимизма. Берлинские ночные клубы для извращенцев даже регулярно платили ему просто за то, чтобы он ежемесячно проводил там оговорённое число часов — к вящему удовольствию клиентуры. Флейшман описал нам некоторые его работы и добавил такую интересную деталь, что Хазард начал писать, будучи наркоманом, но потом заявил, что самостоятельно вылечился от этого пристрастия. Всё, что Флейшман рассказывал о Хазарде, указывало на то, что он был ещё одним "зомби" Паразитов сознания. Флейшман виделся с ним лишь раз и вынес от этой встречи довольно неприятное впечатление. По его словам, он записал в своём дневнике: "Разум Хазарда словно вскрытая могила", кроме того, несколько дней после встречи он находился в подавленном состоянии.

Теперь перед нами вставал вопрос: следует ли нам работать совместно, или же позволить Флейшману выбирать союзников самостоятельно? Мы согласились, что последнее было довольно опасно и будет лучше, если такие решения мы будем принимать все вместе. С другой стороны, времени могло быть и меньше, чем мы думали. Необходимо было собрать маленькую армию людей высокого интеллектуального уровня, и каждый, пришедший в наши ряды, всё больше облегчал бы нашу задачу. Флейшмана было легко убедить, потому что нас было двое, а когда нас будет вполне достаточно, легко будет убедить и весь мир. И тогда начнется настоящая битва...

В свете всего произошедшего кажется просто невероятным, что мы могли быть столь самоуверенными. Но не надо забывать, что до сих пор удача была на нашей стороне, и мы поверили в то, что Паразиты беспомощны перед теми, кто знает об их существовании.

Когда тем же вечером бы поехали провожать Флейшмана на самолет, он, помню, сказал, глядя на толпы на ярко освещённых улицах Анкары: "Я чувствую себя, словно за эти выходные я умер и заново родился — совершенно другим человеком". А в аэропорту он заметил: "Странно, но для меня все эти люди выглядят как *спящие*. Они все сомнамбулы." Мы поняли, что нам нечего беспокоиться, чем будет занят Флейшман: он уже овладевал "страной разума".

С тех пор всё стало происходить настолько быстро, что неделя казалась одним сплошным событием. Тремя днями позже Флейшман вернулся с Элвином Кёртисом и Винсентом Гиоберти. Он прибыл в четверг утром и уехал в пять вечера того же дня. Людей лучше Кёртиса и Гиоберти мы и желать не могли, особенно касательно Кёртиса. Он подошёл к интересовавшей нас проблеме через изучение экзистенциальной философии и, исходя из своих исследований, даже начал подозревать о существовании Паразитов. Но нас встревожила одна вещь. Кёртис также упомянул Феликса Хазарда и ещё более усилил наши подозрения, что Хазард был *прямым* агентом Паразитов, их "зомби", чей разум был полностью захвачен, когда он находился в наркотической отключке. Несомненно, он оказывал на многих людей какое-то злобное влияние, весьма возбуждавшее молодых невротичных девушек. У Кёртиса, как и у Флейшмана, он так же вызвал беспокойство. Но, что было ещё хуже, Хазард дважды глумился над работами Кёртиса в авангардистском журнале, издаваемом в Берлине. Кёртису придётся быть более осторожным, чем всем нам остальным — в глазах Паразитов он уже был подозреваемым.

Если бы мы не были дураками, то организовали бы убийство Хазарда — это не вызвало бы у нас каких-либо затруднений. Флейшман уже немного развил элементарные силы психокинеза, и, немного потренировавшись, мог бы усилить их до степени, чтобы направить Хазарда под колёса движущегося автомобиля, который бы вёл Кёртис или Гиоберти. Но мы тогда ещё испытывали обыкновенные угрызения совести и не могли до конца понять, что Хазард был *уже* мёртв, и вопрос заключался лишь в том, чтобы сделать его тело бесполезным для Паразитов.

В течение трёх следующих недель Флейшман приезжал к нам на каждые выходные, всегда привозя новых союзников — Спенсфильда, Эмиса, Кассела, Ремизова, Ласкаратоса (из Афинского Университета), братьев Грау, Джонеса, Дидринга и первую среди нас женщину — Зигрид Элгстрём из Стокгольмского Института. За двадцать дней все они прошли через наши руки. По поводу всего этого я испытывал смешанные чувства: испытывал облегчение, что тайна становится известной всё большему кругу людей, и что мы с Райхом больше не единственные её хранители, и в то же время всегда опасался, что кто-нибудь допустит ошибку и предупредит Паразитов. Хотя тогда я и был убеждён, что они не представляют реальной опасности, но внутреннее чутьё всё-таки подсказывало мне, что необходимо было сохранять секретность.

Некоторые события были особенно волнующими. Братья Грау, Луис и Генрих, всегда были близки друг к другу и уже обладали определённой способностью связываться телепатически. Своими психокинетическими силами они превосходили всех нас и показали, что мы, возможно, недооценивали важность ПК. Я присутствовал в Зале древностей Британского Музея, когда они, сконцентрировавшись в унисон, сдвинули мраморный блок весом *тридцать тонн*. Кроме меня там были Яннис Ласкаратос, Эмлин Джонес, Жорж Рибо и Кеннет Фернеукс (директор археологического отдела, которого "инициировал" я лично). Братья объяснили, что они сделали это, каким-то образом усиливая старания друг друга в пульсирующем ритме. Тогда мы совершенно не могли их понять.

Прежде чем я начну описывать первое постигшее нас несчастье, мне следует сказать ещё кое-что о психокинезе, поскольку он играет важную роль в моём повествовании. Конечно, ПК был простым и естественным следствием нашего нового *предназначения*, данным нам для борьбы с Паразитами. Первое, что я понял, начав осваивать науку Гуссерля, было то, что люди упустили простой секрет своего существования, хотя он и достаточно очевиден, чтобы его мог заметить каждый. А секрет следующий: низость человеческой жизни — и сознания — происходит от слабости луча внимания, который мы направляем на окружающий мир. Представьте, что у вас есть мощный прожектор, но внутри него нет отражателя. Включив его, вы получите кое-какой свет, но он будет расходиться во всех направлениях, и большая его часть будет поглощаться внутри самого прожектора. Но стоит вам установить в нём вогнутое зеркало, и вы уже зададите свету определённое направление, и он, сразу же став в десять раз мощнее, помчится сквозь пространство словно пуля или копьё. Но даже это всего лишь полумера, так как, хотя все лучи света теперь и распространяются в одном и том же направлении, в действительности световые волны "идут не в ногу", как недисциплированная армия, бредущая по улице. Если же теперь вы пропустите свет через рубиновый лазер, то в результате волны начнут "маршировать в ногу", и их мощь возрастёт в тысячу раз — точно так же, как ритмичный топот армии смог разрушить стены Иерихона[109].

Человеческий мозг тоже своего рода прожектор, направляющий луч "внимания" на мир, но он всегда был прожектором без отражателя. Наше внимание ежесекундно меняет своё направление, так как по существу мы не умеем направлять и фокусировать его луч. Но, тем не менее, это *действительно* случается довольно часто. Например, как

заметил Флейшман, сексуальный оргазм фактически и есть направление и фокусировка этого "луча" сознания (или внимания). Луч внезапно усиливается во много раз, в результате чего и появляется чувство огромного удовольствия. "Вдохновение" поэтов в точности то же самое: благодаря счастливой случайности, какой-то неожиданной настройке разума, луч внимания на миг поляризуется, и что бы не попало в его фокус, всё выглядит трансформированным, затронутым "великолепием и свежестью мечты". Нет нужды добавлять, что сюда же относятся и так называемые "мистические" видения, но они уже имеют характер случайного касания направленным лазером. Когда Якоб Бёме[110] увидел солнечный свет, отражённый от оловянной чаши, и заявил, что видел Небеса, он говорил сущую правду.

Люди не понимают, что их жизнь так уныла из-за отсутствия направленности и фокусировки их луча внимания — хотя, как я уже сказал, этот секрет веками лежал у них под носом. И с начала девятнадцатого века Паразиты делали всё, что только можно, чтобы отвлечь человечество от этого открытия — открытия, которое было бы *совершенно неизбежно* после эпохи Бетховена, Гёте и Вордсворта. Они достигли этого, главным образом поощряя склонность человека представлять всё в неопределённом свете и тратить время на пустяки. На человека внезапно находит озарение великой идеей — на миг его разум *фокусируется*. И вот здесь и включается привычка: желудок жалуется на пустоту внутри себя, глотке слишком сухо, и лживый тоненький голосок шепчет: "Иди и удовлетвори свои физические потребности, а после ты сможешь сконцентрироваться на этом в два раза лучше". Он подчиняется — и эта великая идея тут же вылетает у него из головы.

Как только человек наталкивается на тот факт, что его внимание есть "луч" (или, как это говорит Гуссерль, что сознание "умышленное"), он познаёт основополагающий секрет. Теперь всё, что ему остаётся понять — это то, как поляризовать этот луч. Именно "поляризованный" луч и вызывает эффект ПК.

Братья Грау совершенно случайно и открыли способ использовать разум друг друга в качестве рубинового лазера, устанавливая луч "в одну фазу". Конечно, они ни в коем случае не были экспертами в этой области, ибо расходовали впустую 99% мощности луча, но даже оставшегося процента было достаточно, чтобы с величайшей лёгкостью сдвинуть тридцать тонн, и этого даже вполне хватило бы, чтобы переместить блок весом пятьсот тонн, имей мы таковой в наличии.

До сих пор, с той самой ночи 14 октября, когда разразилась катастрофа, я так и не смог узнать, на ком лежит вина за предупреждение Паразитов. Возможно, это был Жорж Рибо, довольно странный маленький человек, введённый в наш круг Гиоберти. Рибо написал различные книги по телепатии, магии, спиритуализму и так далее, с заголовками вроде "Скрытый Храм" и "От Атлантиды до Хиросимы", а также издавал журнал "Les Horizons de L'Avenir"[111]. Пожалуй, было бы несправедливо сказать, что Гиоберти проявил недостаточно рассудительности при его выборе. Рибо обладал глубоким интеллектом и был хорошим математиком, и его книги показывали, что он подошёл очень близко к тому, чтобы заподозрить о существовании Паразитов. С другой стороны, они были слишком гипотетические и недостаточно научные. Он, бывало, перескакивал от Атлантиды к атомной физике, от примитивных племенных обрядов к кибернетике, и мог испортить разумный аргумент по эволюции ссылкой на недостоверный "факт" из спиритуалистической литературы. В одной и той же сноске он мог упомянуть и учёного, и какого-нибудь свихнувшегося спиритуалиста. Рибо приехал в Диярбакыр специально, чтобы увидеть меня — маленький мужчина с худым нервным лицом и пронизывающими чёрными глазами. Несмотря на его ум и знания, у меня сразу же появилось чувство, что он надёжен менее всех остальных, с кем я общался. Его движения были слишком нервными и быстрыми, и он был далеко не так устойчив и твёрд в ментальном плане, как другие. Райх выразил это так: "Он недостаточно беспристрастен".

В десять часов вечера я делал заметки в своей комнате. Внезапно у меня появилось то самое чувство тревоги, которое всегда говорило о присутствии Паразитов — всё было в точности так, как и на Перси-Стрит. Я решил, что они проводят нечто вроде периодической проверки, и просто спрятал свою новую личность в старую и принялся размышлять о какой-то шахматной задачке. Я намеренно рассматривал её медленно, тщательно обдумывая каждый ход, хотя мой разум и мог немедленно перескочить прямо к решению. Где-то на полпути до разрешения я отвлёкся и пошёл за фруктовым соком (я избегал употреблять алкоголь, тем более что теперь я мог довольно легко прийти в возбуждение мгновенным сосредоточением). Затем притворился, что потерял мысль о решении и старательно начал всё с начала. Через полчала или около того, я зевнул и дал своему разуму устать. Всё это время я чувствовал, что Паразиты продолжают за мной наблюдать, причём на более глубоком уровне сознания, чем тогда на

Перси-Стрит. Год назад под таким надсмотром я бы даже не испытывал угнетённости — он был совершенно вне области сознательной и даже подсознательной чувствительности.

Пролежав в кровати десять минут, я почувствовал, что они ушли, и начал думать о том, чтобы они смогли мне сделать, если бы решили напасть. Это трудно объяснить, но мне казалось, что мой разум достаточно силён, чтобы отразить даже очень мощную атаку. В полночь зазвонил видеофон. Это был Райх, и он выглядел встревоженным:

— Они были у тебя?

— Да. Ушли час назад.

— От меня только что. Это был мой первый опыт общения с ними, и он мне совсем не понравился. Они сильнее, чем мы думали.

— Не знаю. Мне кажется, это была обыкновенная проверка. Тебе удалось спрятать свои мысли?

— О, да. Я как раз работал над надписями на Блоке Абхота, и я просто сосредоточился на них и стал думать в два раза медленнее.

— Позвони, если тебе потребуется моя помощь. Думаю, мы могли бы попробовать держаться в одной фазе, как братья Грау. Может, это сработает.

Я вернулся в постель и из предосторожности погрузился в сон старым способом, а не мгновенным отключением — как мы выключаем свет.

Проснулся я в подавленном состоянии, как с похмелья или во время начала болезни. Мой разум был раздражён и словно сведён судорогой — тело испытывало бы такое же ощущение, если бы я заснул в каком-нибудь холодном и сыром месте. Я сразу же понял, что время обмана прошло. Пока я спал, они спокойно вернулись и пленили меня — я был словно крепко связан по рукам и ногам.

Теперь, когда их нападение всё-таки произошло, оно не казалось столь неприятным, как я полагал раньше, да и само их присутствие отнюдь не было отвратительным, как я тоже всегда думал. Просто оно было чуждым и имело черту, которую я могу охарактеризовать как "металлическая".

У меня и мысли не было о сопротивлении. В тот момент я был словно человек под арестом, лучшей возможностью спастись которого было постараться убедить своих пленителей в том, что они ошибаются. Так что я реагировал, как делал бы это и год назад: с некоторым страхом, замешательством, но не особенно паникуя и с уверенностью, что с помощью дозы аспирина смогу избавиться от этой

угнетённости. Я просмотрел в уме все свои действия за предыдущий день, чтобы объяснить возникшее чувство болезни.

В течение получаса ничего не происходило. Я просто неподвижно лежал, не слишком беспокоясь, и гадал, ослабят ли они свою хватку. Я чувствовал, что в случае необходимости смогу напрячь свои силы и отбросить их.

Затем я стал понимать, что всё это было бессмысленно. Они *знали*, что я знаю, и они знали, что я притворяюсь. И, будто прочтя мои мысли, Паразиты перешли к новой фазе. Они принялись давить на мой разум с такой силой, что в былые времена от этого я просто сошёл бы с ума. Точно так же, как обыкновенная тошнота даёт о себе знать чувством физической угнетённости, так и ментальная угнетённость, вызванная их давлением, была сродни тошноте.

Очевидно, я должен был начать сопротивляться, но решил пока не показывать им свою силу. Я сопротивлялся пассивно, как если бы не знал об их давлении — возможно, у них было чувство, что они пытаются столкнуть с места стотонный блок. Их напор всё возрастал, я же был совершенно уверен в себе, зная, что обладаю достаточной силой, чтобы выдержать давление в пятьдесят раз больше этого.

Однако через полчаса я уже чувствовал, что мой разум словно держит на себе целый Эверест. У меня всё ещё оставалось достаточно сил, но, продолжайся такое давление и дальше, я мог их истощить. Не оставалось ничего, кроме как показать Паразитам, на что я способен. Сделав усилие, словно рвал на себе цепи, я отбросил их, затем настроил луч своего внимания примерно на мощность сексуального оргазма и ударил по Паразитам. Удар можно было сделать сильнее в десять раз, но я хотел, чтобы они не знали всех моих возможностей. Я был всё также спокоен и не чувствовал ни малейших признаков паники, я даже почти наслаждался этой схваткой. Если я одержу победу, то в будущем мне не придётся столь тщательно ограничивать свою силу, поскольку в любом случае они уже будут её знать.

Результат первой попытки меня разочаровал. Давление исчезло и они рассеялись, но мне показалось, что они остались невредимыми. Как будто бьёшь тень. Я был бы бесконечно рад, почувствовав, что ударил их — как боксёр, сразивший ударом противника, — но мне это явно не удалось.

Их атака возобновилась немедленно. На этот раз она была столь внезапна и яростна, что мне пришлось отражать её из неподготовленной позиции. Можно было бы сказать, что я был подобен домовладельцу, столкнувшемуся с нападением шайки бродяг.

Я чувствовал, что эти создания принадлежат какому-то "низшему" порядку, что они попросту паразитирующие клопы, не имеющие никакого права на мой разум. Словно крысы из сточной трубы, они решили, что достаточно сильны, чтобы напасть на меня, и моим делом было показать им, что я этого не потерплю. Я не испытывал страха — я знал, что они на моей "территории". Когда они вернулись, я снова резко и сильно ударил по ним и почувствовал, как они рассеялись.

Возможно, непосвящённый спросит меня, действительно ли я "видел" их, или чувствовал, что у них есть какая-то определённая форма. Ответ — нет. Мои ощущения будет лучше понять, если вы представите состояние, когда вы в жару, вы изнурены, и вам кажется, что всё идет хуже некуда. Стоит вам лишь начать переходить дорогу, и по вашим ногам почти проезжает автобус. Вы чувствуете, что против вас вся вселенная, вы словно идёте между двумя шеренгами убийц. Вы больше не чувствуете себя в безопасности, и вам кажется, что абсолютно всё в вашей жизни ужасающе непрочно и хрупко. Всё это и даёт приблизительное представление об атаках Паразитов. В старые дни я бы предположил, что это просто приступы пессимизма и жалости к самому себе, и быстро нашёл бы, о чём поволноваться — чтобы эти приступы казались оправданными. Мы вступаем в такие сражения по сотне раз в день, и победа в них достигается отбрасыванием пессимизма и какого-то ни было беспокойства о жизни, решительностью и осознанием важности собственного предназначения. Всем нам известно о "тайной жизни", протекающей внутри нас, и моя тренировка за последние месяцы просто сделала эту тайную жизнь доступнее. Моя сила исходила из оптимизма, "позитивного мышления", если я могу воспользоваться этим весьма сомнительным выражением[112].

Я сражался с ними в течение часа, стараясь не думать о том, что случится, если их окажется несколько миллионов — вполне достаточно, чтобы продолжать атаковать неделями, пока мой разум не истощится. Когда эта мысль появлялась сама собой, я подавлял её. Но это была, конечно же, главная опасность.

К пяти часам я уже немного устал, но совсем подавлен не был. Именно тогда мне показалось, что они получили подкрепление и группируются для атаки. На этот раз я решил рискнуть, позволив им подойти ближе — я хотел выяснить, смогу ли причинить им вред. Я дал им надавить на себя, подобно огромной толпе, подпуская всё ближе, пока не почувствовал, что задыхаюсь. Ощущение было ужасное, как будто кто-то зажимает руку в тисках. Напор

увеличивался, но я всё ещё не сопротивлялся. Затем, когда держаться стало уже слишком тяжело, я собрал всю силу своего разума и ударил по ним, подобно пушке, прямо в их гущу. На этот раз ошибки не было. Может, они и были легки, как рой мух, но они сгруппировались таким плотным слоем, что не смогли отступить достаточно быстро, и к своему удовлетворению я почувствовал, что повредил большое их количество.

Затем на полчаса воцарилось спокойствие. Паразиты были всё ещё там, но было ясно, что им основательно досталось. Позднее я выяснил, что произошло. За месяцы подготовки я научился вызывать внутреннюю силу, которая была ментальным эквивалентом водородной бомбы. Тогда я применил её в первый раз, так что даже сам не знал всей её мощи. Они напали толпой, словно стая крыс на котёнка, — и вдруг обнаружили, что атакуют взрослого тигра. Не было ничего удивительного, что они испугались.

Я был очень доволен. Хотя я и ударил по ним в полную силу, но истощён по-прежнему не был. Я чувствовал себя свежим и сильным, как и прежде, и опьянение разгромом Паразитов придало мне мысль, что я смогу выдержать ещё несколько недель.

Но когда дневной свет начал пробиваться сквозь занавески, я понял, что столкнулся с чем-то, к чему не был готов. У меня возникло какое-то странное ощущение — как будто неожиданно чувствуешь у своих ступней холодную воду, которая медленно поднимается вверх. Только через некоторое время я понял, что Паразиты атакуют из какой-то части моего разума, *о существовании которой я и не подозревал*. Я был силён, потому что сражался с ними с помощью знаний о разуме, но я даже не догадывался, насколько ничтожны они были — я был подобен астроному, изучившему Солнечную систему и полагавшему, что он знает всю Вселенную.

Паразиты же атаковали меня *из-под того, что я знал о себе самом*. Я как-то задумался об этом, но отложил проблему — и правильно, впрочем, — как требующую большей подготовки. Я довольно часто размышлял о том, что наша жизнь полностью основана на "недвижимости", которую мы считаем за нечто само собой разумеющееся. Для ребёнка это его родители и дом, позже приходят страна и общество. И на первых порах такая поддержка нам просто необходима. Ребёнок без родителей и постоянного жилья растёт, не чувствуя себя в безопасности. Ребёнок, у которого хорошая семья, возможно, позже станет осуждать своих родителей или даже оттолкнёт их совсем (хотя это вряд ли), но это происходит, только когда он

достаточно силён, чтобы жить одному.

Все самобытные мыслители развиваются, отбрасывая эти "поддержки" одну за другой. Они могут продолжать любить своих родителей и страну, но они любят их с позиции силы — силы, которая начинается с отказа.

Однако, в действительности люди никак не могут научиться оставаться в одиночестве. Они ленивы и предпочитают поддержку. Человек может быть дерзновенным незаурядным математиком, и в то же время рабски зависеть от своей жены. Или он может быть сильным свободным мыслителем, получая при этом от восхищения нескольких своих друзей и учеников гораздо больше поддержки, чем даже сам мог бы признать. Короче, люди никогда не подвергают сомнению *все* свои поддержки, лишь некоторые из них, продолжая остальные считать само собой разумеющимися.

Я был столь поглощён захватывающим изучением новых ментальных континентов, отвергая свою старую личность и её характерные черты, что совершенно не осознавал, что продолжаю всё также твёрдо стоять на десятках этих обыкновенных черт. Например, хотя я и чувствовал, что моя личность изменилась, чувство персонификации по-прежнему было сильным. Это чувство, будучи самым основополагающим, исходит от якоря, лежащего на дне глубочайшего моря. Я все ещё рассматривал себя как принадлежащего человеческой расе, как жителя Солнечной системы и Вселенной пространства и времени. Я считал пространство и время непреложным фактом и никогда не задавался вопросом, где был до рождения или где буду после смерти. Я даже не занимался проблемой собственной смерти, отложив это "на потом".

И сейчас Паразиты как раз и подобрались к этим глубинным якорям моей личности и начали их сотрясать. Не могу выразить это более ясно. Конечно же, они не могли подобраться к самим якорям, это было не в их силах, но они трясли цепи, так что я неожиданно осознал всю ненадёжность уровня, который до этого считал совершенно непоколебимым. Я задался вопросом: кто я? В глубочайшем смысле. Как смелый мыслитель отбрасывает патриотизм и религию, так и я отбросил все обычные вещи, придающие мне "личность": случайность времени и места моего рождения, случайность того, что я был человеком, а не собакой или рыбой, случайность моего сильнейшего инстинкта цепляться за жизнь. Сбросив все эти случайные "наряды", я стоял обнажённым до чистого сознания против всей Вселенной. Но здесь я вдруг понял, что это так

называемое "чистое сознание" так же случайно, как и моё имя. Оно не может стоять против Вселенной, не наклеивая на неё ярлыков. Как оно может быть "чистым сознанием", когда я вижу один объект только как книгу, другой — только как стол? Моими глазами продолжала смотреть моя крошечная человеческая личность. И если бы я попытался проникнуть за неё, все стало бы совершенно пустым.

Все эти размышления я проделывал отнюдь не для развлечения: я пытался пробиться к какому-нибудь твёрдому основанию, где смог бы расположиться и противостоять Паразитам. Они были достаточно коварны, чтобы показать мне, что я стою над бездной. Я осознал, что мы лишь считаем время и пространство непоколебимыми — хотя после смерти они уже не властны над нами, — а то, что мы называем "существованием", означает существование только в этой Вселенной пространства и времени, отнюдь не являющейся абсолютом. Внезапно *всё стало абсурдным*. Поначалу мой желудок сковали ужас и слабость. Я понял, что всё, что в этом мире я считал непреложным, может быть поставлено под сомнение, что всё это может оказаться обманом. Как мыслитель, я впадал в старую романтическую привычку полагать, что разум находится за пределами всех превратностей тела, что он каким-то образом вечен и свободен — тело может быть банальным и малозначащим, а разум при этом глубок и всеохватывающ. Такой взгляд делает разум бесстрашным вечным зрителем. Но теперь я вдруг подумал: "Но ведь если Вселенная сама по себе случайна, то тогда и мой разум случаен и может быть разрушен, как и моё тело". Вот здесь и вспоминаются болезнь и бред, когда разум кажется менее надежным, чем тело, когда думаешь, что только прочность тела спасает разум от разрушения.

И эта бездна пустоты внезапно разверзлась подо мной. Она даже не повергала в ужас — это была бы слишком человеческая реакция. Я словно встретился с леденящей реальностью, которая заставляет всё человеческое казаться маскарадом, *которая заставляет саму жизнь казаться маскарадом*. Меня словно поразило в самую сущность моей жизни, в нечто, представлявшееся мне почти священным. Я чувствовал себя словно король, который всю свою жизнь отдавал приказания, незамедлительно выполнявшиеся, и который неожиданно попал в руки варваров, своими мечами выпускавших ему кишки. Это было столь ужасно и реалистично, что низвергло всё, чем я когда-либо был, превратило это в иллюзию. В тот момент мне стало совершенно безразлично, победят Паразиты или нет. Все мои силы, всё моё мужество улетучились. Я был подобен кораблю, напоровшемуся на

скалу, и только тогда показавшему, насколько он уязвим.

Паразиты не нападали. Они наблюдали за мной, словно за корчащимся в муках отравленным животным. Я пытался собраться с силами, чтобы подготовиться к нападению, но был совершенно парализован и истощён. Это казалось бессмысленным — сила моего разума была против меня. Он созерцал эту пустоту не как в прежние дни, рассеянно моргая, но вперившись в неё немигающим взглядом.

Они совершили ошибку, не атаковав тогда. Они могли бы победить меня, так как я был почти полностью обессилен, и у меня не было времени на восстановление. Именно так они убили Карела Вейсмана — теперь я знал это точно: этот образ пустоты, полнейшего Ничто, ещё и вызывает мысль, что смерть просто не может быть хуже этого. Чувствуешь, что жизнь — всего лишь цепляние за тело со всеми его иллюзиями, взираешь на него, словно смотришь на Землю с космического корабля — только в этом случае знаешь, что возвращаться некуда.

Да, им следовало напасть именно тогда. Возможно, смерть Карела убедила их, что и я умру точно также — совершив самоубийство. Но у меня такого искушения не было, ведь мой разум был свободен от навязчивых идей, которые заставляли бы меня мечтать об освобождении. Только невротичная женщина падает в обморок, когда на неё кто-то нападает, решительная же понимает, что это никак не выход из положения.

И мне в голову пришла мысль, которая помогла переломить весь ход событий. Я подумал: ведь если эти создания намеренно навязывали чувство бессмысленности всего сущего, то они должны были быть каким-то образом *вне* этого чувства. И как только я это понял, силы сразу же начали возвращаться. Я понял, что Паразиты вводили меня в это состояние с той же целью, с какой охотники переворачивают черепах на спины — они знали, что здесь человек совершенно беспомощен. Но, если их манёвр именно в этом и заключался, тогда, вероятно, самим-то им было известно, что это чувство пустоты было некой иллюзией. Мой разум делал всё возможное — и одновременно совершал ошибку. Взрослый легко может запугать ребёнка, воспользовавшись его незнанием. Он может, например, свести его с ума, забивая его голову страшными сказками — о Дракуле или Франкенштейне — и затем переходя на Бухенвальд и Бельзен[113], доказывая этим, что наш мир даже страшнее сказок. В некотором смысле, это было бы правдой, но взрослый человек легко увидел бы ошибку: Бухенвальд и Бельзен не есть *непреложные* ужасы

нашей Вселенной, и они могут быть побеждены здравым смыслом. Может быть, эти создания точно также и воспользовались моим невежеством? Мои давнишние рассуждения *казались* достаточно точными: наша способность продолжать жить зависит от ряда поддержек, которые по своей природе есть иллюзия. Но ведь ребёнок может продолжать любить своих родителей, уже перестав верить в их непогрешимость. Другими словами, когда все иллюзии исчезают, реальность, чтобы любить её, по прежнему остаётся. Может быть, и эта ужасная агония — или, скорее, эта ужасная нехватка агонии, это чувство полнейшего холода и действительности происходящего — не более опасна, чем боль ребёнка при падении?

Я ухватился за эту возможность. Тогда мне пришла другая мысль, придавшая ещё больше сил. Я понял, что, размышляя над этой чуждой "вселенной" и воспринимая её как случайную и абсурдную, я совершал старейшую из человеческих ошибок, полагая, что слово "вселенная" подразумевает "*внешнюю* вселенную". Разум же, как я уже хорошо знал, сам по себе был Вселенной.

Паразиты сделали свою первую ошибку, не напав на меня, когда мои силы были подорваны, и я был истощён. Сейчас же они допустили ещё большую. Они увидели, что я каким-то образом оправился и атаковали в полную силу.

Я впал в панику, так как знал, что у меня не было сил, чтобы дать им отпор. Взгляд в бездну истощил всё моё мужество, восстанавливалось же оно крайне медленно.

И в этот момент до меня дошёл полный смысл моей идеи насчёт ребенка. Ребёнок может быть запуган из-за своего незнания потому, что он недооценивает свои силы. Он не осознаёт, что *потенциально* он уже взрослый — возможно, учёный, поэт или какой-нибудь важный деятель.

Я тут же понял, что, возможно, делаю то же самое. И неожиданно мне вспомнились слова Карела о его первом сражении с Паразитами — о том, как собрались его собственные глубинные жизненные силы, чтобы ударить по ним. Существуют ли какие-то более глубокие источники силы, к которым я ещё не взывал? Я сразу же вспомнил своё частое за последние месяцы чувство, что на нашей стороне была какая-то странная удача — которую я называл "богом археологии", некая *благотворная* сила, защищавшая жизнь.

Несомненно, верующий человек отождествил бы эту силу с Богом. Для меня же это было неприемлемо. Я лишь внезапно понял, что у меня, должно быть, есть неожиданный союзник в этой битве. И когда я

подумал об этом, то словно услышал трубы армии, идущей мне на выручку. Меня охватило самое неистовое возбуждение, какого я не испытывал никогда прежде, и никакая эмоция не смогла бы выразить это чувство облегчения и торжества — плач, смех или вопль были бы бессмысленны, словно попытка осушить море напёрстком. И как только эта сила пришла, она разнеслась подобно атомному взрыву. Я боялся её почти больше, чем Паразитов. И в то же время я знал, что *она высвобождалась именно мною*. В действительности это не была "третья сила", вне меня и Паразитов. Я вошёл в контакт с некой *пассивной* благотворностью, которая сама по себе не обладала силой действия — её нужно было достигнуть и использовать.

Я преодолел страх, схватил эту силу и, стиснув зубы, подчинил её своей воле. К моему изумлению, я мог ею управлять. Я направил луч своего внимания на врагов и ударил по ним, ослеплённый и опьянённый этой силой, видя смысл там, где я едва ли когда-нибудь ожидал увидеть его, и совершенно никак не мог его ухватить. Все мои слова, идеи, представления были словно листья, подхваченные ураганом. Паразиты увидели опасность слишком поздно. Очевидно, в некотором смысле они были также неопытны, как и я — это была борьба слепого со слепым. Неописуемо обжигающий порыв ударил по ним, как гигантский огнемет, уничтожая их словно уховёрток. У меня не было желания использовать эту силу больше нескольких секунд, мне показалось это даже не совсем честным — словно стрелять из пулемёта по детям. И я намеренно отвернул её и почувствовал, как она проносится сквозь меня волна за волной, треща вокруг моей головы подобно электрическим искрам. Я видел сине-зелёный свет, исходящий из моей груди. Она всё продолжала и продолжала накатываться, подобно громовым раскатам, но я больше не применял её — это уже было ненужно. Я закрыл глаза и принял её всем телом, зная, что она могла уничтожить меня. Постепенно она пошла на убыль, и, несмотря на своё исступление и признательность, я был рад видеть, что она уходит. Слишком уж невероятной она была.

Затем я снова оказался в своей комнате — ведь в течение многих часов я был где-то в другом месте. Снизу доносились звуки с улицы. Электрические часы показывали половину десятого. Кровать была насквозь пропитана потом — она была такой мокрой, что, казалось, на неё вылили целое ведро воды. Моё зрение было поражено — всё слегка раздваивалось, и было как будто окружено кругами света. Цвета казались неправдоподобно чёткими и яркими, и я наконец-то понял, какие зрительные эффекты произвёл мескалин на Олдоса Хаксли.

Я также знал, что теперь нахожусь в другой опасности: я не должен пытаться осмыслить произошедшее, потому как только безнадёжно запутаюсь и впаду в депрессию. По сути эта опасность была даже больше, чем около получаса назад, когда я заглянул в бездну. Поэтому я решительно направил свои мысли в другое русло, обратившись к повседневным вещам. Я не хотел задаваться вопросом, зачем я сражаюсь с Паразитами разума, если обладаю такой силой, и зачем люди так страдают, если могут мгновенно разрешить любую проблему; не хотел и думать о том, а не было ли всё это просто игрой. Я поспешил в ванную умыть лицо и даже испугался, увидев себя в зеркале совершенно нормальным и свежим — никаких следов схватки не было, если только я казался несколько похудевшим. Когда же я встал на весы, меня поджидал ещё один сюрприз: я потерял почти тридцать фунтов.

Зазвонил видеофон — это был директор ЕУК. Я посмотрел на него, словно он был из другого мира, но заметил, что он почувствовал облегчение, увидев меня. Он сказал, что репортёры пытаются связаться со мной с восьми часов, поскольку за эту ночь погибли двадцать моих коллег: Гиоберти, Кёртис, Ремизов, Шлеф, Херзог, Хлебников, Эмис, Томсон, Дидринг, Ласкаратос, Спенсфильд, Зигрид Элгстрём — в общем, практически все, за исключением братьев Грау, Флейшмана, Райха, меня и — Жоржа Рибо. Первые четверо, очевидно, умерли от паралича сердца. Зигрид Элгстрём перерезала себе запястья, а затем горло. Хлебников и Ласкаратос выпрыгнули из окон высотных домов. Томсон, судя по всему, сломал шею в припадке сродни эпилептическому. Херзог застрелил всю свою семью, а затем себя. Остальные приняли яд или смертельную дозу наркотиков. Двое скончались от поражения головного мозга.

Ройбке очень нервничал, думая о плохой рекламе для ЕУК, так как за несколько прошедших недель почти все жертвы были моими гостями — и, естественно, гостями ЕУК, — и Ройбке лично встречал большинство из них. Я успокаивал его, как мог — хотя сам был потрясён, — и велел ему, чтобы он не давал журналистам связаться со мной. Когда же он сказал, что пытался дозвониться до Райха, но не получил ответа, я весь похолодел. Медленно начала наступать реакция на произошедшее. Я бы предпочёл лечь спать, но позвонил Райху по специальному личному коду. Невозможно передать моё облегчение, когда его лицо наконец появилось на экране. Его первые слова были:

— Слава Богу, ты в порядке.

— Да, всё нормально, с тобой что? Ты ужасно выглядишь.

— Они приходили к тебе ночью?

— Они были у меня всю ночь. Они пришли ко всем нам.

Через пять минут я был у него, мне только пришлось задержаться, чтобы сообщить Ройбке, что с Райхом всё в порядке. Но, когда я увидел его, я понял, что это было преувеличением. Он выглядел словно человек, только начинающий оправляться после полугодовой болезни. Он весь потемнел и выглядел постаревшим.

Райх пережил примерно то же самое, что и я, лишь с одним примечательным отличием. Паразиты не применяли к нему технику "полного разрушения", они просто мощно давили на него всю ночь, насылая на него волну за волной. Ближе к утру они сделали трещину в его ментальной броне, вызвав утечку его сил — именно после этого он так и истощился. И когда он уже начал думать, что поражение

неминуемо, атаки прекратились.

Я без труда догадался, когда именно это произошло: когда я ударил по ним "энергетическим взрывом". Райх подтвердил это: всё прекратилось примерно за полчаса до моего звонка. До этого он слышал, как звонит видеофон, но был слишком измучен, чтобы отвечать.

Известие о других повергло его в жесточайшее уныние, но затем мой рассказ вновь вернул ему надежду и мужество. Я постарался объяснить ему как можно понятнее, как Паразитам удалось подкопаться под меня, и как я вызвал божественную силу, разгромившую их. Большего ему и не надо было: он понял, что ошибался, полагая нас беспомощными против Паразитов. Особенность "инициированных" в феноменологический метод заключается в том, что они могут оправляться после физических или умственных потрясений с огромной скоростью — и это вполне понятно, ведь они находятся в непосредственном контакте с источниками силы, управляющими всеми людьми. Через полчаса Райх уже совсем не выглядел больным и говорил так же взволнованно, как и я.

Почти всё утро я подробно объяснял ему, как действовали Паразиты, и как с ними нужно бороться. Для этого Райху пришлось научиться добровольно "подкапываться" под самого себя — чтобы изучить основы собственной личности. Я выяснил, что его характер очень сильно отличается от моего. В одних отношениях он был сильнее, в других — слабее.

В полдень наши занятия были прерваны навестившим нас Ройбке. К этому времени все газеты мира кричали о "ночи самоубийств" и строили догадки о нашей с Райхом роли в этом. Ройбке сказал, что вся территория ЕУК, покрывающая восемьсот акров, стала неприступной из-за поджидающих снаружи тысяч вертолётов журналистов.

Быстрое ментальное зондирование подсказало мне, что Ройбке недостаточно силён, чтобы знать всю правду. У меня было искушение взять полный контроль над его разумом — я понял ещё с раннего утра, что теперь могу это делать, но меня сдерживало чувство "уважения к личности". Поэтому мы поведали ему историю, которую ему было легче понять — впрочем, довольно близкую к истине.

Мы сказали ему, что Анти-кадафское Общество было право: наши раскопки на Каратепе потревожили неописуемые и опасные силы — самих Великих Старейших. Остальное было более-менее правдоподобным: эти создания обладают психической силой, которая может свести человека с ума; их цель — уничтожить человеческую

расу или, по крайней мере, поработить её, чтобы раса Старейших снова могла править Солнечной системой. Но пока они ещё недостаточно сильны, и, если мы сможем вовремя разгромить их, они будут наконец изгнаны из нашей галактики или, возможно, даже полностью уничтожены.

Таким образом, мы превратили правду о Паразитах в детскую сказку, которую люди могли легко понять и которая не была слишком страшной. Мы даже дали этим созданиям имя — Тсатхоггуа[114], позаимствовав его из мифологии Лавкрафта.

Мы закончили, поставив перед ним очень серьёзный вопрос: следует ли уведомлять человеческую расу о грозящей ей опасности, или же это создаст панику, которая может оказаться ещё большей опасностью? Ройбке весь посерел и принялся расхаживать туда-сюда по комнате, задыхаясь — он пытался сдержать приступ астмы, в чём я ему помогал, — и, наконец, сказал, что мы должны обо всём рассказать миру. Интересно, что с его стороны не возникло никаких сомнений в нашей истории: два наших разума имели полную власть над ним.

Но Тсатхоггуа всё ещё были на шаг впереди нас, как мы выяснили это часом позже. Жорж Рибо сделал заявление "Юнайтед Пресс", в котором назвал меня и Райха убийцами и мошенниками. Вот часть этого заявления:

"Месяц назад ко мне обратился Винсент Гиоберти, ассистент профессора Зигмунда Флейшмана из Берлинского Университета, и сказал мне, что небольшая группа ученых основала Лигу Мировой Безопасности, и предложил мне вступить в неё. Должным образом меня представили другим членам (список прилагается) и основателям Лиги — Вольфгангу Райху и Гилберту Остину, которые обнаружили Кадаф. Их открытие подало им идею спасения мира: они решили, что весь мир должен объединиться против некоего общего врага. Этим общим врагом были бы "Великие Старейшие" Кадафа... Мы все были вынуждены согласиться поддержать это мошенничество, чтобы ни случилось. Райх и Остин считали, что только группа хорошо известных учёных сможет убедить мир в истинности их фантастической истории... Меня, как и остальных, попросили подвергнуться гипнозу. Я отказался, но под угрозой смерти мне пришлось согласился на один сеанс. Благодаря собственным гипнотическим возможностям мне удалось убедить их, что я стал их рабом..."

Вкратце, Рибо заявил, что всё произошедшее ночью было

результатом одностороннего договора о самоубийстве, внушённого мною и Райхом. Целью этого договора было не оставить у мира ни тени сомнения, что ему угрожает опаснейший враг. Мы с Райхом обещали умереть вместе с остальными, а наши открытия о Великих Старейших были бы опубликованы после нашей смерти.

Это было полнейшей чушью, но поданной весьма искусно. Всё здесь звучало неправдоподобно, но ведь и самоубийство двадцати ведущих учёных мира также казалось невозможным, да и наше ответное объяснение было таким же фантастичным и невероятным.

Если бы не моя личная победа над Паразитами, это был бы самый тяжёлый момент. Ещё только сутки назад нам казалось, что всё идёт наилучшим образом; мы полагали, что где-то через месяц, когда у нас уже будет внушительная команда, мы сможем сделать наше заявление всему миру. Теперь же практически всё было разрушено, а Рибо оказался союзником — или жертвой — Паразитов, повернув наши собственные тщательно продуманные планы против нас самих же. Что касается того, кому поверит мир, то и здесь Паразиты определённо были впереди нас. У нас не было доказательств их существования, и они позаботятся о том, чтобы таких фактов и не появилось. Если мы теперь расскажем свою историю о Тсатхоггуа, Рибо просто потребует, чтобы мы доказали, что мы их не выдумали. Единственными людьми, которые нам поверят, будут члены Анти-кадафского Общества!

Неожиданно Райх сказал:

— Бессмысленно сидеть здесь и ломать над этим голову. Мы действуем слишком медленно, и эти твари идут впереди нас. Скорость — вот что важно.

— Что ты предлагаешь?

— Мы должны встретиться с Флейшманом и братьями Грау и выяснить, насколько они пострадали. Если они также истощены, как и я четыре часа назад, Паразиты смогут их уничтожить.

Мы попытались связаться с Берлином по видеофону, но это оказалось невозможным: невероятное количество звонков из и в Диярбакыр блокировало дальнюю связь. Мы позвонили Ройбке и сказали, что нам срочно нужен ракетоплан для полёта в Берлин, и при этом должна соблюдаться строжайшая секретность. Было видно, что Ройбке был весьма обеспокоен "признанием" Рибо, поэтому нам пришлось потратить десять минут, чтобы "подзарядить" его. Результат был неутешительный: он был настолько слаб ментально, что это было всё равно что наполнять ведро с дырой в днище. Однако нам удалось это сделать, воззвав к его жадности и стремлению к славе: мы сказали

ему, что его имя, как нашего главного союзника, войдёт в историю, и при этом его фирма ничего не потеряет. Мы договорились с Ройбке о маленьком жульничестве, чтобы направить журналистов по ложному следу. Я и Райх сделали видеозапись, где Райх отвечал по видеофону, а я был виден за ним, затем Райх раздражённо крикнул оператору, чтобы нас не соединяли ни с кем снаружи. Мы договорились, чтобы эта запись была показана примерно через полчаса после нашего отлёта — а какие-нибудь репортёры "случайно" засекут её.

Хитрость удалась. По прибытии в Берлин мы увидели самих себя по бортовому телевизору. Журналист, раздобывший эту "сенсацию", записал её до самого конца, и не позднее чем через двадцать минут запись уже транслировалась из диярбакырской телевизионной станции. Несмотря на заявление Ройбке для прессы, о нашей участи всё равно много гадали, поэтому эта новость распространилась повсеместно. Как следствие, один-два человека, узнавшие нас в берлинском аэропорту, решили, что они ошиблись.

У дома же Флейшмана нам ничего не оставалось, кроме как обнаружить себя. Место было окружено журналистами, и попасть внутрь просто не было возможности. Но здесь мы оба открыли практичную сторону своих психокинетических возможностей: в некотором смысле мы смогли сделать себя "невидимыми", то есть смогли заслониться от направленного на нас внимания и направить его в другую сторону, так что люди нас просто не заметили. Нам удалось добраться до звонка у парадного входа, прежде чем нас узнали. Толпа сразу же ринулась к нам. К счастью, в интеркоме раздался голос Флейшмана, и дверь открылась, лишь только мы назвали себя. Секундой позже мы уже были внутри, а репортёры грохотали в дверь и выкрикивали свои вопросы через прорезь для почты.

Флейшман выглядел лучше, чем мы ожидали, но явно был измотан. Спустя несколько минут мы уже знали, что его история была аналогична истории Райха: долгая ночь сражения и неожиданное избавление точно в восемь двадцать пять утра — учитывая два часа разницы во времени между Берлином и Диярбакыром. Это сильно подняло мой дух: всё-таки я спас жизни по меньшей мере двух своих коллег и уберёг нас от полнейшего разгрома.

Флейшман также смог рассказать нам о братьях Грау, которые были у себя дома в Потсдаме. Ему удалось связаться с ними ещё утром, до того как репортёры стали глушить все выходящие звонки. Они были обязаны своим спасением тому, что были телепатически связаны. Они поддерживали друг друга в этом ночном сражении так

же, как и использовали разумы друг друга для увеличения своих психокинетических сил. Флейшман сделал вывод, что Паразиты пытались разрушить их так же, как и меня, но и здесь их телепатическая связь оказалась их силой. Позже я узнал, что, в отличие от меня, они не противостояли проблеме обезличивания. Они ободряли друг друга, отказываясь принимать её, просто отворачиваясь от неё. Успех использования этой техники разрушения личности очень сильно зависит от того, находится ли жертва в одиночестве.

Следующая задача представлялась совершенно неразрешимой: как добраться до Потсдама и встретиться с Грау, или же как им суметь немедленно приехать в Диярбакыр. Дом был окружён журналистами, и над ним постоянно висел десяток вертолётов. Когда же распространилась весть о нашем присутствии здесь, их число увеличилось чуть ли не до сотни. Любая попытка связаться с Потсдамом вынудит репортёров помчаться туда, так как местные звонки перехватить гораздо легче, чем междугородные. Насколько нам было известно, имя братьев Грау ещё не всплывало в этой истории, так что, вероятно, у них пока сохранялась какая-то свобода передвижения.

Выход нашёл Флейшман. После часа, проведённого с нами, он чувствовал себя намного лучше, процесс восстановления его разума проходил гораздо легче, чем в случае с Ройбке. История моей победы повлияла на него так же, как и на Райха — к нему вернулись прежние оптимизм и решительность. И вот Флейшман неожиданно заметил:

— Мы узнали о Паразитах одну интересную вещь. Ошибочно считать, что они существуют в каком-то пространстве. Толпа, атаковавшая меня здесь, должна была быть более-менее той же самой, что и нападала на вас в Диярбакыре — в противном случае их атаки не прекратились бы одновременно.

Я и Райх задумывались об этом и раньше, но Флейшман сделал из этого ещё один вывод:

— Тогда мы здорово заблуждаемся, рассматривая разум в терминах физического пространства. В ментальном смысле всё пространство вселенной каким-то образом стянуто в одну точку. Паразитам не пришлось путешествовать, чтобы добраться от сюда до Диярбакыра. Они уже были в двух местах одновременно.

— И в Потсдаме тоже, — заметил Райх.

Следующий вывод мы сделали все одновременно: если Паразиты сейчас были, в некотором смысле, в Потсдаме, *тогда и мы были там*.

Ну конечно, ведь это очевидно! Люди существуют в физическом мире только потому, что недостаточно сильны, чтобы войти в

собственный разум. Человек, который может надолго уйти в себя, вырывается из пространства и времени, в то время как человек, пялящийся в окно и зевающий от скуки, вынужден проживать каждую минуту и каждую милю. Наша сила против Паразитов основана на точно такой же способности погрузиться в самих себя и громить их на их же территории. Человек, плавающий на поверхности, лёгкая добыча для акул — но человек в аквалангe и с гарпуном находится уже в равных с ними условиях. А значит, если мы могли проникнуть в свой разум, то могли и войти в то же царство беспространственности и безвременья, что и Паразиты. Братья могли телепатически связываться друг с другом — почему тогда мы не можем связаться с ними?

Однако на это был простой ответ: мы понятия не имели, как это делается. Мы знали, что телепатическая связь основана на способности разума того же рода, что и телекинез, но это нам совсем ничего не говорило. Поэтому мы выключили свет и начали экспериментировать, сидя за столом. Войди кто-нибудь в комнату, он бы решил, что мы проводим спиритический сеанс: головы склонены, руки соединены в замкнутый круг.

Я предпринял попытку первым. Как только мы расселись, я послал им ментальный сигнал: "Вы готовы?" Никакого результата. И вдруг внезапно, к своей неописуемой радости, я, казалось, услышал в своей груди голос Райха: "Вы готовы?" Я отозвался: "Да, ты слышишь меня?" "Не очень ясно," — ответил он.

Флейшман подключился к нашей игре только через десять минут, к этому времени мы с Райхом наладили между собой отчётливую связь. Очевидно, это произошло потому, что мы, подобно братьям Грау, привыкли друг к другу. Но через некоторое время мы могли принимать и мысленные волны Флейшмана, звучавшие словно далёкий голос. Теперь мы знали, что можем связаться друг с другом. Но сможем ли мы войти в контакт с Грау?

Прошёл долгий и изнурительный час, и я чувствовал себя, словно потерявшийся в горах, отчаянно зовущий на помощь. Я продолжал слать ментальные сигналы Луису и Генриху Грау, но они оборачивались обыкновенными словами, как если бы я просто выкрикивал их имена. Но, чтобы связаться с ними, надо было послать чистый *порыв*, без всяких слов.

И тут Райх сказал: "Кажется, я что-то получил". Мы все напряглись, стараясь отослать назад сигнал "Послание принято". Вдруг, с поразительной ясностью, заставившей нас подпрыгнуть, мы услышали голос, казалось, кричавший нам в ухо: "Я слышу вас. Чего

вы хотите?" Мы переглянулись в изумлении, смешанном с торжеством, затем снова закрыли глаза и удвоили свои усилия. Громкий, ясный голос сказал: "Не все сразу. Кто-нибудь один. Райх, давайте вы, ваш сигнал кажется самым чётким".

Получилось, словно в односторонней связи между Берлином и Потсдамом наладился второй канал связи. Мы чувствовали, как разум Райха выбрасывает послания подобно вспышкам энергии: "Вы можете приехать в Диярбакыр?" Ему пришлось повторить это около десяти раз. Слушая его, мы сами собой принялись помогать ему. В ответ Грау сначала запротестовали: "Кто-нибудь один", и тогда, совершенно неожиданно, мы как будто попали в ногу с Райхом, просто используя свои ментальные передатчики для усиления и отправки *его* сигнала. Грау немедленно отозвались: "Вот так лучше. Теперь вас слышно отчётливо". С этого момента исчезли все трудности. Мы даже смогли описать им своё положение, как если бы разговаривали по телефону. В течение всего этого времени *мы были не в комнате*, мы полностью ушли в себя, словно в молитве. Я понял, что причиной плохого усиления было то, что я недостаточно глубоко вошёл в свой разум, был слишком близок к поверхности. Препятствие этому было довольно простым: стоило мне погрузиться слишком глубоко, как меня сразу же начинало клонить ко сну. Язык, значения слов принадлежат царству тела, и внести их в глубины разума так же тяжело, как и внести в сон логичную мысль. Я упомянул об этом, потому что именно тогда впервые осознал, насколько всё-таки велико наше незнание. Эти глубокие пространства разума в основном населены воспоминаниями и снами, плывущими по течению подобно огромным рыбам. Здесь крайне тяжело сохранять какое-либо чувство направления, отличать реальность от иллюзии. И всё-таки для действительно эффективной телепатии "отсылать" сообщения приходится именно с этой глубины.

Впрочем, в данном случае это не имело значения. Райх, Флейшман и я поддерживали друг друга — только в таком опыте можно понять полный смысл фразы "мы члены друг другу"[115].

После окончания разговора с Грау мы чувствовали себя необычайно счастливыми и освежёнными, словно пробудившись после глубокого и спокойного сна. Флейшман снова выглядел по-прежнему. Его жена, принёсшая нам кофе, до этого явно с трудом сдерживавшая враждебное отношение к Райху и ко мне, смотрела на него в изумлении и, очевидно, изменила своё отношение к нам. Между прочим, интересно отметить, что нескрываемая нежность Флейшмана

к ней — она была на тридцать лет моложе его, и они поженились всего год назад — как-то сама передалась нам с Райхом, и мы смотрели на неё с любовью — как к своей собственной женщине, — смешанной со страстью и интимным знанием её тела. Она просто попала в наш телепатический круг и по существу стала женой всех нас троих. Следует также отметить, что страсть, которую испытывали Райх и я, не была обыкновенным мужским желанием овладеть незнакомой женщиной, так как мы, так сказать, уже овладели ей — через Флейшмана.

К трём часам ночи репортёры в вертолётах устали нас караулить, кроме того, их число было гораздо больше разрешённого Нормами городской воздушной безопасности. Но толпа на улице не уменьшилась, и улица была забита машинами со спящими журналистами. Мы поднялись на чердак и подставили лестницу к световому люку. В три двадцать над домом раздался звук вертолёта, и мы быстро открыли люк. Вертолёт завис, и оттуда нам сбросили верёвочную лестницу, по которой Флейшман, я и затем Райх залезли быстро, как только могли — прежде чем репортёры внизу смогли понять, что происходит. Братья Грау помогли нам забраться в машину, втянули лестницу, и вертолёт отлетел с максимальной взлётной скоростью. Операция была проведена без сучка и задоринки. Журналисты были уверены, что мы никак не могли вызвать вертолёт, поскольку у них в машинах были перехватывающие устройства (конечно же, строго запрещённые). Поэтому, если кто-то из них и заметил летящую машину, то они скорее всего решили, что это ещё один репортёр или же патруль Службы воздушной безопасности. Во всяком случае, мы добрались до аэропорта без признаков преследования. Пилот предварительно радировал на ракету, и к трём тридцати пяти мы уже были на пути в Париж. Мы решили, что нашим следующим делом будет разговор с Жоржем Рибо.

С рассветом мы приземлились на Ле-Бурже. Конечно, мы могли бы сесть в более удобном воздушном аэропорту над Елисейскими Полями, но там надо было посылать запрос на посадку, а это могло привлечь репортёров. Поэтому мы взяли воздушное такси от Ле-Бурже до центра Парижа, и уже через двадцать минут были на месте.

Теперь нас было пятеро, и мы были почти неуязвимы — до тех пор, пока кто-нибудь случайно нас не узнает. Но с нашими разумами, "соединёнными последовательно", мы могли создать нечто вроде стены, чтобы отклонить внимание любого, кому случится взглянуть на нас. Естественно, люди "видели" нас, но *воспринимать* нас они не

могли. Способность к пониманию или усвоению зависит от способности к восприятию (что иллюстрируется, например, случаем, когда вы читаете что-нибудь, а ваши мысли при этом где-то далеко). Большинство предметов, на которые мы смотрим, не воспринимаются нами должным образом просто потому, что они не заслуживают нашего внимания. Вот и мы не допускали "замыкания внимания" на нас какого-нибудь зеваки — по тому же принципу, что и давать собаке палку в пасть, чтобы она не кусалась. Идя по Парижу, мы были фактически невидимы.

Наша единственная надежда возлагалась на внезапность. Если Паразиты следили за нами, то нам уже ничто не могло помочь встретиться с Жоржем Рибо, поскольку они могли предупредить его ещё за несколько часов до нашего появления. Но, с другой стороны, предыдущей ночью они потерпели сокрушительное поражение, и вполне могли потерять свою бдительность. На это-то мы и надеялись.

Нам пришлось подобрать газету, чтобы выяснить, где находится Рибо — сейчас он был известен, как никогда прежде. Оставленный кем-то экземпляр "Пари Суар" поведал нам, что Рибо был в клинике "Кьюрел" на бульваре Гаусмана, где оправлялся от какого-то нервного потрясения — мы знали, что это означает.

Теперь необходимо было применить силу, хотя мы всё ещё противились самой мысли об этом. Клиника была слишком мала, чтобы проникнуть в неё незамеченными. Но время — пять утра — гарантировало, что народу там будет мало. Заспанный дежурный, возмущаясь, выглянул из своей комнаты, и пять разумов схватили его, сжав его намного сильнее, чем это могли бы сделать пять пар наших рук. Он глазел на нас, не понимая, что происходит. Флейшман мягко спросил его: "Вы знаете, в какой палате находится Рибо?" Он полубессознательно кивнул — нам пришлось ослабить свою хватку, чтобы позволить сделать ему даже это. "Отведите нас к нему," — велел Флейшман. Человек открыл автоматическую дверь и повёл нас внутрь. Появившаяся медсестра поспешила было к нам навстречу со словами: "И куда это вы собираетесь идти?" — но секундой позже она уже также энергично вела нас по коридорам. Мы спросили её, почему здесь нет журналистов.

— В девять мсье Рибо даёт пресс-конференцию, — ответила она. У неё хватило воли добавить: — Думаю, вы могли бы подождать до тех пор.

Мы встретили двух ночных нянь, но они, должно быть, сочли наш визит вполне естественным. Палата Рибо находилась на самом

верхнем этаже здания — это была специальная отдельная палата. Двери в эту секцию открывались только специальным кодом, но, к счастью, ночной дежурный знал его. Флейшман сказал спокойно:

— Теперь, мадам, нам придётся попросить вас подождать снаружи, и не пытайтесь уйти. Мы не причиним пациенту вреда. — В этом, конечно, мы не были совсем уверены, Флейшман сказал это, чтобы успокоить её.

Райх отодвинул занавеску, и шум разбудил Рибо. Он был небрит и выглядел очень больным. Увидев нас, он на какой-то миг безучастно уставился на нас, затем произнёс: "А, это вы, господа. Я знал, что вы можете прийти."

Я заглянул в его мозг, и увиденное ужаснуло меня. Он выглядел словно город, все жители которого были вырезаны, а на их месте расположились солдаты. В нём не было Паразитов — в этом просто не было необходимости. Рибо в ужасе сдался им, и они проникли в его мозг и захватили все его центры привычек. Разрушив их, они фактически сделали его беспомощным, так как теперь каждое действие ему приходилось делать с невероятным усилием, через напряжение своей воли. Мы совершаем большинство своих жизненных актов посредством этих центров: дышим, едим, перевариваем пищу, читаем, отвечаем другим людям. В некоторых случаях — у актёра, например — эти центры по существу являются результатом усилий всей его жизни. Чем замечательнее актёр, тем больше он полагается на свои привычки, и только высшие пики проявления его искусства обязаны его свободной воле. Уничтожить на глазах человека его центры привычек гораздо более жестоко, чем убить его жену и детей. Это его совершенно оголяет, делает его жизнь такой же невозможной, как если бы с него содрали кожу. И Паразиты сделали это, а затем быстро заменили старые центры новыми. Некоторые из них были сохранены: отвечающие за дыхание, речь, манеру поведения (которые наиболее важны, чтобы убедить людей, что он тот же самый Рибо и находится в здравом уме). Другие же были устранены полностью — например, привычка к глубокомыслию. Также был установлен ряд новых реакций. Мы стали "врагами" и возбуждали в нём безграничную ненависть и отвращение. По существу, он чувствовал это по своей собственной воле, но если бы он не сделал такой выбор, половина его центров снова была бы уничтожена. Другими словами, сдавшись Паразитам, он остался "свободным человеком" — в том смысле, что был жив и мог сам определять свои поступки. Но его сознание было *на их условиях*: либо такое, либо вообще никакого. Он был полным рабом,

как человек с приставленным к виску пистолетом.

Поэтому, стоя вокруг его кровати, мы не смотрели на него как мстители. Мы чувствовали жалость и ужас. Это было всё равно что смотреть на изуродованный труп.

Мы молчали. Четверо держали его — с помощью психокинеза, разумеется, — пока Флейшман быстро обследовал его мозг. Мы не знали, можно ли было его вернуть к прежнему состоянию — это прежде всего зависело от его собственных сил и мужества. Всё, что было ясно — это то, что ему придётся проявить огромную силу воли, гораздо большую, чем ту, которую он проявил в схватке с Паразитами перед своей капитуляцией.

На размышления времени больше не было. Наша сила убедила его, что ему придется бояться нас также, как и Паразитов. Мы вошли в центры его мозга, контролировавшие его двигательные функции, и запомнили их комбинации. (Трудно объяснить это нетелепатам, но связь с другим мозгом зависит от знания определённой "комбинации", являющейся его ментальной "длиной волны" — это делает возможным дистанционное управление.) Флейшман говорил с Рибо мягко, убеждая его, что мы остались его друзьями, и что мы понимаем, что он не виноват в "промывке мозгов". Если бы он доверился нам, он бы освободился от Паразитов.

Затем мы ушли. Сестра и дежурный проводили нас вниз. Мы поблагодарили дежурного и дали ему чаевые в долларах (к тому времени доллар стал мировой валютой). Менее чем через час мы были на полпути в Диярбакыр.

Наш ментальный контакт с Рибо позволил нам узнать, что случилось после нашего ухода. Ни дежурный, ни медсестра никак не могли понять, как нам удалось заставить их проводить нас к Рибо — они не могли поверить, что это произошло не по их воле. Поэтому они не стали поднимать шума. Сестра вернулась к Рибо и увидела, что он проснулся. Ему явно не причинили вреда, и она решила никому ничего не рассказывать.

Когда мы совершили посадку в Диярбакыре, Райх сказал:

— Семь часов. До его пресс-конференции осталось два часа. Будем надеяться, что они не... — его прервал крик Флейшмана, согласившегося поддерживать постоянный телепатический контакт с Рибо. Он сказал:

— Они всё знают... Они атакуют во всю мощь.

— Что мы можем сделать? — спросил я. Затем попытался сконцентрироваться и использовать полученные сведения о мозге

Рибо, чтобы восстановить контакт, но безрезультатно. Словно крутишь настройку приёмника, забыв включить его в сеть. Я спросил Флейшмана:

— Ты всё ещё связан с ним? — Он покачал головой. Мы попробовали все по очереди. Бесполезно.

Часом позже мы узнали, почему. По телевизионным новостям объявили, что Рибо покончил с собой, выпрыгнув из окна больничной палаты.

Было ли это поражением или нет? Мы не могли сказать. Самоубийство Рибо не дало ему сказать правду на пресс-конференции, отказавшись от собственного "признания", но в то же время и помешало причинить нам ещё больший вред. С другой стороны, если наше посещение больницы обнаружилось, нас определённо обвинят в его убийстве...

Случилось так, что об этом так никогда и не узнали. Возможно, медсестра продолжала считать, что мы были просто назойливыми репортёрами. Ведь она видела Рибо после нашего ухода, и он был в порядке. Вот она и промолчала.

В одиннадцать утра Райх и я созвали прессу в зал заседаний совета директоров, специально предоставленный нам для этой цели. Флейшман, Райх и Грау стояли по обеим сторонам двери, зондируя каждого входящего. Наша предосторожность была вознаграждена. Одним из последних вошедших был большой лысый человек, Килбрайд из "Вашингтон Экзаминер". Райх кивнул одному из охранников компании, и тот подошёл к Килбрайду и спросил его, не возражает ли он, чтобы его обыскали. Репортёр тут же начал горячо и шумно протестовать, крича, что это оскорбление. Вдруг он высвободился и ринулся ко мне, пытаясь достать что-то из внутреннего кармана. Я собрал все свои ментальные силы и резко остановил его. Три охранника набросились на него и выволокли из зала. У него нашли пистолет Вальтера с шестью пулями, и ещё одна была в стволе. Килбрайд заявил, что всегда носит с собой пистолет для самообороны, но его попытку застрелить меня видели все. (Позже мы прозондировали его мозг и обнаружили, что Паразиты захватили его за день до этого, когда он был пьян — он был известен как алкоголик.)

Это происшествие установило в зале сильнейшую атмосферу предвкушения сенсации. Присутствовало около пятисот журналистов — сколько мог вместить зал. Остальные следили за происходящим снаружи по местному телевидению компании. Райх, Флейшман и братья Грау присоединились ко мне в президиуме — их задачей было

сканировать зал, чтобы убедиться, что там больше не было потенциальных убийц, я же громко читал следующее заявление:

"Мы собрали вас здесь сегодня, чтобы предупредить всех жителей Земли о величайшей угрозе, с которой они когда-либо сталкивались. В данное время наша планета находится под наблюдением огромного числа созданий чуждого разума, чьей целью является либо уничтожить человеческую расу, либо поработить её.

Несколько месяцев назад, когда мы проводили наши первые археологические исследования на Чёрной Горе, Каратепе, профессор Райх и я обнаружили, что на нас действуют некая дестабилизирующая сила, активно препятствующая нам открыть тайну холма. Тогда мы полагали, что эта сила по природе может быть некоторым психическим силовым полем, установленным там давно уже умершими жителями для защиты своих захоронений. И я, и Райх долгое время были убеждены, что такие вещи вполне возможны, и они объясняют, например, возникшие трудности при первых раскопках гробницы Тутанхамона. Мы были готовы рискнуть вызвать на себя это проклятье, если оно было таковым по природе, и продолжали свои исследования.

Но за последние недели мы поняли, что стоим перед чем-то гораздо более опасным, нежели проклятье. Мы убеждены в том, что потревожили сон сил, некогда владевших Землёй, и которые полны решимости добиться этого вновь. Из всех когда-либо известных, эти силы наиболее опасны для человеческой расы, ибо они невидимы и обладают возможностью атаковать непосредственно человеческий разум. Они способны разрушить рассудок любого, на кого нападают, и вынудить его покончить с собой. Они также способны поработить личность и использовать её в своих целях.

В то же время мы полагаем, что оснований для паники у человечества нет. Их число по сравнению с нами мало, и мы уже знаем о грозящей опасности. Борьба может быть тяжёлой, но, я думаю, у нас есть все шансы победить.

Теперь я попытаюсь подытожить, чего мы добились в изучении этих Паразитов разума..."

Я говорил около получаса, кратко описав большую часть событий, изложенных здесь. Я рассказал о гибели наших коллег, и как Паразиты вынудили Рибо предать нас. Затем я объяснил, как, зная о существовании Паразитов, можно их уничтожить. Я взял на себя ответственность и заявил, что эти силы ещё не *активны*, что они слепы и инстинктивны — важно было предотвратить панику. Большинство

людей ничего не могли сделать против Паразитов, и поэтому лучшим выходом было, чтобы они просто чувствовали себя совершенно уверенными в неминуемой победе. Я провёл последнюю четверть часа своей речи, выделяя оптимистическую сторону вещей: поскольку человек уже предостережён, уничтожение Паразитов остаётся вопросом только времени.

Мы закончили пресс-конференцию, предложив задавать вопросы, но большинство журналистов были обеспокоены, как бы побыстрее добраться до ближайшего видеофона, так что на это не ушло много времени. Спустя два часа новость была на первых страницах всех газет мира.

Сказать по правде, всё это изрядно надоело мне. Мы, пятеро, были исследователями, готовящимся к открытиям в новом захватывающем мире, и нам было слишком утомительно тратить время на журналистов. Но мы решили, что это лучший способ обеспечить нашу собственную безопасность. Если мы погибнем теперь, то это предупредит весь мир. Поэтому лучшим выходом для Паразитов было бы попытаться дискредитировать нас, позволив идти событиям своим чередом около месяца — а может, даже и год — пока все не решат, что мы их обманули. Сделав это заявление, мы выигрывали время — по крайней мере, таково было наше убеждение. Но прошло довольно много времени, прежде чем мы наконец поняли, что Паразиты обошли нас практически по всем пунктам.

Причина этому была очевидна. Мы не *хотели* тратить время на Паразитов. Представьте себе любителя книг, только что получившего посылку с книгой, которую он хотел достать всю свою жизнь, и представьте себе, что перед самым её открытием к нему наведывается какой-нибудь зануда, с которым ему явно придётся проговорить несколько часов... Может, Паразиты и были величайшей за все времена опасностью для человечества, но для нас они были величайшей скукой.

Люди привыкли к ограниченности своих ментальных возможностей точно так же, как три столетия назад они принимали за само собой разумеющееся огромные неудобства путешествий. Как бы себя почувствовал Моцарт, если бы после утомительного недельного путешествия кто-нибудь сказал ему, что люди двадцать первого столетия будут проделывать этот путь всего лишь за четверть часа? Вот и мы были как Моцарт, перенесённый в двадцать первый век. Эти ментальные путешествия, которые мы когда-то считали такими изнурительными и болезненными, теперь были делом нескольких

минут. Мы наконец-то ясно поняли смысл замечания Телхарда де Шардена[116], что человек стоит в преддверии новой фазы своей эволюции — потому что теперь мы и были *в* этой новой фазе. Разум был словно страна, куда не ступала нога человека, словно земля обетованная евреев. Всё, что нам надо было сделать — это занять её... и, конечно же, изгнать её нынешних обитателей. Поэтому, несмотря на все тревоги и заботы, наше настроение в эти дни было близко к исступлённому счастью.

Перед нами стояли две задачи. Первая: найти новых "учеников", которые помогали бы нам в борьбе. И вторая: найти возможность, как перехватить инициативу и самим вести наступательные действия. На данный момент мы не могли добраться до тех нижних областей разума, в которых обитали Паразиты. В то же время моё ночное сражение показало, что я способен вызвать силу из очень глубокого источника. Можем ли мы подойти к нему достаточно близко, чтобы перенести битву во вражеский лагерь?

Реакции мировой прессы я уделил не очень много внимания. Для нас не явилось неожиданностью, что большинство откликов были скептическими и враждебными. Венская "Уорлд Фри Пресс" открыто заявила, что мы все должны быть посажены под строгий арест, пока не будет расследовано дело о самоубийствах. С другой стороны, лондонская "Дейли Экспресс" предложила поставить нас во главе Военного Департамента ООН, предоставив нам для борьбы с Паразитами все возможности, какие только мы сочтём эффективными.

Однако один отклик нас встревожил — статья Феликса Хазарда в "Берлинер Тагесблатт". Против нашего ожидания, он не высмеивал наше заявление и не поддерживал "разоблачений" Рибо. Казалось, он не подвергал сомнению, что мир стоял перед угрозой этого нового врага. Но, писал Хазард, если этот враг способен подчинять себе умы индивидуумов, то где гарантия, что *мы* не были рабами этих Паразитов? Мы сделали заявление об их существовании, но ничего не доказали. Нам *пришлось* сделать его из самозащиты — после признания Рибо, мы, вероятно, решили, что нам не миновать судебного разбирательства... Тон статьи не был полностью серьёзным — Хазард, казалось, оставлял читателю возможность понять его так, что он подсмеивался над всем этим. Тем не менее, заметка всё равно нас насторожила. У нас не было никаких сомнений, что Хазард был вражеским агентом.

Было ещё одно дело, требовавшее немедленного обсуждения. До сих пор репортёрам не позволялось посещать раскопки на Чёрной

горе. Но, понятное дело, им не составит труда поговорить с рабочими или солдатами, и по возможности это надо было предотвратить. Поэтому Райх и я предложили показать вечером место раскопок выбранной группе журналистов, согласившись даже с присутствием телекамер. Мы потребовали, чтобы до нашего прибытия соблюдались меры строжайшей секретности, и чтобы вблизи не было ни одного журналиста.

В десять часов того же вечера в двух транспортных вертолётах нас ждали пятьдесят журналистов. На таких громоздких машинах полёт до Каратепе занял у нас целый час. Когда мы прибыли, место раскопок было ярко освещено прожекторами; переносные телекамеры были установлены за десять минут до нашей посадки.

Наш план был прост. Мы провели бы репортёров вниз до Блока Абхота, который уже был полностью расчищен, и с помощью психокинетических сил создали бы угнетённую и напряжённую атмосферу. Затем мы бы выбрали в группе самых нервных и восприимчивых и навели на них полнейшую панику. Вот почему в интервью мы не упомянули о своих возможностях ПК — мы понимали, что они могут быть использованы для "имитации" Паразитов.

Но мы не принимали в расчёт Паразитов. Перед самой посадкой на Каратепе я заметил, что репортёры в одном из вертолётов поют (братья Грау, Флейшман, Райх и я были в другом). Нам показалось это странным. Мы предположили, что они во всю пьянствуют, но затем, лишь только приземлившись, мы почувствовали присутствие Паразитов и сразу поняли, что произошло. Свой обычный метод они поменяли на противоположный: вместо высасывания энергии из своих жертв, они её им *давали*. Большинство из этих людей были заядлыми алкоголиками и, как и большинство журналистов, не особенно умными, поэтому в силу их привычного образа жизни этот "подарок" ментальной энергии и произвёл на них эффект употребления алкоголя. Как только репортёры из нашего вертолёта присоединились к ним, они тоже заразились духом пьяной оргии. Я услышал, как один телевизионный комментатор сказал: "Да, определенно эти парни не беспокоятся насчёт Паразитов. Похоже, они принимают это всё за шутку."

Я сказал продюсеру программы, что произошла непредвиденная задержка, и кивком головы отозвал остальных в подсобку мастеров в стороне от входа в тоннель. Мы заперлись и стали думать, что можно сделать в сложившейся ситуации. Мы легко установили между собой

связь и смогли проникнуть в мозг некоторых репортёров. Поначалу было трудно понять, что же именно происходит — прежде с подобным мы никогда не сталкивались. К счастью, мы нашли репортёра с такой же "длиной волны", как у Рибо, и это позволило нам провести тщательное исследование его мозговых процессов. В мозге как таковом есть около десятка главных центров, отвечающих за удовольствие, наиболее хорошо из которых известны сексуальный, эмоциональный и социальный. Есть также и центр интеллектуального удовольствия, равно как и высокоинтеллектуального, они связаны с человеческими силами самоконтроля и самопознания. Наконец, ещё пять центров в мозге человека, практически неразвитые, связаны с энергиями, которые мы называем поэтической, религиозной или мистической.

У большинства журналистов Паразиты повышали энергию социального и эмоционального центров. Всё остальное делало их количество — пятьдесят человек, — то есть их удовольствие усиливал "эффект толпы". Мы все сконцентрировались на репортёре, которого изучали. Без особого труда мы отрезали его центры и тем самым повергли его во внезапную депрессию. Но стоило нам лишь снять давление, как он вернулся в прежнее состояние.

Мы предприняли прямую атаку на Паразитов — но это было безнадёжно. Они были вне всякой досягаемости и твёрдо оставались на месте. У нас было чувство, что энергия, направляемая против них, тратилась совершенно впустую, и что Паразиты просто насмехались над нами. Ситуация была опасной. Мы решили всецело положиться на свои силы ПК, чтобы держать всё под контролем. Это означало, что нам предстоит работать в непосредственной близости от репортёров.

Кто-то забарабанил в дверь и крикнул: "Эй, сколько нам ещё ждать?" Мы вышли и сказали, что уже готовы.

Я с Райхом шли впереди, за нами, весело смеясь, следовали журналисты. Из всего шума выделялся несмолкающий голос телекомментатора. Флейшман и братья Грау, которые шли позади толпы, сосредоточились на нём, и мы услышали, как он сказал встревожено: "Да, все кажутся совершенно беспечными, но я не могу не задаться вопросом, искренни ли они. Ночью здесь царит какая-то странная напряжённость..." В ответ на это репортёры рассмеялись. Тогда мы впятером "последовательно" соединили свою волю и, надавив на журналистов, вызвали у них чувство опасности и смутного страха. Смех тут же прекратился, и я громко сказал: "Не беспокойтесь. Воздух на этой глубине не такой чистый, как мог бы быть, но он не

ядовит."

Тоннель был высотой семь футов, и имел наклон порядка двадцати градусов. Сотней ярдов ниже мы взобрались в несколько маленьких железнодорожных вагончиков. В течение всего десятимильного путешествия из-за грохота колёс ничего не было слышно, и во время этого спуска нам даже не требовалось давить на репортёров, чтобы понизить их настроение. Тоннель был сделан в форме грубой спирали — иначе пришлось бы расположить его вход на расстоянии нескольких миль от Чёрной Горы, то есть создать ещё один лагерь, что несомненно удвоило бы наши заботы о безопасности. И каждый раз, когда вагонетки кренились на повороте, мы чувствовали, что журналисты начинают тревожиться. Они также опасались, что вибрация от поезда может обрушить часть тоннеля.

Примерно через полчаса мы добрались до Блока Абхота. Впечатлял уже один только его вид: огромные, мрачные чёрные грани возвышались над нами подобно исполинским утёсам.

Теперь мы создали атмосферу угнетённости. Конечно, было бы лучше, если бы нам удалось заставить работать воображение репортёров, просто стимулировав его касанием страха, но Паразиты вливали в них энергию, и нам приходилось частично парализовывать их мозг, вызывая страх и отвращение в полную силу. Телекомментатору явно было трудно говорить в гнетущей тишине, он почти шептал в микрофон: "Здесь, внизу, какое-то неприятное удушающее ощущение. И дело вовсе не в воздухе."

Затем Паразиты начали атаку. И на этот раз не в полную силу, а по одному или по двое — их очевидным намерением было измотать нас и заставить ослабить хватку. Лишь только мы обратили на них внимание и начали отбиваться, как атмосфера сразу же прояснилась, все повеселели. Мы пали духом, так как мало что можно было поделать. В таком малом количестве Паразиты были практически неуязвимы — словно сражаешься с тенью. Лучшим было бы просто не обращать на них внимания, но это было также трудно, как игнорировать дворняжку, кусающую вас за лодыжку.

Решение пришло ко всем нам одновременно: ведь мы были связаны так крепко, что невозможно было даже сказать, кто до этого додумался первый. Мы посмотрели на Блок Абхота и на потолок в тридцати футах над ним. Блок весил три тысячи тонн. В Британском Музее Грау вдвоём подняли тридцатитонный блок, и мы решили, что стоит попытаться. Накатив на журналистов волну страха, мы начали в унисон напрягать свою волю, чтобы оторвать от земли эту громаду.

Поначалу это казалось безнадёжным — с тем же успехом его можно было бы поднимать и голыми руками. Но затем Грау подсказали, как это нужно делать: вместо того, чтобы прикладывать усилия в унисон, они делали это *поочерёдно*, сначала медленно, затем с всё возрастающей скоростью. Мы поняли, что они делают, и немедленно присоединились к ним. И сразу же всё дело стало лёгким просто до смешного. Мощь, которую мы впятером выделяли, была столь огромна, что её хватило бы, чтобы поднять целых две мили крыши из земли над нами. Блок неожиданно оторвался от земли и двинулся кверху. Замерцал свет — он задел силовой кабель. Немедленно поднялась паника, и какие-то идиоты вбежали под Блок — или же их туда втолкнули. Мы сдвинули его в сторону — и тут всё погрузилось во тьму: силовой кабель порвался. Его конец волочился по земле, и мы слышали как кто-то, наткнувшись на него, дико закричал. Вонь опалённой плоти наполнила зал, отчего сразу стало дурно.

Главное было не запаниковать самим. Одному из нас надо было высвободить свою волю и оттолкать репортёров к стене, тогда Блок можно было бы тут же опустить. Однако это трудно было сделать, поскольку мы были "сцеплены" вместе, поддерживая Блок. Мы были, условно говоря, соединены "параллельно", а не "последовательно", и держали его чередуясь.

И именно этот момент Паразиты выбрали для нападения — конечно, ведь мы были беспомощны. Ситуация была бы смешна, не будь она столь опасна, и если бы она уже не стоила одной жизни.

Но тут Райх сказал: "Можем ли мы его распылить?" Какой-то момент, находясь в замешательстве, мы не понимали его — Паразиты окружали нас подобно армии теней. Но когда мы поняли, нам стало ясно, что это наша единственная надежда. Вырабатываемой нами силы хватило бы, чтобы поднять тысячу таких блоков — но хватит ли её, чтобы уничтожить этот? Мы попытались сделать это, ментально обхватив его и генерируя сокрушительное давление. Автоматически мы стали чередоваться быстрее, едва замечая напор Паразитов вокруг нас — столь велико было наше возбуждение. И наконец мы почувствовали, как Блок крошится, словно огромный кусок мела, зажатый в тиски. Через несколько секунд он превратился в огромную массу мелкого порошка, которую мы держали в воздухе. В таком виде его можно было загнать в тоннель, что мы и стали делать — с такой скоростью, что тяга засосала в тоннель и нас, а воздух в миг

наполнился пылью.

Как только Блок был удалён, мы с нетерпением человека, раздавливающего блоху, ударили накопленной энергией по Паразитам. Результат был превосходный: у них снова не было времени отступить, и мы почувствовали, что наш удар оказался сродни выстрелу из огнемёта по сухим листьям. Затем Райх высвободился, поднял силовой кабель и соединил его с другим концом. Вспыхнул свет, и перед нами предстал полнейший хаос. Социальный центр был раздавлен у всех журналистов, они были в полнейшем ужасе, и каждый чувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Мы задыхались от чёрной пыли, наполнившей воздух. (Прежде чем удалить её наружу, нам пришлось подождать, пока она осядет в тоннеле, чтобы свежий воздух проник в зал.) Погибший человек был проткнут кабелем и висел над нами, продолжая источать вонь обугленной плоти. Наши лица были черны, как у шахтёров. Царившая паника просто ужасала — каждый думал, что уже никогда не увидит дневного света.

Мы смогли унять панику, снова соединившись "последовательно". Затем мы приказали журналистам встать в две шеренги и возвращаться к вагонеткам. Райх сосредоточился на трёх телевизионщиках, убедившись, что они снова включают свои камеры (электрический удар, конечно же, сказался и на них). Тем временем оставшиеся из нас очистили тоннель от пыли, медленно подняв её к поверхности, где она взвилась до самых небес — к счастью, была тёмная ночь — и затем осела на огромной площади.

Когда мы поднялись наружу, мы знали, что одержали значительную победу над Паразитами — главным образом, благодаря случайности. Конечно, они не оставили нас и продолжали вливать в репортёров энергию и на поверхности. Мы могли полностью блокировать этот процесс, но только лишь до того момента, когда журналисты разъедутся. Впрочем, весь мир видел по телевидению, что произошло, как исчез Блок Абхота, и едва ли имело значение, что они напишут. Кроме того, был и другой фактор. Это искусственное подпитывание социальных и эмоциональных центров впоследствии неизбежно обернётся в крайнюю усталость, нечто вроде похмелья. Паразиты не смогут держать этих людей в состоянии полуопьянения целую вечность. И грядущая реакция нам послужит весьма хорошо.

После полуночи в специальной комнате, предоставленной нам ЕУК, мы принялись за поздний ужин. Мы решили, что впредь нам надо будет денно и нощно держаться вместе. Каждый в отдельности, мы обладали некоторой силой, но, когда мы были вместе, впятером,

она, как показал этот вечер, умножалась в тысячу раз.

Мы не обманывали себя, полагая, что отныне неуязвимы. Возможно, нам больше не грозили прямые атаки Паразитов, но они знали, как использовать против нас других людей, и реальная опасность заключалась именно в этом.

Увидев на следующее утро газеты, мы не могли удержаться и не поздравить друг друга с несомненной победой. Почти все в мире смотрели телевизор, и это было всё равно что они присутствовали в зале, когда исчез Блок. Мы думали, что некоторые газеты заподозрят обман — в конце концов, сделанное нами было не более, чем грандиозный фокус, — но этого не случилось. Многие нас истерично поносили, но лишь за нашу глупость — что бы освободили эти "ужасающие силы". Все полагали, что Тсатхоггуа — это имя предложил американский знаток Лавкрафта — разрушили Блок, чтобы помешать нам узнать ещё больше их секретов. Особенно всех напугало то, что если Тсатхоггуа смогли уничтожить блок весом три тысячи тонн, то с такой же лёгкостью они смогут уничтожить и современный город. Через день страх возрос ещё больше, когда учёные обнаружили слой базальтовой пыли, покрывающей кустарник на многие мили вокруг места раскопок, и сделали вывод, что Блок каким-то образом был распылён. Это их озадачило. Можно было, конечно, сделать это с помощью атомного бластера, но высвободившаяся в результате этого энергия уничтожила бы всех в подземном зале. Учёные никак не могли понять, как можно было так измельчить Блок без повышения температуры.

Гуннар Фэнген, президент ООН, направил нам послание, в котором спрашивал, какие, на наш взгляд, шаги ему следует предпринять против Паразитов. Не думаем ли мы, что дело можно разрешить, уничтожив Кадаф атомными зарядами? Какое, по-нашему, оружие наиболее эффективно против Паразитов? Мы ответили ему, прося приехать к нам, что он и сделал спустя двое суток.

Тем временем, у ЕУК возникли некоторые трудности: конечно, с точки зрения рекламы им лучшего и желать было нельзя, но, пока сотни репортёров несли постоянное дежурство у стен компании, она в прямом смысле находилась в осаде, из-за чего практически весь бизнес встал. Нам необходимо было найти новую штаб-квартиру. Поэтому я связался непосредственно с президентом Соединённых Штатов Ллойдом К. Мелвиллом и спросил его, не может ли он предоставить нам какое-нибудь совершенно безопасное место, где нам была бы гарантирована полнейшая секретность. Он отреагировал быстро и уже

через час известил нас, что мы можем перебраться на американскую ракетную Базу 91, Саратога-Спрингс, штат Нью-Йорк. На следующий день, 17 октября, мы переехали туда.

Наше новое место имело массу преимуществ. У нас всё ещё был список около десятка американцев, которых в своё время мы намеревались посвятить в наш секрет; этими именами нас снабдили Ремизов и Спенсфильд из Йельского университета. Пятеро из списка как раз проживали в штате Нью-Йорк. Мы попросили президента Мелвилла, чтобы он устроил, чтобы эти люди встретили нас на Базе 91. Это были Оливер Флеминг и Меррил Филипс из Лаборатории психологии Колумбийского Университета[117], Рассел Холкрофт из Сиракузского Университета, Эдвард Лиф и Виктор Эбнер из исследовательского института в Олбани.

Вечером накануне нашего отъезда из ЕУК Флейшман записал выступление для телевидения, в котором он ещё раз подчеркнул, что у Земли нет оснований для паники. Он не верит, что Паразиты обладают достаточной силой, чтобы причинить ощутимый вред человеческой расе, и наша задача не допустить, чтобы они стали достаточно сильны для этого.

Для нас эта "публичная" сторона работы была наименее важной, она была слишком утомительной, и пользы от неё не было никакой. Мы хотели заняться реальным делом — исследованием наших собственных сил и сил Паразитов.

ЕУК организовали для нас ракету до Базы 91, и уже через час мы были там. О нашем прибытии в тот же день объявили по телевидению. Президент выступил лично, объяснив свои основания для разрешения нашего присутствия на Базе 91 (которая была самым охраняемым объектом США — шутили, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем проникнуть на Базу 91). Он сказал, что наша безопасность — дело мировой важности, и что любые попытки репортёров связаться с нами будут трактоваться как нарушение правил безопасности, в соответствии с чем и будут наказываться. Определённо, это разрешило одну из наших главнейших трудностей, и с тех пор мы могли передвигаться без преследования десятком вертолётов.

База 91 едва ли могла своей комфортностью сравниться с директорским корпусом ЕУК. Нашим жилищем здесь стала постройка разборного типа, воздвигнутая за сутки до нашего приезда, и она мало отличалась от меблированной казармы.

Нас ждали пять человек: Флеминг, Филипс, Холкрофт, Лиф и

Эбнер. Все они были моложе сорока. Холкрофт даже не походил на учёного — больше шести футов росту, розовые щёки и ясные голубые глаза; я даже почувствовал некоторые опасения, увидев его. Остальные произвели на меня превосходное впечатление: умные, сдержанные, с чувством юмора. После встречи мы все пили чай с командиром базы и старшим офицером безопасности. Они оба показались мне типичными военными: достаточно умны, но как-то чересчур педантично. (Офицер безопасности хотел знать, какие меры он может предпринять против шпионов Тсатхоггуа.) Я решил попытаться заставить их понять точно, против кого мы боролись: не против врага, нападающего на нас спереди или сзади, но против врага, уже находящегося *внутри нас всех*. У них был весьма озадаченный вид, пока генерал Винслов, командир базы, не сказал: "Вы имеете в виду, что эти создания сходны с микробами в нашей крови?" Я ответил, что да, действительно сходны, и с тех пор чувствовал, что они вполне счастливы от этой идеи, а офицер безопасности стал думать терминами дезинфекции.

После чая мы с пятью "новобранцами" удалились в своё жилище. Я прочёл в мозгу офицера безопасности, что под бетонным полом нашей постройки по его личному приказу было спрятано несколько вибрационных микрофонов, и, как только мы вошли туда, обнаружил и уничтожил их. Они были установлены непосредственно в самом бетоне, на глубине около дюйма, и теоретически их нельзя было уничтожить, не просверлив бетон. И когда бы на следующей неделе я не встречал офицера безопасности, я всегда ловил его недоумённый взгляд.

Весь вечер мы вводили новых союзников в курс дела. Прежде всего мы дали им почитать копии "Исторических размышлений". Затем я кратко рассказал им свою собственную историю, которая одновременно записывалась на магнитофон — позже её можно было снова воспроизвести, если бы у них остались вопросы. Я приведу здесь последние пять минут этой записи, поскольку здесь ясно обрисовывается проблема, перед которой мы тогда стояли:

"Итак, мы полагаем, что Паразиты могут быть побеждены человеком с помощью знаний феноменологии. Мы также знаем, что их главная сила основана на их способности выводить разум из равновесия (я уже рассказал, что Блок Абхота разрушили мы). Это означает, что мы должны научиться, как противостоять Паразитам на всех ментальных уровнях.

Но это уже само по себе ставит нас перед следующей проблемой,

требующей немедленного разрешения: мы слишком мало знаем о человеческой душе. Мы не знаем, что происходит во время рождения и смерти человека. Мы не понимаем связи человека с пространством и временем.

Величайшей мечтой романтиков девятнадцатого века была идея богоподобия — "люди как боги". Теперь мы знаем, что это возможно. Потенциальная сила человека столь огромна, что постичь её умом мы просто не в силах. Быть подобным Богу означает *управлять* жизнью, а не быть жертвой обстоятельств. Однако необходимо подчеркнуть, что невозможно стать властителем своей судьбы, пока остаются неразрешённые вопросы. Если идти, обратив взор к небесам, то недолго и споткнуться. Пока мы не понимаем основ нашего существования, Паразиты могут подорвать их и уничтожить нас. Насколько я знаю, в этом отношении Паразиты также невежественны, как и мы, но мы не можем рисковать, оставляя это без внимания. Мы должны узнать секреты смерти, пространства и времени. Это единственная гарантия нашей победы в этой борьбе."

К моему удивлению — и огромному удовольствию — Холкрофт оказался одним из лучших учеников, которые когда-либо у меня были. Его по-детски невинный вид действительно точно отражал его природу. Он воспитывался в деревне двумя своими тётками, старыми девами, обожавшими его до невозможности, в школе он преуспевал по всем предметам. Холкрофт от природы был великодушным, жизнерадостным, напрочь лишённым всяких неврозов, и такое безоблачное детство помогло ему сохранить эти качества. Как экспериментирующий психолог он не особо блистал: ему недоставало той жизненной энергии, что создаёт первоклассных учёных. Но самым важным из всех его качеств была его естественная, инстинктивная приспособленность к природе. У него было нечто вроде духовного радара, значительно облегчавшего ему жизнь.

По сути он *уже знал* всё, что я ему сказал. Он схватывал это мгновенно. Остальные доходили до этого умом, медленно усваивая факты, как питон переваривает крысу, в состоянии интеллектуального возбуждения. Холкрофт знал всё это инстинктивно.

И такое его восприятие было намного важнее, чем это может показаться. Райх, Флейшман, братья Грау и я сам также являемся интеллектуалами. Мы не могли избавиться от привычки использовать интеллект для исследований вселенной разума, и это приводило к излишней трате времени — представьте себе, например, армию под командованием генерала, который отказывается действовать, пока не

составит приказ в трёх экземплярах и не посоветуется о каждой мелочи со своим начальством. Холкрофт был своего рода "медиумом" — не в смысле спиритуализма, хотя две эти категории довольно близки. Его областью был не "дух", а инстинкты. В первый же вечер мы смогли включить его в наш телепатический круг, его внутренний слух был естественным образом приспособлен к этому. И среди нас появилась надежда: сможет ли этот человек погрузиться в разум глубже нас? Сможет ли он узнать, что замышляют Паразиты?

Следующие два или три дня большую часть времени мы проводили в своем блоке, обучая новых учеников всему, что знали сами. Эти занятия существенно облегчались нашими телепатическими возможностями. И в процессе обучения мы обнаружили, что упустили из виду одну из важнейших проблем феноменологии. Когда в результате полученных знаний человек осознаёт, что всю свою жизнь он совершенно заблуждался насчёт собственной природы, это полностью выбивает его из колеи — как будто он внезапно становится обладателем миллиона фунтов стерлингов, или же, по-другому, как будто сексуально несостоятельный мужчина получает в своё распоряжение целый гарем. Человек вдруг понимает, что может вызвать у себя поэтическое настроение так же легко, как повернуть кран, что по одному лишь своему желанию он может возбудить свои эмоции до "белого каления". Его повергает в шок, что всю свою жизнь он держал ключи к *величию*, а все эти так называемые "великие люди" мира имели лишь смутное представление об этих силах, которыми он теперь обладает в избытке. Но он провёл всю свою жизнь, будучи крайне ограниченного мнения о самом себе. За тридцать — сорок лет жизни привычками его старая личность достигает определённой силы, и она не желает просто так взять и исчезнуть. Но новая личность также исключительно сильна — в результате человек становится полем битвы двух личностей, и вынуждает тратить огромное количество своей энергии на этот внутренний конфликт.

Холкрофт, как я уже сказал, был превосходным учеником, но у остальных четверых личности были развиты гораздо сильнее, и они реально не осознавали опасности и необходимости в спешке: в конце концов, мы смогли перенести атаки Паразитов, так почему это не удастся им?

Я не виню их, ведь это было практически неизбежно. Каждый университет в том или ином виде сталкивается с такой же проблемой: студенты находят свою новую жизнь такой увлекательной, что не желают трать время на серьёзную работу.

Нам пятерым стоило значительных ментальных усилий, чтобы Флеминг, Филипс, Лиф и Эбнер уделяли серьёзное внимание дисциплине. Нам приходилось постоянно за ними наблюдать. Новые идеи их словно опьяняли, их разумы были так возбуждены, что они только и хотели, что плескаться и брызгаться, как счастливые школьники в речке. В то время как они должны были читать Гуссерля или Мерло-Понти[118], они, бывало, начинали вспоминать своё детство или последние любовные приключения. Эбнер был большой любитель музыки и знал все оперы Вагнера[119] наизусть, и стоило его только предоставить самому себе, как он тут же принимался напевать что-нибудь из "Кольца нибелунга", погружаясь в пассивный экстаз. Филипс был, что называется, дон-жуанского типа и иногда начинал вспоминать свои последние победы на любовном поприще, да так, что атмосфера начинала вибрировать от сексуального возбуждения, и это нас сильно отвлекало. Впрочем, в его оправдание я могу сказать, что его сексуальные приключения всегда были поисками нечто такого, что он никак не мог найти. Теперь же он это внезапно нашёл, но не мог остановиться от постоянного возвращения к прошлому.

На третий день после нашего прибытия на Базу 91 Холкрофт подошёл ко мне и сказал:

— Мне кажется, что мы дурачим сами себя.

У меня сразу же появилось дурное предчувствие, и я спросил, что он имеет в виду.

— Я сам до конца не понимаю. Но когда я пытаюсь поймать их длину волны, — он говорил о Паразитах, — то чувствую их высокую активность. Они что-то затевают.

Это не могло не вызывать раздражения: мы владели огромным секретом, мы предупредили весь мир, но до сих пор по существу были всё также невежественны, как и прежде. Что это за создания? Откуда они приходят? Какая их главная цель? Обладают ли они в действительности интеллектом, или же, наоборот, так же бездумны, как и черви в куске сыра?

Мы довольно часто задавали самим себе эти вопросы, и предположили несколько ответов. Интеллект человека является функцией его эволюционного побуждения. Учёные и философы испытывают такой голод до истины потому, что они устали быть просто людьми. Тогда, возможно ли, чтобы эти создания были разумны в таком же смысле? Поскольку они были нашими врагами, в это трудно было поверить. Но ведь история учит нас, что интеллект не подразумевает благодеяния. Во всяком случае, если они разумны, то

можем ли мы найти признаки этого? И ещё, *если* они разумны, то, возможно, они понимают, что проиграли.

Но проиграли ли они?

Сразу же после того, как Холкрофт выложил свои подозрения, я позвал остальных. Стояло чистое, ясное утро, воздух был необычайно тёплым. До нас доносились приказы сержанта — несколькими сотнями ярдов в стороне от нас делали зарядку рядовые в белых спортивных костюмах.

Я высказал все свои опасения и сказал, что, по моему мнению, нам придётся "совершить вылазку" и узнать о Паразитах побольше. Мы предложили своим новым ученикам попытаться установить с нами телепатическую связь — операция обещала быть опасной, и нам необходимо было собрать как можно больше сил. Через полчаса Лиф вдруг объявил, что он явственно слышит нас. Остальные же только изрядно устали, но так и не добились результата — мы велели им прекратить все попытки и расслабиться. Но мы умолчали о том, что в случае нападения Паразитов они окажутся в величайшей опасности, так как не имеют достаточно навыков обращения со своими ментальными силами.

Мы задёрнули шторы, заперли двери, расселись и сконцентрировались. Я настолько привык к этой операции, что выполнил её почти автоматически. Первый шаг подобен тому, что я делаю, когда хочу заснуть: полный отказ от мыслей об окружающем мире, забвение собственного тела. Через несколько секунд я уже погружался в тьму своего разума. Следующий этап требовал некоторой практики: здесь приходится освобождаться от обыденной физической личности, в то время как интеллектуальная часть должна оставаться всецело бодрствующей и продолжать опускаться в этот мир снов и воспоминаний.

В известном смысле это погружение сходно со случаем, когда вы видите кошмар, и говорите себе: "Ведь это всего лишь сон. На самом деле я сплю в своей кровати. Я должен проснуться." Здесь присутствует ваше "дневное" "я", но оно сбито с толку собственным миром фантасмагоний. Вскоре я обнаружил, что могу погружаться сквозь слой снов, оставаясь в полном сознании — что довольно сложно, ведь люди обычно используют своё тело в качестве отражателя сознания. Этот слой снов в разуме — странный, тихий мир, здесь чувствуешь себя, словно плаваешь глубоко в море. Для начинающего этот этап может оказаться самой опасной частью эксперимента. Тело служит якорем разума. В одном из своих

стихотворений Йейтс[120] благодарит Бога за то, что "у него есть тело со всей его глупостью", которое избавляет его от ночных кошмаров. Тело — огромный вес для наших мыслей, и оно не даёт им расплыться во все стороны. Это почти как быть на Луне, веся всего лишь несколько фунтов: стоит сделать обыкновенный шаг, и тебя понесёт словно воздушный шарик. Также и мысли, освободившись от тяжести тела, получают поистине дьявольскую энергию. И если мыслитель окажется отвратительной личностью, его мысли немедленно превратятся в ужасающих демонов. Если он не поймёт, что эти демоны — *его* собственные мысли, и без него они не могут существовать, то может удариться в панику и сделать всё в десять раз хуже — как если бы пилот, выполняющий крутое пике, не осознавал, что он бессознательно давит вперёд на рычаг управления.

Мягко пробиваясь вниз сквозь свои сны и воспоминания, я старался не обращать на них внимания и оставаться безучастным. Если я вдруг совершу ошибку и отвлекусь на что-нибудь, то этот сон или воспоминание немедленно расширится и превратится в целую вселенную. И вот тому пример. Неожиданно я почувствовал запах табака "Джинджер Том", который курил мой дедушка. Я уже давно не вспоминал его, так что замешкался, и моё внимание сосредоточилось на запахе. Тут же появились и сам дедушка, и сад позади его коттеджа в Линкольншире. По сути я и был *в* этом саду, воссозданном до таких мельчайших подробностей, что, случись это при других обстоятельствах, я был бы абсолютно убеждён в его реальности. Я сделал усилие и решительно отбросил всё это, и в следующий момент снова погружался в тёплую тьму.

Эта тьма полна жизни, которая вовсе не отражает жизнь тела. Она, подобно электричеству, кишит повсюду во вселенной. Нижние участки разума относятся к "детской комнате" — здесь царит чрезвычайно живое чувство теплоты и невинности, это бестелесный мир детей.

Ниже "детской комнаты" простирается пустота, подобная пустоте межзвёздного пространства — практически "ничто". Это особенно опасный участок, где можно легко сбиться с пути. Во всех своих ранних экспериментах я всегда здесь засыпал и просыпался лишь многими часами позже. Здесь чувству индивидуальности, или даже самого существования, отразиться не от чего, и стоит ослабить внимание хоть на миг, как нить сознания сразу же теряется.

Дальше заходить я не мог. Даже тогда мне приходилось периодически подниматься к "детскому" участку, чтобы сконцентрировать своё внимание.

В течение всего этого времени наши мозги оставались в телепатическом контакте. Это вовсе не значит, что мы всемером плыли бок о бок, нет, каждый был одинок, в контакте находился именно мозг — и в случае необходимости мы могли помочь друг другу на расстоянии с помощью своего рода "дистанционного управления". Если бы я заснул, когда задержался в дедушкином саду, остальные могли бы разбудить меня. Или если бы один из нас подвергся нападению, мы бы все немедленно "проснулись" и объединились для отражения атаки. Но на этой глубине вы были предоставлены только самому себе.

Благодаря своей связи с Холкрофтом я узнал, что он всё ещё опускается. Я пришёл в полный восторг. На такой глубине я стал практически невесомым, и моё сознание было подобно воздушному пузырю, стремившемуся на поверхность. Я знал, что для погружения ниже требовалась некоторая сноровка, но её приобретение требовало определенного количества исследований, практики, и совершенно невозможно опускаться дальше, если вы только и можете, что сохранять своё сознание. Холкрофт, очевидно, уже обладал таким мастерством.

В этих регионах разума практически нет чувства времени — оно идёт и в то же время нет, если вам это что-то объясняет. Поскольку нет тела, чувствующего его, в вас появляется какое-то безразличие к его ходу. Я мог сказать, что поблизости от меня Паразитов не было, поэтому я просто ждал, бдительно "всматриваясь" во тьму. Вскоре я услышал, что Холкрофт возвращается. Я мягко поплыл наверх, через сны и воспоминания, и примерно через час после начала нашего эксперимента вернулся в состояние физического сознания. Холкрофт всё ещё был без сознания. Прошло десять минут, прежде чем он открыл глаза. Он был бледен, но дышал ровно.

Он спокойно взглянул на нас, и мы поняли, что ему сказать нам нечего:

— Не понимаю. Дальше вниз почти ничего нет. Я чуть не поверил, что они все убрались.

— Ты видел их?

— Нет. Раз или два у меня появлялось чувство, что они где-то рядом, но очень малым числом.

У нас у всех было такое же впечатление. Всё казалось обнадёживающим, однако мы не чувствовали себя счастливыми.

В полдень, впервые за три дня, мы обратились к телевизионным новостям, и тогда поняли, что делали Паразиты всё это время. Мы

узнали об Обафеме Гвамбе, убившего президента Объединённых Государств Африки Нкумбулу и совершившего государственный переворот, сделавший его хозяином Кейптауна и Адена. Процитировали отрывок из радио-обращения Гвамбе, сделанного им после переворота. Мы переглянулись. Нас *крайне* встревожило, что этот человек явственно был под контролем Паразитов разума. Теперь мы знали о них достаточно, чтобы понимать, что их недооценка была самой опасной ошибкой.

Мы немедленно раскусили их замысел — по сути он был тот же самый, которому они столь успешно следовали в течение двух веков: постоянно заставлять человечество вести войны. Два века люди прилагали все усилия, чтобы развить состояние своего сознания до более значительного, и два века Паразиты давали им другие поводы, куда отвлечь свои мысли.

Мы сидели и говорили до поздней ночи. Такое развитие событий явно требовало нашего немедленного вмешательства — но *какого*? У нас у всех было дурное предчувствие. Лишь в три ночи мы разошлись по кроватям. Но уже в пять нас разбудил Холкрофт и сказал:

— Они что-то затевают, я чувствую это. Думаю, нам лучше убраться отсюда.

— Куда? — На вопрос ответил Райх:

— В Вашингтон. Нам нужно поговорить с президентом.

— Что это даст?

— Не знаю. Но мне кажется, что мы лишь попусту тратим время, рассиживаясь здесь.

Причин для задержки не было. Хотя до рассвета оставался ещё целый час, мы тут же направились к вертолёту, предоставленному в наше распоряжение правительством Соединённых Штатов. Под аккомпанемент первых солнечных лучей перед нами предстали прямые и длинные вашингтонские авеню. Мы аккуратно приземлились на улице рядом с Белым Домом. Из ворот резиденции с поднятым атомным бластером тут же выбежал часовой. Он был ещё молод, и нам не составило труда убедить его, что ему лучше сходить за старшим офицером, а мы тем временем переместили наш вертолёт на лужайку Белого Дома. Это было одно из приятнейших преимуществ наших сил: перед нами рушились все обычные бюрократические барьеры.

Мы вручили офицеру послание для президента и отправились поискать, где в столь ранний час можно выпить кофе. Думаю, случайные прохожие принимали нашу группу из одиннадцати человек за какую-нибудь делегацию бизнесменов. Мы нашли большой

зеркальный ресторан и заняли два столика с видом на улицу. Когда мы сели, я заглянул в разум Эбнера. Он почувствовал это и улыбнулся мне, сказав:

— Смешно. Мне следовало бы думать об опасности, перед которой стоит человечество и мой родной город — я родился в Вашингтоне, — но я лишь испытываю презрение ко всем этим людям, идущим по улице. Все они спят. Мне даже кажется, что то, что с ними случится, не имеет особого значения... — Райх с улыбкой заметил:

— Не забывай, что неделю назад ты был одним из них.

Я позвонил в Белый Дом и узнал, что мы приглашены на завтрак с президентом в девять часов. Пробираясь назад сквозь толпы спешащих на работу людей, мы неожиданно почувствовали, как дрогнул тротуар. Мы переглянулись, и Эбнер спросил:

— Землетрясение?

— Нет. Взрыв. — ответил Райх.

Мы ускорили шаг и в 8.45 вернулись в Белый Дом. Я спросил офицера, вышедшего встретить нас, слышал ли он что-нибудь о взрыве. Он покачал головой: "О каком взрыве?"

Через двадцать минут, лишь только рассевшись за завтраком, мы обо всём узнали. Президента вызвали, когда же он вернулся, то был бледен, голос его дрожал. Он заявил: "Господа, полчаса назад взрывом уничтожена База 91." Мы все молчали, но нам всем в голову пришла одна и та же мысль: сколько ещё пройдёт времени, прежде чем Паразиты настигнут нас?

Райх и Холкрофт написали подробный отчёт о нашей беседе с президентом, так что здесь я лишь ограничусь кратким обзором произошедшего. Мы увидели, что президент находится на грани нервного срыва, и успокоили его при помощи метода, который мы теперь применяли так часто. Мелвилл не был решительным человеком. Для мирного времени он со своей великолепной административной хваткой был превосходным президентом, но справиться с мировым кризисом он не был способен. Мы обнаружили, что он был настолько потрясён новостью, что совершенно забыл позвонить в Штаб Армии и приказать привести в действие полную систему обороны США. Мы убедили его исправить эту ошибку и были рады узнать, что новый радар на высокоскоростных частицах может гарантировать перехват любой атомной ракеты, движущейся со скоростью мили в секунду.

Мелвиллу очень хотелось надеяться, что взрыв на Базе 91 произошёл из-за какого-нибудь несчастного случая — возможно, со строящейся там ракетой для полёта на Марс (её энергоблок содержал в

себе достаточно мощи, чтобы уничтожить половину штата Нью-Йорк). Мы жёстко сказали ему, что это невозможно. Взрыв был делом Паразитов, и в качестве своего орудия они наверняка использовали Гвамбе. Президент сказал, что, в таком случае, Америка находится в состоянии полномасштабной ядерной войны с Африкой, но мы возразили, что в этом нет необходимости. Целью взрыва было наше убийство, но этот замысел провалился благодаря случайности и предчувствию Холкрофтом опасности. Второй такой возможности у Гвамбе не будет. Поэтому пока Мелвилл мог бы притвориться, что взрыв произошёл из-за строящейся ракеты. Нам же представлялось крайне важным только одно дело: собрать как можно большее количество интеллектуалов, способных уяснить всю проблему Паразитов разума, и создать из них нечто вроде армии. Если мы сможем заполучить достаточно людей, владеющих телекинезом, то нам удастся подавить бунт Гвамбе прежде, чем он широко распространится. Тем временем, нам надо было подыскать место, где мы смогли бы работать без всяких помех.

Значительная часть утра ушла у нас на зарядку президента мужеством и энергией для достойной встречи кризиса. Мелвиллу пришлось выступить по телевидению и заявить, что он считает взрыв результатом несчастного случая. (Взрыв уничтожил всё на площади радиусом тридцать миль — неудивительно, что мы почувствовали его в Вашингтоне.) Это подействовало очень успокаивающе на американцев. Затем была тщательно проверена вся система обороны страны; Гвамбе направили секретное послание, в котором его предупреждали, что в случае повторения взрывов будут приняты незамедлительные ответные меры. Мы решили, что будет лучше объявить о том, что мы живы — всё равно сохранить это в тайне от Паразитов было практически невозможно, к тому же весть о нашей гибели могла вызвать повсеместное отчаяние, ведь теперь миллионы людей рассчитывали на наше руководство.

Когда мы сели за ранний ленч, за столом царила атмосфера глубокого уныния. Победа казалось невозможной. Наша единственная надежда была вовлечь в наш круг "посвящённых" ещё около ста человек, а затем попытаться уничтожить Гвамбе теми же методами, что мы использовали против Жоржа Рибо. Однако, по всей вероятности мы находились под постоянным наблюдением Паразитов, и ничто не могло им помешать взять под контроль других политических лидеров, как они это сделали с Гвамбе. Ведь они могли даже завладеть разумом Мелвилла! Было бессмысленно и думать о

том, чтобы посвятить его в наши тайны — как и девяносто пять процентов человечества, он никогда не сможет понять всю суть проблемы. Мы находились в постоянной опасности. Даже если бы мы просто прогуливались по улице, Паразиты могли бы захватить какого-нибудь водителя и бросить его машину на нас, как ракету. Или прохожего с атомным пистолетом, который быстро бы разделался с нами.

И тут Райх сказал:

— Жаль, что мы просто не можем переселиться на другую планету и основать новую расу.

Он вовсе не собирался выдвигать своё предложение на серьёзное обсуждение. Мы знали, что ни одна планета солнечной системы не была пригодной для жизни, да и в любом случае на Земле не существовало ракеты, способной перенести людей даже на пятьдесят миллионов миль к Марсу.

И тем не менее... Почему это не могло быть разрешением вопроса нашей безопасности? Ведь у Америки было несколько ракет, которые могли доставить на Луну пятьсот человек. Кроме того, ещё были три орбитальные станции. Пока мы оставались на Земле, мы подвергались постоянной опасности со стороны Паразитов, а если мы будем одни в открытом космосе, она просто исчезнет.

Да, определённо это был выход. Сразу после ленча Райх, Флейшман и я отправились к президенту и объяснили ему наш замысел. Если Паразитам удастся уничтожить нас, Земля погибнет — в прямом или переносном смысле. Выиграв битву, Паразиты будут безжалостно уничтожать любого, кто попытается заново открыть наш секрет. Лучшим выходом для Земли было бы, если бы мы, в количестве пятидесяти человек, сели на лунную ракету и провели следующие несколько недель на одной из станций, или же курсировали между Землёй и Луной. За это время мы могли бы стать достаточно сильными, чтобы бросить вызов Паразитам. А если нет, то мы бы разделились на группы, каждая из которых затем обучала бы в космосе ещё по пятьдесят человек. В конце концов, мы бы создали армию, способную захватить целую страну.

Один историк предположил, что мы "взяли контроль" над президентом Мелвиллом, как Паразиты над Гвамбе, и заставляли его выполнять все наши требования. Такие действия, конечно же, в кризисной обстановке были бы вполне позволительны, но в этом не было никакой необходимости: Мелвилл всегда был рад следовать нашим предложениям — так запугал его этот кризис.

Как я уже сказал, Ремизов и Спенсфильд снабдили нас списком около десяти человек, которые могли бы быть допущены в наш круг. Пока мы обучили только половину этих людей, и, кроме того, у Холкрофта, Эбнера и остальных также были свои предложения по кандидатурам. В итоге мы уже к началу вечера переговорили с тридцатью, и все они согласились присоединиться к нам. Военно-воздушные силы США помогли нам, доставив этих людей в Вашингтон, и к восьми следующего утра наша группа увеличилась до тридцати девяти человек. Нас могло бы быть и сорок один, но самолёт, доставлявший двух психологов из Лос-Анджелеса, разбился над Великим Каньоном. Мы так и не выяснили причину катастрофы, но догадаться о ней, думаю, несложно.

Президент договорился, что мы сможем покинуть Землю на следующий день, с космодрома в Аннаполисе. Тем временем, мы преподали двадцати восьми нашим новым ученикам ускоренный курс феноменологии. Выяснилось, что практика делает нас совершенными в этом плане, во всяком случае, очень близкими к этому. Возможно, нам помогла и кризисная ситуация. (Она произвела разительные перемены в Флеминге, Филипсе, Лифе и Эбнере.) И прежде чем закончился день, один из наших новичков смог добиться слабого эффекта ПК на сигаретном пепле.

Однако нас не оставляло чувство тревоги. Это было крайне неприятное ощущение — чувство, что нам угрожают одновременно снаружи *и* изнутри. Против какого-то определённого врага мы бы чувствовали себя уверенно, но было очень неприятно осознавать, что Паразиты могут использовать против нас любого из нескольких миллиардов. Это производило чувство безнадёжности, всё равно что искать иголку в стоге сена. Также я должен признать, что мы тщательно контролировали президента в течение всего нашего пребывания в Вашингтоне — иначе Паразитам было бы очень легко захватить его мозговые центры.

Тем временем, успехи Гвамбе в Африке были поразительными. Когда ООН обнародовала предупреждение ему, он просто использовал его в пропагандистских целях: белые пытаются запугать чёрных. И скорость, с которой его бунт распространялся, ясно показывала, что Паразиты сделали Африку ареной массового ментального вторжения. Без всякого согласования со своими войсками, негритянские генералы заявляли о своей верности Гвамбе. У него ушло всего лишь три дня, чтобы стать реальным хозяином Объединённых Государств Африки.

Всю ночь перед нашим отлётом я пролежал в раздумьях. Мне

давно стало ясно, что теперь для сна мне нужно лишь несколько часов; а если бы я проспал слишком много, то мои ментальные силы и самоконтроль сознания ослабли бы. И теперь я чувствовал, что должен серьёзно взяться за проблему, терзавшую меня столь долго. Мне казалось, что я упустил нечто важное.

Я смутно чувствовал это с той самой ночи, когда Паразиты уничтожили всех, кроме нас пятерых. С тех пор мы как будто совершенно бездействовали — о да, мы выиграли несколько незначительных сражений с ними, но у меня было чувство, что наша главная победа была всё-таки упущена. Всё это казалось ещё более странным, поскольку с той памятной ночи Паразиты, казалось, оставили нас в покое.

Животные являются почти машинами: они живут по своим рефлексам и привычкам. Это также во многом относится и к людям; но мы, в отличие от животных, обладаем сознанием, которое по существу означает свободу от привычек и способность создавать нечто новое и оригинальное. И теперь меня раздражало чувство, что то, что я упустил, и было одной из тех тысяч привычек, которые мы всё ещё воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Я боролся за полный контроль над своим сознанием, но не мог разглядеть чего-то укоренившегося, препятствовавшего этому.

Я попытаюсь выразиться яснее. Тревожившее меня было связано с тем самым гигантским приливом жизненной энергии, с помощью которой я разгромил Паразитов. Несмотря на все мои усилия уловить источник этой энергии, он до сих пор ускользал от меня. Многие люди знают, что внезапно возникшая чрезвычайная ситуация пробуждает в них такие внутренние силы, о которых они и не догадывались. Например, война может превратить ипохондрика в настоящего героя. Это происходит потому, что жизнь большинства людей управляется подсознательными силами, о которых они не знают. Но я-то *знал* о них. Я мог погрузиться в свой разум, как инженер в машинное отделение корабля — но, тем не менее, я не мог достигнуть этого источника настоящей внутренней энергии. Почему? Ведь битва с Паразитами дала мне возможность вызвать эту гигантскую энергию. В моих неудачах достичь корня жизненных сил было что-то неразумное.

Всю ночь я ломал голову над этой загадкой. Я пытался погрузиться в свой разум как можно глубже — но это было бессмысленно. На моём пути словно стояло невидимое препятствие — или, может быть, дело заключалось в моей собственной слабости и недостаточной концентрации. Похоже, Паразиты в этом замешаны не были — во

всяком случае, я не видел ни одного из них.

К рассвету я изрядно устал, но всё-таки отправился вместе с Райхом, Холкрофтом и братьями Грау на космодром в Аннаполисе для заключительной проверки — мы отнеслись к ней весьма серьёзно. Мы расспросили всю команду, подготавливавшую нашу ракету к запуску, задавая им, казалось бы, обычные деловые вопросы. Все они казались абсолютно честными и очень дружелюбными. Мы спрашивали их, как проходила работа, и они отвечали, что всё прошло как обычно гладко, без каких-либо помех. Вдруг Холкрофт, молча наблюдавший за нами, спросил:

— Все ли члены команды здесь присутствуют?

Полковник Месси, возглавлявший группу, пожал плечами:

— Все инженеры здесь.

Но Холкрофт настаивал:

— А кроме инженеров?

— Только один, но без него вполне можно обойтись. Это Келлерман, помощник лейтенанта Косты. На это утро у него назначен приём к психиатру. — Главной задачей Косты было программирование электронного мозга ракеты, который согласовывал её системы функционирования — подачу топлива, температуру, контроль воздуха и так далее. Я сказал небрежно:

— Я понимаю, что это неважно, но мы всё-таки хотели бы его увидеть. Это лишь формальность.

— Но лейтенант Коста знает о компьютере гораздо больше, чем Келлерман. Он ответит на любые ваши вопросы.

— Всё равно, мы хотели бы увидеть его.

Связались с психиатром космодрома. Он сказал, что Келлерман ушёл от него полчаса назад. Проверка на контрольно-пропускном пункте выявила, что двадцать минут назад Келлерман покинул базу на мотоцикле. Коста сказал неловко:

— У него есть девушка в университете, и я иногда разрешаю ему съездить к ней на перерыв. Думаю, к ней он и поехал.

Райх сказал с напускным равнодушием:

— Было бы неплохо, если бы вы послали кого-нибудь за ним. И не могли бы вы тем временем проверить все цепи электронного мозга?

Через час проверка показала, что компьютер в полном порядке. Но связной, посланный за Келлерманом, вернулся ни с чем. Каллермана никто не видел. Коста сказал:

— Ну, может, он поехал в город купить что-нибудь. Конечно, это нарушение устава, но, думаю, он решил, что мы не заметим этого из-за

занятости...

Полковник Месси попытался сменить тему, но Райх сказал:

— Извините, полковник, но мы не полетим на этой ракете до тех пор, пока не поговорим с Келлерманом. Не объявите ли вы его всеобщий розыск?

Очевидно, они сочли нас за ненормальных, да к тому же ещё и хамов, но у них не было другого выхода, кроме как подчиниться. Выслали десяток машин военной полиции, вся местная полиция была также оповещена. Проверка в местном аэровокзале показала, что человек, соответствующий описанию Келлермана, несколько часов назад вылетел в Вашингтон. Поиски немедленно переметнулись туда, где полиция также была поставлена в известность.

Наконец, в три тридцать пополудни — часом позже запланированного времени нашего старта, Келлерман был найден. Он вернулся назад из Вашингтона, и его опознали в местном вертолётном вокзале. Он отпирался, заявив, что улизнул с базы, чтобы купить своей подруге обручальное кольцо, думая, что никто этого не заметит. Но, стоило лишь нам увидеть его, как мы поняли, что наша предосторожность была оправдана. Он представлял собой любопытный образчик расколотой личности, большая часть которой была совсем незрелой. Паразиты этим и воспользовались — им не надо было даже захватывать его мозг, а всего лишь перестроить несколько второстепенных центров. Остальное доделало его ребяческое желание чувствовать себя чем-то значительным. Механизм вроде этого иногда заставляет малолетних преступников устраивать крушения шутки ради: желание вступить в мир взрослых, совершив поступок со взрослыми последствиями.

Захватив Келлермана, нам не составило труда вытащить из него всю правду. Он сделал мельчайшую перестройку в системе регулировки температуры корабля: так, чтобы в открытом космосе температура медленно повышалась — слишком медленно, чтобы мы заметили это. Но рост температуры автоматически вызвал бы нарушения в некоторых цепях электронного мозга — а именно воздействовал бы на тормозной механизм корабля, и когда мы приблизились бы к орбитальной станции, наша скорость была бы слишком высокой, и мы просто врезались бы в станцию, уничтожив друг друга. Вполне естественно, что обыкновенная проверка электроники не смогла выявить этого дефекта: в конце концов, электронный мозг состоит из нескольких миллиардов различных цепей, и вся "проверка" заключается лишь в том, чтобы убедиться в

правильной реакции главных соединений.

Мы предоставили Келлермана его собственной судьбе — я догадываюсь, что он предстал перед военным трибуналом и был расстрелян — и в четыре тридцать наконец-то взлетели. К шести мы набрали скорость четыре тысячи миль в час и двигались в направлении Луны. Гравитационный механизм на корабле был старого типа: пол был магнитным, а мы носили специальную одежду, притягивавшуюся к нему, и всё это давало ощущение обычного веса. Как следствие первые два часа мы все испытывали обычное для космических полётов головокружение.

Когда наше самочувствие улучшилось, мы собрались в столовой, и Райх сделал предварительный доклад о Паразитах, а также рассказал, как для борьбы с ними использовать метод Гуссерля. Дальнейшие лекции отложили до следующего дня, поскольку все чувствовали себя слишком взволнованными и утомлёнными новой обстановкой (большинство из нас прежде в космосе никогда не были), чтобы воспринимать какие-либо "уроки".

Пока мы были со стороны спутника, обращённой к Земле, мы могли принимать телевидение. Мы включили новости в девять тридцать, и первое, что увидели, было лицо Феликса Хазарда, произносящего пылкую речь перед многолюдной толпой.

За восемь часов до этого — в семь тридцать по берлинскому времени — Хазард первый раз выступил в Мюнхене, взывая к величию арийской расы, и призвал выйти в отставку социал-демократическое правительство и канцлера доктора Шрёдера. Среди народа речь нашла широкий отклик. Двумя часами позже Новое Националистическое Движение провозгласило, что его лидер, Людвиг Стер, добровольно передаёт свои полномочия Феликсу Хазарду. По его словам, Хазард возродит былое величие арийской расы и приведёт нацию к победе. Было много разговоров о "наглых угрозах представителей низшей расы" и длинные цитаты Гобино, Хьюстона Стюарта Чемберлена и из "Мифа двадцатого века" Розенберга[121].

Было совершенно ясно, что произошло. Паразиты сделали своё дело в Африке, и снова использовали свой привычный метод — мятеж, на этот раз обратившись к Европе. Пока во всём мире бунт Гвамбе воспринимали довольно спокойно, и поэтому они намеревались вызвать более сильную реакцию — возрождение арийского расизма. Говорят, что для ссоры нужны двое, и вот Паразиты дали понять, что эта ссора не останется односторонней.

Должен признать, я сильно пал духом — как не падал последние несколько месяцев. Теперь разрешение проблемы казалось безнадёжным. При таком ходе дел мир может быть втянут в войну всего лишь в течение недели — ещё до нашего возвращения. Казалось, что ничего поделать мы уже не могли, и даже нельзя было быть уверенным, что нам будет куда возвращаться. Предсказать же, что случится дальше, было несложно: Паразиты займутся выводом из строя системы обороны каждой страны путём захвата ключевых мозгов. Америка и Европа перестанут быть неуязвимыми, так как предатели разрушат их системы раннего предупреждения.

Я поспал всего несколько часов и в четыре встал посмотреть девятичасовые новости из Лондона (наши часы, конечно же, были установлены по американскому времени). Стало ещё хуже. Германский канцлер был убит, Хазард объявил социал-демократическое правительство вне закона. Как истинный выразитель волеизъявления немецкого народа, он сам себя назначил канцлером, а его партия сформировала новое правительство Германии, которое переедет из дворца в Бонне в берлинский Рейхстаг. Любому немцу было дано право стрелять без предупреждения в бывших членов "изменнического правительства" (позднее оказалось, что в этом не было необходимости: социал-демократы приняли роспуск своего правительства и заявили о полной поддержке Хазарда). Хазард обнародовал свою программу установления господства белых. Когда все взбунтовавшиеся "низшие расы" мира будут подавлены, они en masse[122] будут депортированы на Венеру — почти миллиард негров! И эта идея несомненно вызвала огромный энтузиазм во всех странах мира, включая Британию и Америку (причём никто не возразил, что, даже если бы Венеру и можно было бы сделать обитаемой, стоимость перевозки миллиарда человек на тридцать миллионов миль превысила бы количество имеющихся денег во всём мире).

В семь часов вечера мы должны были пройти полпути до Луны, и к этому времени уже не могли бы принимать телевидение, только радио. Перед нами встал вопрос: не следует ли нам развернуть корабль и оставаться в пределах суточного полёта до Земли? Если будет суждено разразиться мировой войне, то нам следует вернуться, чтобы активно сражаться с Паразитами. По меньшей мере мы могли помешать им разрушить систему обороны США — нам надо будет только посадить по человеку в каждой части ПВО, и одного в Пентагон — для уверенности, что на высшем уровне не будет предательства.

Такой план действий казался нам лучшим из всех возможных, и поэтому мы весьма удивились, когда Холкрофт ему воспротивился. Однако он не смог дать против него связных аргументов, сказав просто, что у него "предчувствие". А его "предчувствие" уже однажды спасло нам жизни, поэтому мы решили прислушаться к его словам. Позже я поговорил с ним, чтобы он попытался выявить источник этого предчувствия. После некоторых поисков он наконец сказал, что только чувствует, что, чем дальше мы удалимся от Земли, тем будет лучше. Должен признать, я был разочарован. Тем не менее, решение было принято: мы продолжали двигаться к Луне.

В основном только нам десятерым, "старой команде", удалось

забыть о нависшей угрозе и сосредоточиться на вопросах феноменологии. Гораздо труднее было заставить сделать то же самое остальных: многие из них оставили на Земле семьи, и было вполне естественно, что они беспокоились. Не без запугивания нам удалось заставить их работать над изучением разума по десять часов в сутки. Это было нелегко, но уже на второй день мы начали пожинать плоды победы в этом необычном сражении. Стоило нам убедить их забыть всё, что они оставили на Земле, как они стали работать со всем напряжением, требовавшимся для подобной работы, проявляя при этом высокую дисциплинированность. С ними у нас не было ни одной из тех проблем, что возникали с Флемингом, Филипсом, Лифом и Эбнером.

Однако я всё ещё не был удовлетворён. После пятидесяти часов полёта мы находились в сорока тысячах миль от Луны, и у меня было чувство, что теперь Паразиты были ближе, чем когда бы то ни было.

Я поговорил об этом с Райхом, Флейшманом и братьями Грау после окончания занятий. По-прежнему оставались невыясненными некоторые основные положения о Паразитах. Теоретически, не должно было вносить разницы, были ли мы в открытом космосе или же на Земле. Они в разуме, и поэтому как-то удалиться от них просто невозможно. Они не беспокоили нас напрямую после той трагической ночи, понимая, что могут уничтожить нас косвенно посредством мировой войны.

И всё-таки, в некотором смысле, Паразиты *существовали* в пространстве, ведь были они тогда в моей квартире на Перси-Стрит, когда стерегли записи Карела Вейсмана. Как объяснить этот парадокс? Они были и в пространстве и вне его — в конце концов, человеческий разум также находится и в пространстве, и вне его. Как-то локализовать разум нельзя: он не занимает пространства, но в то же время и движется в нём — вместе с нашим телом.

И снова у меня было чувство, что от нас ускользал ключ к отгадке. Мы сидели, медленно, шаг за шагом обсуждая эту проблему, и я сказал:

— Паразиты *существуют* в пространстве, потому что они находятся на Земле — я имею в виду, что они ведь намеренно прибыли сюда, чтобы питаться человеческой расой. Мы теперь знаем, что разум каждого человека индивидуален, потому как, погружаясь в свой собственный разум, мы теряем прямую связь с другими. Но в то же время нам известно, что в более глубоком смысле человечество обладает единым общим разумом — коллективным разумом. Мы

подобны водопроводным кранам города: каждый располагается отдельно, но получает воду из одного и того же главного резервуара... — Райх прервал меня (цитирую буквально по сделанной магнитофонной записи):

— Но ведь ты сказал, что разгромил Паразитов, получив энергию из какого-то огромного и глубокого источника. Может ли это быть сам "резервуар"?

— Думаю, да.

— Но, в таком случае, Паразиты *в* нём и живут, и тогда им была бы доступна его энергия. Что скажешь на это?

Да, вот оно! Мы подбирались всё ближе к отгадке. Очевидно, глубины разума, населяемые Паразитами, и источник жизненной энергии, которого я достиг, есть две совершенно разные вещи. Этот источник может находиться *в* глубинах разума, но он не есть сами эти глубины.

— Очень хорошо, — сказал Флейшман. — Что же это нам даёт?

Генрих Грау медленно произнёс:

— Думаю, я знаю что. Мы говорим о некоем огромном первичном источнике энергии, которую Бернард Шоу называл Жизненной Силой. Это та самая грубая жизненность, что управляет всеми нами.

Его взволнованно прервал Луис:

— Почему же тогда Паразиты занимаются каждым человеком в отдельности, ведь они могли бы красть энергию непосредственно из источника? Очевидно...

— Очевидно, они не могут, — закончил Генрих. — Они вынуждены пребывать между этим источником и людьми.

Мы не совсем понимали их, и я спросил:

— И что это значит?

— Это значит, что этот базовый источник недоступен для них, и, вероятно, даже враждебен им. Другими словами, если бы мы как-то смогли достигнуть его, нам бы вполне хватило энергии, чтобы уничтожить Паразитов.

Я заметил, что такая же мысль была у меня и раньше, только я не мог ясно уловить её смысл. Беда была в том, что мне не удавалось достигнуть источника. Каждый раз мне недоставало силы воли. Райх заметил:

— Но если Паразиты находятся между тобой и источником, то, вероятно, они каким-то образом и мешают тебе.

Мы начинали понимать, что в этом был смысл. Паразиты всегда применяли против человечества этот метод "препятствования",

намеренно отвлекая человеческий разум, когда он начинал познавать свои собственные тайны. Мы уже знали, как противостоять этому: проникнуть в те глубины разума, откуда Паразиты обычно действовали. Но они отступили на тот уровень, куда мы не могли спуститься, и, вероятно, продолжали использовать против нас всё те же старые приёмы.

До сих пор я считал, что мне мешает опуститься ниже определённого уровня моего разума некая "естественная" причина. Ныряльщик может достигнуть только той глубины, где вес вытесняемой им воды равен весу его тела, а если он хочет опуститься ниже, он должен утяжелить свой водолазный костюм. Но я не знал, как можно сделать разум тяжелее, чтобы погрузиться в себя глубже, и думал, что это и объясняет все мои неудачи. Но так ли это было на самом деле? Теперь, размышляя над этим, я понял, что мне мешала *какая-то утечка моей воли*. Мой разум словно опустошался, моё чувство индивидуальности становилось более шатким. Другими словами, было вполне вероятно, что мне мешали.

Я решил проверить это снова, и остальные присоединились ко мне. Я закрыл глаза и совершил обычное погружение через уровни воспоминаний. Но на этот раз оказалось, что теперь пройти через них гораздо труднее. Всё казалось бурным и ожесточённым, как во время плавания под водой после взрыва глубинного заряда. Я вспомнил, что мои сны предыдущей ночью были такими же бурными.

Почему? Паразитов вокруг как будто не было. Что же тогда вызывало это волнение?

Я отчаянно попытался опуститься ниже, и ценой невероятных усилий мне удалось достичь детского уровня. Но здесь было ещё хуже. Первичная по-детски невинная энергия стала неустойчивой, обычное глубокое спокойствие и порядок, словно мягкая качка спокойного моря, обернулись грозным волнением. Я понял, что дальше мне не пройти, и быстро всплыл на поверхность. Райх уже вернулся, и, конечно же, его впечатления были сходны с моими. Дожидаясь возвращения остальных, мы обсуждали возникшую проблему. Может, причиной этому было то огромное физическое волнение, что поразило всё человечество? Или же...

Охваченный чувством полнейшей беспомощности, я подошёл к иллюминатору и взглянул на гигантскую сияющую поверхность Луны, раскинувшуюся под нами. Оставалось всего лишь восемь часов полёта. Я взглянул на приборы проверить, компенсируется ли гравитационное притяжение Луны, и тут мне в голову пришла фантастическая мысль.

Гравитация... Луна... Я повернулся к Райху:

— Может, это и идиотская догадка, но... А вдруг они используют в качестве своей базы Луну?

— Базы? — безучастно произнёс он. — Но как? Там ведь нет людей. А они, насколько мы знаем, не живут в пустом пространстве.

Я пожал плечами:

— Это всего лишь идея... Объяснить, почему разум кажется таким встревоженным.

Тут появился Холкрофт, и я кратко рассказал ему, что мы выяснили. Он сел на кровать, закрыл глаза и вскоре подтвердил, что подсознательные уровни разума действительно были в необычном волнении. И, хотя он и не слышал моего предположения, повернулся к переднему иллюминатору и указал на Луну:

— Вот. Это она как-то воздействует на нас, точно так же, как вызывает приливы.

Я спросил:

— Почему ты так думаешь?

— Могу сказать: я чувствую её притяжение.

Это было вполне возможно. Лунатики... Люди, на чей разум влияет гравитационная тяга Луны. Но почему? Почему Луна влияет на разум? Я спросил Холкрофта:

— Ты думаешь, там находятся Паразиты?

Он покачал головой:

— Не знаю, как такое может быть. И всё-таки... Луна как-то связана с ними.

Мы решили, что остальным лучше тоже принять участие в обсуждении. Это была такая проблема, где любая мысль могла пролить свет. Я попросил всех собраться и затем объяснил им кратко, что мог. Только ядерный физик по имени Бергер внёс полезное предложение:

— Вы знаете что-нибудь о работах философа Гурджиева[123]? Он всегда утверждал, что люди являются пищей для Луны. Он сравнивал человечество со стадом овец, которое откармливается для неё...

Я обратился к Холкрофту:

— Тебе это что-нибудь говорит?

Он ответил серьёзно:

— Думаю, да. Без всяких сомнений, Луна странным образом влияет на человеческий разум. Но это не имеет ничего общего с гравитацией. Насколько известно, Луна не была частью ни Земли, ни Солнца, она откуда-то пришла. Возможно, когда-то она была кометой, и Земля

захватила её. Лунный химический состав несходен с земным. Давайте предположим, что Луна *действительно* крадёт энергию у человека... Или же как-то воздействует на него.

Райх спросил:

— Так ты имеешь в виду, что она может быть базой Паразитов?

— Нет, я так не думаю. Но, тем не менее, допускаю, что они могут каким-то образом использовать её. Я чувствую, что Луна испускает нечто вроде возмущающей энергии — психического характера. Луна выступает в роли гигантского передатчика, а Земля — огромный приёмник...

Остальные тут же принялись вспоминать легенды о Луне, которых я никогда даже и не слышал. Они рассказали о культе Гёрбигера[124], к которому принадлежал и Гитлер. Гёрбигер верил, что каждые десять тысяч лет, или около того, Земля захватывает новую луну, и нынешняя Луна — уже седьмая по счёту. Предыдущие шесть падали на Землю, вызывая гигантские катаклизмы, которые уничтожали большую часть человечества. Потоп, описанный в Библии, был вызван падением шестой луны.

Были упомянуты и другие лунные теории — Великовского, Беллами, Сора[125], и все они показывали, что представление о Луне как о враждебной силе занимало множество различных умов. Большинство из них звучали слишком абсурдно, чтобы воспринимать их всерьёз. Но всё это напомнило мне, что я осознавал и раньше, что Луна вызывает некоторое нарушение в подсознательных уровнях моего разума. Райх также указал, что, судя по всему, большей силой Паразиты обладают именно ночью. Я всегда считал, что это происходит потому, что к концу дня мозг устаёт. Однако, когда я однажды случайно проспал весь день, а ночью бодрствовал, ночью у меня всё равно появилось смутное чувство возросшей уязвимости. Я спросил Холкрофта:

— Не думаешь ли ты, что Паразиты каким-то образом *используют* эту странную энергию Луны — чтобы мешать мыслительным процессам человека?

Но Холкрофт знал об этом так же мало, как и остальные. Тем не менее, одна вещь была совершенно очевидна. Нам надо выяснить, сможем ли мы выйти за пределы этого негативного воздействия. И если, как предположил Холкрофт, Луна является гигантским передатчиком, а Земля — приёмником, тогда нам нужно покинуть сферу влияния их обоих. Это означало, что наш теперешний курс должен быть изменён, иначе нам пришлось бы описать огромную дугу

в десяти тысячах миль от Луны.

Я связался по радио с полковником Месси в Аннаполисе и объяснил, что мы хотим изменить курс и двигаться дальше в открытый космос, нацелившись приблизительно на точку между нынешним положением Юпитера и Сатурна. Месси ответил, что он не видит препятствий этому: топлива у нас было ещё на две недели. Следовательно, мы могли рискнуть и пройти до смены курса на обратный ещё три четверти миллиона миль. Полковник сказал, что, знай он об этом раньше, он загрузил бы нам топлива на полпути до Марса. Я ответил, что нам вполне хватит полмиллиона миль от Земли, это более чем в два раза больше расстояния между Луной и Землёй.

Следуя инструкциям Месси, я произвёл необходимые изменения в управляющей электронике, затем присоединился к остальным на ужин, который, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, прошёл необычайно весело. Мы неслись уже за лунной орбитой в регионы космоса, куда до нас не отваживался проникнуть ещё ни один человек — кроме команды злополучного "Проклиса". Тревога о судьбе Земли как-то сама собой пропала, словно в первый день отпуска исчезли все деловые заботы.

Той ночью я спал более спокойно и глубоко, чем за все предыдущие недели.

Я проснулся и взглянул на часы: половина восьмого. Я попытался вспомнить, почему чувствовал себя таким счастливым. Может, видел приятный сон? Но я не мог вспомнить никаких снов. Я встал и подошёл к заднему иллюминатору. Луна сияла огромным полумесяцем, горы на ней были ясно различимы. Примерно в четверти миллиона миль за ней виднелся сине-зелёный полумесяц Земли. Солнце было ослепительно белым, словно готовое взорваться, а звёзды выглядели во много раз больше, чем с Земли. Чувство восторга поднялось во мне с такой силой, что мне пришлось намеренно подавить его.

Я закрыл глаза и погрузился в свой разум. Было спокойнее, чем вчера, хотя волнения ещё были. Теперь мне стало очевидно, что их вызывала именно Луна. Но её сила слабела, и как результат возникло это опьяняющее чувство внутреннего спокойствия и свободы — как будто выздоравливаешь после болезни. Я разбудил Райха и Холкрофта. Было заметно, что они выглядели здоровее и счастливее, чем за все предыдущие недели. Они чувствовали такую же свободу. Много мы не разговаривали, но у всех нас наконец-то появилась надежда.

В тот день ничего не случилось. Мы только сидели, смотрели на убывающую Луну и отмечали в себе уверенный рост чувства свободы. По существу, это был самый значительный день в моей жизни, хотя сказать мне о нём почти нечего.

И вот здесь-то и встаёт языковая проблема. Повседневных слов уже недостаточно, поскольку нашему обыденному языку ещё никогда не доводилось описывать такие переживания. Могу только попытаться провести параллель. Представьте себе страну, населённую крошечными карликами, у которых для выражения размера есть различные слова и выражения — большой, огромный, гигантский, обширный, необъёмный и так далее, — и которые, описывая идею безграничности, говорят: "Такое же огромное, как человек". И что же произойдёт, когда такого карлика схватит орёл и пронесёт его над Эверестом? Какое слово должен он употребить, чтобы сказать, что эта гора такая большая, что даже человек по сравнению с ней кажется крошечным?

Вот и я стою перед такой же проблемой. Я не буду прятаться за лицемерной фразой, что это невозможно описать словами. Словами можно выразить всё что угодно, если вы только затратите время и приложите усилия: если вас сдерживают рамки вашего языка, то просто увеличьте их.

Однако, на данный момент для меня это неосуществимо, так как описание случившегося за последующие десять дней потребовало бы объёмного тома, полного всяческих аналогий, и мне пришлось бы приложить невероятные усилия, чтобы выполнить задачу с помощью доступных мне лингвистических ресурсов — естественно, абсолютно не предназначенных для этого.

Происходило же то, что мы вырывались из сферы влияния Паразитов разума. Мы поняли это в первый же день.

Пока они ещё были в моём разуме — я мог почувствовать это, стоило мне лишь закрыть глаза и погрузиться в себя. Теперь я знал, что они обитают в областях, лежащих ниже детских воспоминаний. Они всё ещё были вне пределов досягаемости, но я чувствовал, что они паникуют. Им явно не нравилось находиться в полумиллионе миль от Земли, и с увеличением расстояния росла и их паника. Я понял, что они обладают довольно низким интеллектом: если бы они были способны мыслить логически, они бы знали, что через две недели мы снова будем на Земле. Им было бы нетрудно пережить это время, но они впали в совершенно бессмысленную панику, сродни той, что испытывает ребёнок, покидающий родной дом. Они были на Земле

слишком долго, плавая в глубинах морей человеческой жизненной энергии, свободно переходя от одного человека к другому, и всегда с широким выбором жертв. И вот теперь они чувствовали, что их физическая связь с Землёй натягивается и ослабевает, и это их пугало.

Но некоторых из нас это радовало меньше. Мы принимали страх Паразитов за свой собственный — и это было вполне естественно, поскольку этот страх поднимался из инстинктивных глубин разума. Более опытные из нас были вынуждены постоянно бодрствовать для уверенности, что никто из наших новичков не поддастся панике. Теперь-то мы понимали природу той "космической лихорадки", которая срывала все попытки человека проникнуть в дальний космос.

Но дни шли, и мы знали, что Паразиты практически побеждены, это был лишь вопрос времени, когда они окончательно сломаются своей паникой. Каждый день добавлял к расстоянию между нами и Землёй по сто двадцать тысяч миль, и дело заключалось лишь в том, как далеко нам надо будет улететь, чтобы они сдались.

Теперь я мог опуститься в свой разум с невероятной лёгкостью. Мне не надо было прикладывать ни малейших усилий, и даже не надо было закрывать глаза. Наконец-то я стал понимать, что подразумевал Телхард де Шарден, сказав, что истинной дом человека — его разум. Я мог путешествовать по своему разуму также легко и свободно, как и автомобилист по стране. Я даже мог пройти сквозь детский уровень и погрузиться в "ничто" — только теперь я понял, что это далеко не "ничто". Определённо, там были некоторые признаки пустынного космоса: покой, отсутствие всякого напряжения. Но этот покой был сродни покою на дне Тихого океана, где давление столь велико, что там не может жить ни одно живое создание. "Ничто" было чистой жизненной энергией — хотя здесь слова со своим обычным смыслом совершенно бессмысленны.

Порой я проводил долгие часы в этом океане тьмы, ничего не делая, лишь паря. Это довольно трудно понять, так как мы очень привыкли к движению, а Паразиты запутали наши привычные мыслительные процессы. Но и покой вполне естественен человеку: покой и полная неподвижность. Это известно каждому поэту, ведь именно в состоянии полного покоя он начинает осознавать величие собственных внутренних сил — или "души", как сказал бы Вордсворт. Если вы бросите камень в бушующее море, никого результата не будет, но если вы бросите его в тихий пруд, вы увидите каждый круг ряби и услышите их плеск о берег. Паразиты всегда поддерживали разум человека возмущённом в состоянии, используя негативную

энергию Луны, и поэтому человек никогда не мог воспользоваться своей невероятной силой. Даже поэты и так называемые "гении" — и те лишь подозревали о существовании этих сил.

Но настал момент, когда нам надо было принимать решение. Уже десять дней мы удалялись от Земли, и у нас было ещё достаточно топлива, чтобы вернуться к ближайшей орбитальной станции. Но Паразиты явно находились на грани уничтожения. Могли ли мы рискнуть и продвигаться дальше в космос, возможно, оказавшись в будущем в крайне затруднительном положении? Мы перестали пользоваться всем электрическим оборудованием, зная, что энергия нам ещё понадобится. У корабля были огромные фотонные паруса, раскрывшиеся сразу же после того, как мы покинули атмосферу Земли, и солнечный свет частично помогал нам продвигаться вперёд. Большая часть энергии, используемая для двигателей корабля, также получалась от Солнца. Но, очевидно, эти паруса будут бессмысленны при возвращении, да и менять курс космического корабля во много раз сложнее, чем, скажем, яхты. Мы действительно использовали очень мало энергии при удалении от Земли — как будто свободно катились по космосу, единственное, что нам препятствовало — гравитационные поля далёких планет и метеоритов, налетавших на нас с частотой два-три за час.

И мы решили рискнуть. Каким-то образом пессимизм в отношении перспективы нашего возвращения на Землю стал просто невозможен. И мы упорно продолжали двигаться дальше, не обращая внимания на проблемы, ожидая, когда Паразиты полностью потеряют свою хватку.

Это случилось на четырнадцатый день, и никто из нас не мог предвидеть, как это произойдёт. В течение всего утра я чувствовал всё возрастающий страх и ненависть Паразитов. С тех пор, как мы стали удаляться от Луны, мой разум ещё никогда не был столь затуманен и не испытывал таких возмущений. Я сидел с Райхом возле заднего иллюминатора, он задумчиво смотрел на Землю. Внезапно его лицо исказилось ужасом, и я почувствовал исходящую от него панику. Я посмотрел в иллюминатор, думая, что он увидел там нечто, что напугало его. Когда я снова повернулся к Райху, его лицо было пепельно-серым, и сам он выглядел как очень больной человек. Затем он вздрогнул, на миг закрыл глаза — и начал меняться прямо на глазах. Он взорвался смехом, но это уже был здоровый смех неимоверного облегчения. И в этот момент, в самых глубинах своего существа, я почувствовал ужаснейшую рвущую боль, словно какое-то создание пыталось прогрызть выход из меня. Это походило на

физическую и ментальную агонию, и я был просто уверен, что мне не жить. Вдруг я услышал Райха, кричащего мне прямо в ухо: "Всё в порядке! Мы их *победили*! Они уходят!" Но мне стало ещё хуже. Что-то бесконечно злое и отвратительное во мне пробивало себе выход наружу. В миг я понял, что ошибался, думая о Паразитах как о раздельных существах. Они были одним, они были "Оно", чем-то, что я могу только сравнить с гигантским студенистым спрутом, чьи щупальца отделены от тела и могут самостоятельно передвигаться[126]. Это было невыразимо отвратительно, словно вдруг, почувствовав боль, обнаруживаешь в себе огромного плотоядного слизняка, прогрызшего себе путь в твоем теле. И теперь это бесконечно мерзкое существо выбиралось из своего логова, и я чувствовал его ненависть ко мне, ненависть настолько сильную и маниакальную, что для выражения этого чувства практически требовалось новое слово.

Затем — бесконечное, неописуемое облегчение от осознания, что "Оно" ушло. Моя реакция не была подобна реакции Райха. Счастье и благодарность, поднявшиеся во мне, были столь сильны, что я чувствовал, что моё сердце вот-вот разорвётся, слёзы застлали мои глаза, и солнечный свет сразу же стал невыносимо ослепительным, напомнив мне плавание под водой в детстве. Постепенно реакция отступила, я чувствовал себя подобно пациенту, только что видевшему, как врачи удаляют из него тошнотворную раковую опухоль.

Остальные завтракали в соседнем зале. Мы помчались туда и рассказали им о произошедшем. Все сразу же пришли в неимоверное волнение и принялись забрасывать нас вопросами. Пока ещё никто не начал чувствовать первых приступов боли. Я предположил, что именно наше положение — то, что мы смотрели назад, на Землю — послужило причиной того, что мы испытали это первые. Мы посоветовали остальным пойти в другой зал, предупредив их, чего можно ожидать. Затем мы с Райхом прошли в другой конец корабля, погружённый в полную темноту, и совершили своё первое путешествие в новую, освобождённую страну разума.

Я вполне осознаю, что всё сказанное мною с этого момента может показаться ложью. Поэтому я должен сделать усилие, чтобы меня поняли, нежели попытаться заставить повседневный язык проделать работу, для которой он никогда не предназначался.

Свобода — самое главное переживание, которое может испытать человек. В обычной жизни мы чувствуем её лишь на мгновение, когда какое-нибудь чрезвычайное происшествие заставляет собрать всю

нашу силу, и мы выходим из этой ситуации победителями. И после этого наш разум просто воспаряет, не привязанный больше к непосредственному настоящему.

Величайшая проблема человечества состоит в том, что все мы привязаны к настоящему. А всё потому, что по сути мы являемся машинами, и наша свобода бесконечно мала. Наше тело — сложное устройство, как автомобиль. Или, возможно, лучше будет сравнить с "механизированными" искусственными членами, которые люди носят взамен потерянных рук или ног. Эти протезы со своими почти сверхнадёжными источниками питания также чувствительны, как и настоящие руки и ноги, и мне говорили, что человек, носящий их на протяжении многих лет, может совсем забыть, что они ненастоящие. Но если источник питания всё-таки выйдет из строя, он сразу же осознает, что этот протез — лишь машина, и что его собственная воля играет очень маленькую роль в его движениях.

Да, всё это сказано именно о нас. Наша сила воли гораздо менее значительна, чем мы думаем, и это означает, что у нас почти нет настоящей свободы. Едва ли это имеет значение большую часть нашего времени, потому что "машина" — наше тело и мозг — всё равно делает то, что мы хотим: ест и пьёт, выделяет экскременты и спит, занимается любовью и так далее.

Но есть поэты и мистики, испытывающие такие моменты свободы, когда они вдруг осознают, что хотят, чтобы их "машина" сделала что-нибудь более интересное. Они хотят, чтобы по первому же требованию разум мог отделиться от окружающего мира и воспарить над ним. Обычно наше внимание сосредоточено на незначительных деталях, действительных объектах вокруг нас — это автомобиль со включенной передачей. Но иногда автомобиль переключается на "нейтраль" — разум перестаёт заниматься тривиальными вещами и становится свободным. Вместо того, чтобы быть привязанным к унылой реальности настоящего, он может свободно выбрать, какую реальность ему созерцать. Когда у вашего разума "включена передача", вы вспоминаете вчерашний день или же создаёте образ какого-то места на другом конце света, но картинка при этом остаётся тусклой, словно свеча при свете солнца, это просто приведение. В "поэтические" же моменты, в моменты свободы, *вчера становится таким же реальным, как и миг настоящего*.

Если бы могли научиться включать и выключать "передачу" разума, тогда бы человек познал секрет божественности. Но из всех вещей, которым только можно научиться, эта является самой сложной.

Все мы управляемся привычкой: наши тела — роботы, желающие делать только то, что они делали в течение всего последнего миллиона лет — есть, пить, выделять экскременты, заниматься любовью — и заботиться о настоящем.

И моё открытие существования Паразитов помогло мне уничтожить эту "привычку", которую они так старательно питали и усиливали. В результате этого я неожиданно понял, что то, что человек получает маленькие глотки свободы, свои "знамения бессмертия", и тут же теряет их, совершенно не соответствует природе вещей. Ведь нет ни одного довода, почему он не может испытывать их хоть по десять часов в день, если он того хочет (полагаю, больше десяти часов может нанести ему вред, потому что, в конце концов, *временами* мы просто вынуждены окунаться в будничность).

Ещё с самого начала августа — когда я впервые прочёл "Исторические размышления" Карела — я постоянно осознавал возможности своей собственной свободы, и уже одно только это означало, что я разорвал цепи, сковывающие большинство людей — а держать в них человечество Паразитам в основном помогают привычка и невежественность. Кроме этого, Паразиты расположились на глубоком уровне человеческой души, где могли спокойно "пить" энергию, черпаемую людьми из источника их жизненной силы.

Я попытаюсь, чтобы вы поняли меня точно. Если бы человек не был "эволюционным животным", Паразиты нашли бы в его лице постоянного "носителя", и у человека не было бы ни малейшего шанса обнаружить их существование. Они могли бы счастливо проводить в человеке хоть целую вечность, "откачивая" его энергию, а он так бы ничего и не узнал. Но небольшой процент человеческой расы — около двадцати, если быть точным — и есть эти "эволюционные животные" с глубоким и сильным стремлением стать по-настоящему свободными. И этих-то людей Паразитам и приходится "отвлекать", и именно поэтому они иногда и вынуждены подниматься к поверхности разума — чтобы манипулировать своими марионетками. Вот так они себя и выдали.

Я уже говорил, что человек черпает свою энергию из скрытого в самых глубинах его естества жизненного источника. Этот источник — его незыблемый центр тяжести, он и есть его подлинная суть. Он совершенно неразрушим, поэтому Паразиты и не могли проникнуть в него. Всё, что они могли делать, это красть энергию во время её передачи от источника к сознательной бытности человека.

И теперь, возможно, у меня получится объяснить то, что я

обнаружил, совершив по сути новое погружение в себя — хотя нужно постоянно помнить о моём предупреждении о несоответствии языка.

Прежде всего, я увидел, что мой разум погружён в абсолютное спокойствие. Больше не было абсолютно никаких волнений — потому, что это наконец-то был *мой собственный* разум, без всяких вторгшихся чуждых созданий. Наконец-то это было только моё царство.

В моих снах и воспоминаниях также произошли значительные изменения. Тому, кто хоть раз пытался заснуть, когда его мозг был переутомлён, или же находясь в горячке, знакомо это ужасное чувство, когда все мысли уподобляются рыбам, беспорядочно снующими с огромной скоростью, и, кроме того, они кажутся *чужими*. Мозг, который должен бы быть "милым и уединенным местечком", превращается в ярмарочную площадь, полную чужаков. И до этого момента я даже представить себе не мог, насколько всё-таки разум заполнен Паразитами — потому что теперь здесь царило полнейшее спокойствие и безмолвие. Мои воспоминания стояли в правильном порядке, словно войска на королевском параде, и достаточно было лишь одного приказа, чтобы любое из них выступило вперёд. Только теперь я убедился в истинности того, что в нашей памяти тщательно запечатляется абсолютно всё, что с нами происходит. Воспоминания моего раннего детства было также легко вызвать, как и воспоминания о вчерашнем дне. И даже более того: в непрерывной последовательности с воспоминаниями моей нынешней жизни стояли и воспоминания моих предыдущих жизней! Мой разум был совершенно спокойным морем, подобно зеркалу отражающим небо, и воды его были столь чисты, что дно было видно также чётко, как и поверхность. Я понял, что Якоб Бёме имел в виду, когда говорил о "субботе духа". Впервые в своей жизни я стоял лицом к *реальности*. Больше не было ни лихорадочного бреда, ни кошмаров, ни иллюзий. И меня просто поражала та неимоверная сила человека, который всё-таки сумел выжить, несмотря на ужаснейшую пелену безумия, закрывавшую от него реальность. Человек, должно быть, самое выносливое создание во вселенной.

Затем я продолжил спуск по своему разуму — словно идёшь по замку из зала в зал. И впервые я понял, чем являюсь. Я понял, что всё это и *есть я* — не "мой разум", так как местоимение "мой" относится только к крошечной части моего существа. Нет, всё это — я.

Я опускался через "детские" уровни с их светлой энергией, служащей для установки морального равновесия человека, нечто вроде

"полиции нравов". Когда уже взрослый человек начинает верить, что мир — это зло, и вынужден вступать в схватку с этим злом, эта энергия поднимается к поверхности — как белые кровяные тельца к заражённому участку тела. Всё это открылось мне только сейчас.

Ниже этих уровней распростёрся огромный океан неподвижной жизни — он больше не был океаном тьмы и "ничего". Погрузившись в него, я увидел, что здесь есть свет и тепло. На этот раз не было никаких препятствий, и никакая слепая злобная сила не выталкивала меня назад.

А затем я начал нечто понимать — и это почти невозможно выразить. Просто ниже идти было некуда. Эти глубины содержали чистую жизнь, и одновременно, в некотором смысле, они содержали и смерть — смерть тела и сознания. То, что мы называем "жизнью", есть соединение чистых жизненных сил с телом, взаимосвязь жизни как таковой и неживого. Я сказал именно "неживое", потому как слово "материя" здесь было бы ошибочным: любая материя жива, пока она существует. Ключевое слово здесь и есть "существование" — но ни один человек не в силах понять его смысл, потому что он *в нём*. Однако, "существовать" — это отнюдь не пассивная категория, существовать — значит *вырываться* из небытия, "не-существования". Существование само по себе — это вопль самоутверждения, существовать — значит отрицать небытие.

Как видите, вся проблема заключается в языке. Я вынужден довольствоваться одним-двумя словами, в то время как мне требуется около пятидесяти. Однако мои объяснения не совсем схожи с описанием цветов слепому — потому что нет человека совершенно "слепого", свобода является всем нам хотя бы в кратких вспышках. Но у свободы столько же много оттенков, сколько и в спектре.

В общем, пытаясь спуститься ещё ниже, к "источнику" моей жизни, я покидал пределы Царства существования, так как этот источник *не существует*, или, другими словами, он не выходит из небытия, не-существования.

Всё это и было свободой. Прекрасное, невыразимое опьянение свободой. Мой разум принадлежал лишь мне, и я был первым человеком, познавшим, что такое сверхчеловек. И всё-таки мне надо было покидать эти захватывающие просторы, чтобы сосредоточиться на проблеме, приведшей всех нас в открытый космос: Земля и Паразиты разума. Я неохотно вернулся назад на поверхность. На Райха я посмотрел как на незнакомого мне человека, и увидел, что он на меня смотрит также. Мы улыбнулись друг другу, как два актёра,

только что закончивших репетировать сцену, где они играли врагов. Я спросил:

— Как дела?

— Далеко ли ты проник?

— Не очень. Дальше спускаться просто некуда.

— Какие же силы мы можем привлечь?

— Точно пока не знаю. Я хотел бы посоветоваться с остальными.

Мы вернулись в соседний зал. Пятнадцать человек уже лишились Паразитов и помогали другим: некоторые из новичков испытывали такую агонию, что вполне могли причинить себе вред, как женщина, слишком корчащаяся во время родов. Нам стоило значительных усилий успокоить их, поскольку сила была бы бесполезна — она лишь усилила бы их ужас. Один всё не переставал кричать: "Поверните корабль, поверните корабль! Это убивает меня!" Создание внутри него явно пыталось заставить его добиться от нас, чтобы мы вернулись на Землю. Его освобождение настало лишь через двадцать минут, после чего он был так изнеможён, что сразу же заснул.

К восьми часам вечера всё было кончено. Большинство новичков были столь потрясены, что едва ли могли говорить. Все они страдали от эффекта "двойного потрясения", проявившегося в крайней форме: они знали, что теперь они не являются прежними людьми, за которых всегда себя считали, но они ещё не поняли, что эти странные глубины, кажущиеся чуждыми, и *есть* они сами. Объяснять всё это им не было смысла: любые объяснения лишь ограничили бы их сознательной частью личности; они должны выяснить всё сами.

После всех этих событий лишь десять из нас сохранили совершенно ясные головы. И теперь мы поняли, что проблема топлива перед нами уже не стоит: наши объединённые силы ПК могли перенести ракету хоть до Плутона со скоростью в тысячу раз больше прежней. Но нужды в этом не было. Мы должны были вернуться на Землю и решить, как бороться с Паразитами. Было бы совсем несложно уничтожить Гвамбе и Хазарда, но это было бы только временным решением проблемы. Если бы Паразиты захотели, они могли бы создать новых гвамбе и хазардов, а мы бы не смогли уничтожить всех их последователей или "перепрограммировать" их разум. Нам приходилось играть по правилам Паразитов — это было подобно игре в шахматы, только с людьми вместо пешек.

Мы обсуждали свои возможные действия до глубокой ночи, но так и не придумали ничего определённого. И у меня было чувство, что мы идём в совершенно неправильном направлении. Мы думали, как бы

перехитрить Паразитов, но должен был быть и другой выход...

В три часа утра меня разбудил Райх, или, вернее, его разум разбудил меня, так как сам Райх был в соседней комнате. Мы лежали в полной тьме, переговариваясь телепатически. Он совсем не спал, а всё продолжал медленно и методично обдумывать проблему. Райх сказал:

— Я попытался обобщить всё, что мы знаем об этих созданиях, потому что одна вещь по-прежнему не даёт мне покоя. Почему они так не хотят покидать Землю? Если они находятся в разуме, то им должно быть совершенно безразлично, где находиться.

— Потому, — предположил я, — что они населяют уровень разума, общий для всего человечества — коллективное бессознательное Юнга.

— Но это не ответ. Для мысли расстояние не имеет значения. Я могу связаться телепатически с кем-нибудь на Земле также легко, как и с тобой. Мы с тобой всё ещё являемся частью коллективного бессознательного, и, в таком случае, Паразиты должны были бы чувствовать себя здесь также уютно, как и на Земле.

— И что же ты думаешь?

— Всё-таки я думаю, что каким-то образом они связаны с Луной.

— Ты считаешь, что они используют её в качестве базы?

— Нет. Всё гораздо сложнее. Выслушай меня и скажи, имеет ли это, по-твоему, какой-нибудь смысл. Я начну с Кадафа. Мы знаем, что все эти россказни о "Великих Старейших" — полнейшая чушь. Поэтому мы полагаем, что между Паразитами и Кадафом нет никакой связи — они лишь использовали этот миф, чтобы человек искал своих врагов *вне* себя. Пускай это так. Но, тем не менее, не даёт ли нам Кадаф некоторые ключи к отгадке? Первое, что он доказывает без малейшей тени сомнения — что общепринятая датировка человеческой истории ошибочна. Согласно геологии, человеку около миллиона лет. Но так считается потому, что не найдено никаких человеческих останков, которые датировались бы более древним возрастом.

— Самые ранние останки показывают, что миллион лет назад человек не очень далеко ушёл от обезьяны, — напомнил я ему.

— Кто не ушёл? Синантроп? Австралопитек[127]? Откуда мы знаем, что кроме них не было *другого* человека? Не забывай, что Рим был высочайшей цивилизацией, когда бритты были ещё дикарями, в свою очередь, расцвет хеттской цивилизации приходится на время, когда римляне и греки были дикарями. Всё это связано. Цивилизации развиваются локально. Об эволюционном процессе мы знаем точно то, что он развивает интеллект. Так почему же мы должны делать такое

странное предположение, что человек появился всего миллион лет назад? Ведь известно, что динозавры, мамонты, гигантские ленивцы — и даже лошади — существовали за миллионы лет до этого. Человек должен иметь какого-то примитивного обезьяноподобного предка в Юрском периоде[128]. Ведь не появился же он ниоткуда.

— И ты согласен, что существование Кадафа подтверждает эту теорию? Единственной альтернативой этому будет то, что жители Кадафа пришли на Землю с другой планеты.

— Допустим, человек намного старше миллиона лет. Но это ставит следующий вопрос: почему цивилизации не появлялись раньше? Я всё-таки склонен обратить внимание на все эти мифы о разрушении мира — о Великом Потопе и так далее. Давай также допустим, что приверженцы этих мифов правы, и что в утверждении, что Потоп был вызван падением луны, есть доля истины.

— Пока я не совсем понимаю, что общего между всеми этими рассуждениями и Паразитами.

— Поймёшь через минуту. Если мы сопоставим различные мифы о Потопе, мы придём к заключению, что он произошёл в довольно недавней человеческой истории — скажем, около пяти тысяч лет до нашей эры. Затем допустим, что он *был* вызван приближением луны к Земле, как это предполагал Гёрбигер. Может ли это означать, что наша теперешняя луна кружит вокруг Земли всего лишь семь тысяч лет?

— Согласен, это возможно[129].

— Но, как археолог, можешь ли ты сказать, что существуют какие-то реальные свидетельства в пользу этой идеи — или это лишь гадание на кофейной гуще?

— Думаю, таких свидетельств много — именно это я писал в своей книге двадцать лет назад. Но я всё ещё не вижу связи с Паразитами.

— Сейчас скажу. Я долго размышлял над вопросом об их происхождении. Вейсман предполагал, что они оказались на Земле двести лет назад. Но нам известно, что они не любят открытый космос. Тогда откуда же они пришли?

— Луна?

— Возможно. Но это допускает, что они существуют вне человеческого разума.

И вдруг я понял, что он имеет в виду. Конечно же! Теперь у нас есть важный ключ к загадке происхождения Паразитов — они не любят обитать вне основной массы человечества. Почему?

Ответ был так прост, что в это просто нельзя было поверить. Они не могли существовать вне человечества, потому что *они и были*

человечеством. Ответ этот таился в самом первом предложении "Исторических размышлений" Вейсмана: "За последние несколько месяцев я пришёл к убеждению, что человечество поражено чем-то вроде рака разума". Рак. А рак не может существовать вне тела.

Но что вызывает физический рак? Ответ на этот вопрос очевиден любому, кто исследовал собственный разум. Он имеет те же корни, что и "раздвоение личности". Человек по сути континент, но та часть разума, которая отвечает за сознательную деятельность, не больше сада на заднем дворе. И это означает, что человек почти полностью состоит из *нереализованных возможностей*. Так называемые "великие люди" — это те, кому хватило мужества реализовать некоторые из них. "Средний" же человек слишком робок и малодушен, чтобы сделать такую попытку. Он предпочитает безопасность заднего садика.

"Раздвоение личности" происходит тогда, когда некоторые из этих нереализованных возможностей мстят за себя. Например, робкий мужчина, обладающий сильным половым влечением, которое он постоянно пытается подавить, однажды вдруг просыпается, обнаружив, что совершил изнасилование. Он пытается оправдаться, говоря, что всё произошло так, словно "другой" овладел его телом и совершил это преступление. Но, в действительности, этот "другой" и был он сам — та его часть, для признания которой он слишком малодушен.

Вот и рак вызывается местью "нереализованных возможностей". Ещё ранние исследователи рака заметили, что это болезнь людей с нервными расстройствами или же стариков. Человек, имеющий мужество раскрыть свои возможности, не умирает от рака. А те, у кого есть такие возможности, но недостаёт храбрости для их выражения, и создают большую часть раковых больных. Их недоверие к жизни отравляет их души. И рак, и раздвоение личности станут невозможными, когда человек научится погружаться в свою внутреннюю сущность, так как очаги расстройств уже не смогут формироваться.

В некотором смысле Карел Вейсман был прав: Паразиты *действительно* появились двести лет назад. Человек предыдущих столетий был слишком занят слиянием тела и души, так что у него не было времени разочаровываться в себе. Он был более целостным, чем современный человек, и жил более инстинктивно. Затем он достиг перелома в своём эволюционном развитии, когда он стал более сознательным, более разумным и самокритичным. Но брешь между его инстинктивным и сознательным уровнем становилась всё больше, и вот, вдруг, рак и шизофрения уже не редкие болезни, но общераспространённые. Но какую роль во всём этом играла Луна?

И снова ответ подсказывает рак. Эта болезнь возникает из-за понижения уровня жизненной энергии, из-за нервного расстройства или преклонного возраста. Но одного лишь этого отнюдь недостаточно, чтобы вызвать рак — для этого нужен некий *особый* стимул, ушиб, например. Если принимать жизнь за нечто вроде электрической силы, наполняющей человеческое тело — как магнетизм наполняет магнит, — тогда можно сказать, что ушиб понижает электрический ток в теле, и электрическая сила на новом — более низком — уровне продолжает развиваться уже самостоятельно, а это и есть "распад личности". Если, скажем, устрица была бы высшим

организмом, то жемчужина, выступающая в роли раздражителя, вполне могла бы стать причиной рака.

Говоря вкратце, теория Райха о Паразитах сводилась к следующему. Около десяти тысяч лет назад к Земле медленно была притянута луна, возможно, третья или четвёртая по счёту. Примерно через два тысячелетия она, развалившись на куски, упала на нашу планету. Вода океанов, которая раньше лунным притяжением сдерживалась на экваторе, гигантскими волнами ринулась по поверхности Земли, уничтожая все существовавшие тогда цивилизации (но не цивилизацию Кадафа — она была уничтожена одной из предыдущих лун).

Примерно тысячу лет у Земли не было луны, и жизнь на ней была довольно редка. Затем был пленён другой космический странник — гигантский метеорит, который и стал нынешней Луной. Но на этот раз Земля обзавелась крайне опасным спутником, так как он "излучал" странную энергию, оказывавшую вредное влияние на человеческий разум.

Любые теории о происхождении этой энергии — обширное поле догадок. Теория Райха — которая, по моему мнению, также вероятна, как и любая другая — предлагала следующее: когда-то Луна была частью некоего огромного космического тела, возможно, звезды, и была населена "бестелесными" в физическом смысле существами. Это гораздо менее абсурдно, чем могло бы показаться. Раньше учёные заявляли, что некоторые планеты никогда не содержали жизни из-за своих условий, в которых не могла выжить ни одна её форма, но затем выяснилось, что жизнь может зародиться и в самых малообещающих условиях. И жизнь на звезде, конечно же, не была бы "физической" в том смысле, который мы обычно вкладываем в это слово.

Проходящая мимо этой звезды комета вырвала из неё огромный пылающий кусок, и раскалённые газы конденсировались, образовав Луну, которая нам сегодня и известна, постепенно уничтожая её обитателей. Но, поскольку у них не было "тел" в земном смысле, они не могли умереть обычным способом. Они пытались приспособиться к остывающей материи своего нового мира, становясь частью молекулярной структуры твёрдого тела, как раньше входили в состав раскалённого газа. Так Луна стала "активизированной" странной чуждой жизнью.

Если бы Луна не была захвачена притяжением Земли, эта чуждая жизнь умерла бы уже давно, так как жизнь может существовать только там, где действует второй закон термодинамики — то есть там, где

энергия переходит с верхнего уровня на нижний. Но Луна осталась "в живых" благодаря близости Земли, планеты, кишащей жизнью и энергией. Её присутствие для обитателей Луны было подобно постоянному аромату горячего обеда для голодающего человека. И когда человеческая раса медленно обосновалась на Земле, люди смутно и инстинктивно начали осознавать живое присутствие Луны.

И вот здесь, я думаю, и кроется ответ на вопрос о происхождении Паразитов — этого "стимула", вызвавшего рак. Низшие формы жизни — рыбы и млекопитающие — не подвергаются влиянию "наблюдателей", потому что они живут на инстинктивном уровне, и чуждое присутствие им представляется совершенно естественным. Но человек, благодаря своему развивающемуся интеллекту, своему сознательному разуму, медленно становится всё большим хозяином планеты, и всё более отдаляется от своего инстинктивного уровня — он "раздваивается". Постепенно накапливаются различные расстройства, которые оборачиваются в небольшие воспалённые участки нереализованной энергии. На этой фазе стимул Луны, это постоянное физическое давление полузамороженной жизни, начинает производить свой довольно-таки предсказуемый эффект. Так начинает развиваться рак разума.

Конечно, может показаться, что вся эта теория построена на довольно шатких предположениях. Но это не так. Теория очень логична, начиная с этого озадачивающего вопроса: почему Паразиты боятся открытого космоса?

Ответ немедленно напрашивается сам. Когда человек теряет связь со своим "внутренним бытиём", со своими инстинктивными глубинами, он оказывается во власти мира сознания, или, иначе говоря, *во власти мира других людей*. Это известно любому поэту: когда люди вызывают у него отвращение, он обращается к скрытым силам внутри себя и тогда понимает, что все люди гроша ломаного не стоят. Он понимает, что "тайная жизнь" внутри него есть реальность, по сравнению с которой остальные люди просто тени. Но эти "тени" цепляются одна за другую. "Человек — общественное животное," — сказал Аристотель[130], провозгласив, вероятно, самую чудовищную ложь в истории человечества, так как человек имеет гораздо больше общего с горами или звёздами, чем с другим человеком.

Сущность поэта более-менее целостна, ведь он не потерял связей со своими внутренними силами. Но все остальные, "тени", склонны к раку разума. Для них реальность — человеческое общество, на чьих ничтожных личностных ценностях, мелочности, злобе и своекорыстии

они полностью замкнуты. А поскольку Паразиты являются проекцией этих созданий, удивительно ли, что они присасываются к человеческому обществу? И на нашем корабле им не было места, так как нам всем был известен секрет: человек ни при каких обстоятельствах не остаётся "одиноким", он на прямую связан со вселенским источником мощи.

Другими словами, даже если бы мы и не вышли в открытый космос, наш разум всё равно был бы непригоден для Паразитов. Рак в нас медленно умирал от голода. Наше путешествие лишь ускорило этот процесс. Отделившись от остального человечества, в первую очередь мы испытали жуткий страх и одиночество, словно ребёнок, впервые разлучённый со своей матерью. В такой миг встаёшь перед важнейшим вопросом: действительно ли человек общественное создание, которое не может существовать без других людей? Если это так, тогда все наши человеческие ценности — доброта, честность, любовь, вера и всё остальное — являются ложью, поскольку эти ценности по определению абсолютны и более важны, чем остальные люди.

Этот страх обратил нас внутрь, к "источнику силы, целеустремлённости и воли", и фальшивые провода, связывавшие нас с остальным человечеством, оказались обрезаны. Но это не значит, что люди перестали иметь для нас значение, нет — в этот момент они становятся ещё гораздо важнее, так как вы понимаете, что они, в некотором смысле, бессмертны. Но вы также понимаете, что все эти наши так называемые "человеческие" ценности лживы, ведь они основаны на обесценивании человеком самого себя.

Поэтому-то Паразитам и пришлось выйти из нас. Чем дальше уходили мы в космос, тем полнее перед нами раскрывалась истина: остальные люди не определяют наши ценности. Они больше не имеют для нас значения в том смысле, в каком мы всегда это понимали. Человек не одинок. Вы можете быть последним человеком во всей вселенной, и при этом не быть одиноким.

Мы с Райхом проговорили весь остаток ночи. И когда начался рассвет — то есть время, когда он начался бы на Земле — с нами обоими что-то произошло: за последние несколько часов мы совершенно изменились. Куколка превратилась в бабочку.

Мы больше не принадлежали Земле. Этот пустынный космос вокруг нас был таким же нашим домом, как и абсурдный зелёный шарик в двух миллионах миль позади.

Это даже немного пугало. Чувствуешь себя словно нищий,

внезапно получивший невероятное наследство. Смотришь на ряды слуг, ожидающих твоих приказов, перебираешь в уме всё, что мог бы сделать с такой кучей денег, разглядываешь огромные поместья, теперь принадлежащие тебе... Голова идёт кругом, просто сходишь с ума — и испытываешь настоящий ужас свободы.

Сколько ещё предстоит исследовать, сколького мы ещё не знаем...

Но сперва перед нами стояла другая задача: принести эти знания на Землю, остальным. И хотя Земля больше не была нашим домом, в нашем следующем шаге у нас не было никаких сомнений. Теперь мы были полицейскими Вселенной.

Я подошёл к панели управления. Неделей раньше мне приходилось выслушивать детальные инструкции полковника Месси, теперь же компьютер казался не сложнее детской игрушки. Я быстро сделал необходимые изменения в программе и запустил её. Корабль немедленно втянул фотонные паруса и выпустил поворотную ракету. Мы медленно и мягко стали описывать дугу. Остальные проснулись и пришли узнать, что происходит. Я объяснил:

— Мы возвращаемся на Землю. Помогите мне ускорить корабль.

Мы соединили параллельно свои разумы и начали индуцировать высокочувствительный периодический ток воли, а затем, очень медленно, высвободили его на корме корабля. Корабль, словно рыбина, был как будто сжат гигантской рукой. Мы почувствовали скачок ускорения, и повторили операцию. Корабль снова отозвался. Мы увеличили нагрузку, корабль весь задрожал, но ускорился. Операция была очень тонкой и опасной. Мы могли приложить силу, равную десятку водородных бомб, но это надо было сделать так, чтобы она трансформировалась в линейную скорость. Малейшая оплошность вызвала бы крушение корабля — он просто распался бы в атомную пыль. Я и Райх смогли бы это пережить, но не остальные.

Было даже забавно находиться в двух миллионах миль от Земли в этой нелепой, грубой железной ракете, будто сконструированной слабоумными. Мы с Райхом решили, что по возвращении одной из наших первых задач будет показать людям, как создавать настоящие космические корабли.

Легче и быстрее всего объяснять остальным было с помощью телепатической связи. Поэтому мы собрались в круг и взялись за руки, как на спиритическом сеансе. Уже через пять секунд связь была установлена, так как, в некотором смысле, этот процесс был им уже знаком. Мы прокладывали путь во тьме, они шли по нему при дневном свете.

Эксперимент был интересен сам по себе. Ночью я не смотрел на Райха — ведь мы были в разных комнатах, — а также не удосуживался взглянуть на себя в зеркало. Но стоило нам передать свои знания другим, как с ними произошла разительная перемена. Конечно, я ожидал этого, но увидеть это сразу же на стольких лицах было всё-таки удивительно. Обычные слова не могут передать этой картины, могу лишь сказать, что они стали как-то "величественнее", да и то это далеко от правды. Пожалуй, более точно было бы сказать, что они стали как дети. Если вы вглядитесь в лицо очень маленького ребёнка — скажем, шести месяцев — а затем в лицо старого человека, то сразу же различите это трудноуловимое качество на детском лице — мы называем его жизнью, радостью, магией. Неважно, насколько мудр и добр старый человек — у него этого уже нет. И если ребёнок счастлив и умён, он излучает это своё качество, и это почти больно видеть — ведь он явно принадлежит более светлому миру. Он всё ещё полуангел. Взрослые — даже великие — обесценивают жизнь, ребёнок же доверяется ей и утверждает её всем своим существом.

Именно это качество чистой жизни внезапно и снизошло в зал космической ракеты, и не будет преувеличением сказать, что происходившее ощущалось как начало Творения. Видя эти изменения друг в друге, мы обретали ещё большую силу и уверенность.

И это перенесло нас на новый уровень знаний. Когда я говорил своим друзьям, что человек не одинок, я понимал значение этих слов, но полный смысл этого мне ещё не был ясен. Тогда я говорил об источнике силы, целеустремлённости и воли, теперь же увидел, что мы не одиноки и в гораздо более простом смысле. Мы стали полицией Вселенной, но кроме нас были и другие. И наш разум немедленно вошёл с ними в контакт, ведь всё случившееся было равносильно тому, что мы послали сигнал, который тут же был принят сотней приёмников, и они не замедлили ответить нам. Самый ближний из них находился примерно в четырёх миллиардах миль от нас, это был корабль, принадлежавший планете системы Проксимы Центавра[131].

Больше я ничего не скажу об этом, поскольку в дальнейшей истории это не играет роли.

Мы неслись со скоростью около ста тысяч миль в час, то есть отделявшие нас от Земли два миллиона миль мы должны были пройти примерно за двадцать часов. Луна вращается вокруг Земли на расстоянии четверти миллиона миль, и, поскольку она была между нами и Землёй, мы должны были пройти мимо неё через семнадцать с половиной часов. А наше дело и было с ней связано.

На этой стадии идея о перемещении Луны у нас ещё не возникла. Её вес составляет приблизительно 5 x 10^{15} тонн, или пять квадриллионов тонн. Тогда мы понятия не имели, какую массу смогут переместить наши объединённые силы ПК, но для такой задачи они всё-таки казались нам недостаточными. Кроме того, чего мы добьёмся, *действительно* вытолкнув её в открытый космос? Постоянный раздражитель человеческой души исчезнет, но свою работу он уже сделал. Паразиты разума спасутся в любом случае.

Однако, несмотря на это, было ясно, что Луна была ключом ко всему и требовала немедленного исследования.

Мы были на расстоянии пятидесяти тысяч миль от Луны, когда снова почувствовали её тягу. Я и Райх переглянулись. Смысл этого был очевиден: каким-то непонятным образом Луна "знала" о нас. Она знала о нас ещё с самого момента нашего старта с Земли, и её "внимание" было сфокусировано на нас ещё долгое время после того, как мы ушли далеко за неё. Теперь мы снова приближались к ней, только с другой стороны, и она не "замечала" нас, пока мы не оказались на расстоянии пятидесяти тысяч миль от неё.

Помутнение способностей, которое мы испытывали, двигаясь от Земли, теперь было выражено меньше. Мы знали, что это было: захваченные жизненные силы, каким-то образом взиравшие на нас с надеждой. "Помутнение" в действительности было эмоциональным срывом, но, если вам известна его природа, его уже не трудно преодолеть.

На этот раз мы направили корабль прямо на Луну. Через некоторое время мы начали тормозить, и уже через полчаса мягко прилунились, подняв огромное облако серебряной пыли.

Я бывал на Луне прежде, и тогда она казалась мне просто скопищем мёртвых скал. Теперь же она больше не была мёртвой, это был измученный живой пейзаж, и ощущение трагедии было очень острым — словно смотришь на обгорелый каркас здания и при этом знаешь, что здесь погибла тысяча людей.

Мы не стали попусту тратить время и сразу же принялись за эксперимент, приведший нас сюда. Не выходя из корабля (у нас не было скафандров, так как не ожидалось, что мы будем где-нибудь высаживаться), мы направили луч воли на громаду пористой скалы, выглядевшей словно огромный муравейник. Двенадцать из нас связались параллельно, и сила, выделяемая нами, смогла бы выжечь кратер диаметром в десять миль. Весь "муравейник" — глыба высотой около мили — рассыпался, как и раньше Блок Абхота, обратившись в

тончайшую пыль, которая густым облаком окутала наш корабль.

Сильно поднялась температура, и в течение десяти минут мы чувствовали себя крайне неуютно. В момент же, когда скала перестала существовать, мы все почувствовали дрожь чистой радости, как очень слабый электрический ток. Сомнений быть не могло: мы высвободили пленённые жизненные силы. Но, так как теперь у них не было "тела", они исчезли, рассеявшись в космосе.

На Луне было нечто ужасающе гнетущее. Шелли проявил блестящую интуицию, когда задал свой вопрос: "Не от усталости ль ты так бледна?" А Йейтс показал просто пугающее понимание, когда сравнил Луну с идиотом, шатающимся по небу. Вот что было не так. Мы словно навестили измученную душу в сумасшедшем доме.

Уже через полчаса Луна была далеко за нами, а весь передний иллюминатор занимал окутанный дымкой голубой шар Земли. Это всегда волнующий момент — видеть Луну позади, а Землю впереди себя, когда они одинакового размера. Но на этом пункте путешествия у нас был ещё один эксперимент с Луной.

Мы хотели выяснить, с какого расстояния на неё можно воздействовать психокинетической силой. Нетрудно понять, что это надо было сделать именно на полпути между Землёй и её спутником, так как нам надо было привязать себя к Земле. Безусловно, что со своего корабля приложить силу к Луне мы не смогли бы, к тому же её масса, несравнимо больше нашей, обернулась бы своей силой против нас и уничтожила нас. Наш корабль был просто вершиной равнобедренного треугольника.

Эксперимент был довольно трудным. Прежде всего, впервые потребовались усилия всех нас — пятьдесят разумов, соединённых параллельно, — и это была самая трудная часть задачи. Большинство новичков едва ли имели представление о своих психокинетических возможностях, а их просили подключить свои ещё незрелые силы к совместной работе. Флейшману, Райху и мне пришлось взять этот чрезвычайно опасный эксперимент под тщательный контроль — то, что мы делали, было чрезвычайно опасным. Никогда ещё корабль не казался таким грубым и непрочным; ослабь хоть один человек на миг своё внимание — и мы все могли погибнуть. Поэтому мы трое сосредоточились на предотвращении подобных инцидентов, а Холкрофт и Эбнер занялись генерацией колебательных волн энергии ПК. Затем необходимо было "нащупать" путь к Земле, что само по себе вызвало шок — словно внезапно оказываешься в Вашингтоне. Земля излучала "жизненную" энергию также обильно, как и Луна, но

не скованную и истощённую, а полную страха и неврозов. Точность догадки Райха о Паразитах разума немедленно стала очевидной. Обитатели Земли вырабатывали волны паники, как мы — психическую энергию, и эта паника ещё более удаляла их от подлинных "я", создавая раковую тень, своего рода "второе я", которое тут же обретало чуждую независимую реальность — как иногда вы смотрите на своё отражение в зеркале и представляете, что оно живое.

Установив контакт с Землёй, мы могли приложить к Луне двойной рычаг: прямой луч энергии ПК с корабля и отражённый от Земли.

Целью эксперимента было не воздействовать каким-то образом на Луну, а оценить нашу реакцию на неё, как, может, игрок в крикет прикидывает в руке вес мячика. Как я уже говорил, ощущение от применения энергии ПК не очень отличается от физического прикосновения к чему-либо, но порядок психокинеза намного выше. Поэтому, настроив отражённый от Земли луч, мы могли оценить сопротивление Луны: для этого надо было увеличивать прикладываемую силу и наблюдать за производимым эффектом. Я, конечно, не принимал в этом участия, так как с Райхом и Флейшманом "успокаивал" эту силу, не давая её колебаниям разрушить корабль — увеличение силы давало о себе знать усилением вибраций корабля. Наконец я резко велел им остановиться: становилось слишком опасно.

Я спросил Холкрофта, чего они добились. Он ответил:

— Не совсем уверен, но, кажется, мы получили ответ. Луну охватить несложно, но сейчас трудно сказать, какое давление окажет на неё воздействие. Нам придётся снова попробовать с Земли. Он имел в виду, что луч ПК мог отследить поверхность Луны, но может ли она быть перемещена силами ПК — это пока ещё не было ясно. Эксперимент измотал нас всех, и остававшийся час до Земли большинство спало.

В девять часов мы включили тормозные двигатели и снизили скорость до тысячи миль в час, в 9.17 вошли в земную атмосферу и выключили всю мощность. Теперь нас подхватил управляющий луч полковника Месси, и остальное мы предоставили ему. Мы приземлились за несколько минут до десяти.

Мы словно вернулись после тысячелетней отлучки. Всё *в нас* изменилось до такой степени, что переменившейся казалась сама Земля. Наша первая реакция, пожалуй, была предсказуема: всё казалось бесконечно более прекрасным, чем нам запомнилось. Это буквально шокировало. На Луне мы этого, естественно, не заметили — нам мешало её вредоносное воздействие.

С другой стороны, встречавшие нас люди казались чужими и отталкивающими, немногим лучше обезьян. Было просто невероятно, что эти слабоумные могут населять этот бесконечно прекрасный мир, оставаясь при этом такими глупыми и слепыми. Нам пришлось напомнить самим себе, что эта слепота — один из эволюционных механизмов.

Инстинктивно мы все "прикрылись" от взглядов других людей, стараясь изо всех сил показаться прежними. Мы даже испытывали стыд — как испытывал бы счастливый человек среди безнадёжного отчаяния.

Месси, выглядевший очень усталым и больным, спросил:

— Ну, как, господа, удачно?

— Думаю, что да, — ответил я.

Выражение его лица сразу же изменилось, усталость как-то спала. Внезапно я почувствовал расположение к нему. Может, эти создания и отличаются от идиотов лишь немного, но они всё-таки братья. Я взял Месси за предплечье и передал ему жизненной энергии. Истинным удовольствием было видеть, как быстро он изменился, наблюдать, как энергия и оптимизм расправляют ему плечи и сглаживают морщины на лице. Я продолжил:

— Расскажите мне, что происходило после нашего отлёта.

Положение было серьёзным. С невероятной скоростью и безграничной жестокостью Гвамбе захватил Иордан, Сирию, Турцию и Болгарию. Там, где ему оказывалось сопротивление, население уничтожалось тысячами. Аккумулятор космических лучей, созданный совместными усилиями африканских и европейских учёных для использования в субатомной физике, добавлением отражателя из геронизированного[132] вольфрама был превращён в оружие, и с тех пор Гвамбе нигде не встречал сопротивления. За час до нашего приземления сдалась Италия, и Гвамбе был предоставлен свободный проход через её территорию. Немецкая армия была сосредоточена на границе со Штирией[133] и Югославией, но до крупных столкновений дело ещё не доходило. Немцы грозили использовать водородные бомбы, если Гвамбе снова применит свой аккумулятор космических лучей, так что казалось вполне вероятным, что последует затяжная неядерная война. Четырнадцать ракет с обычными зарядами проникли сквозь американскую ПВО, и одна из них вызвала пожар в Лос-Анджелесе, который бушевал всю прошлую неделю. Нанести ракетный контрудар для американцев было крайне затруднительно, поскольку армия Гвамбе была рассеяна по огромной территории, но за

день до нашего прибытия президент США заявил, что в будущем при прохождении каждой ракеты сквозь американскую систему обороны будет уничтожаться целый африканский город.

Но всем было ясно, что это была не та война, где кто-то мог надеяться на победу. Каждая ответная мера была ещё одним шагом на пути к взаимному уничтожению. Общее мнение о Гвамбе склонялось к тому, что он был одержим манией убийства и представлял чрезвычайную опасность как для своих людей, так и для остального мира.

Довольно странно, что никто до сих пор так и не понял, что Хазард был также безумен и опасен для человечества. В течение двух недель, пока Гвамбе осуществлял захват средиземноморских стран, Германия и Австрия проводили мобилизацию. Кейптаун, Булавайо и Ливингстон уже серьёзно пострадали от германских ракет, но *согласованные* боевые действия против Африки пока не велись. Когда появились сведения, что Хазард направляет пусковые мобильные установки для ракет с водородными боеголовками в Австрию, русский премьер-министр и американский президент призвали его не применять ядерное оружие. Ответ Хазарда был довольно уклончив, но все полагали, что он поведёт себя благоразумно. Но мы-то знали лучше. Также как, впрочем, и президент Мелвилл, но он предпочитал не распространяться об этом.

На ракетоплане мы долетели до Вашингтона и незадолго до полуночи уже ужинали с президентом. Он также выглядел изнеможённым и больным, но полчаса общения с нами подняли его дух. Обслуживающий персонал Белого Дома замечательно справился с организацией этого ужина на скорую руку для пятидесяти человек. Почти первым замечанием Мелвилла было:

— Не знаю, как вам удаётся выглядеть такими беспечными.

— Потому что, думаю, мы можем остановить эту войну.

Я знал, что он хотел услышать именно это. Конечно, я не добавил, что мне внезапно показалось неважным, уничтожит человеческая раса сама себя или нет. У меня вызывало раздражение снова находиться среди этих убогих, вздорных и недалёких людишек. Президент спросил, как мы собираемся остановить войну.

— Прежде всего, господин президент, мы хотим, чтобы вы связались с Центральным Телевизионным Агентством и предупредили их, что через шесть часов вы выступите с заявлением, касающимся судьбы всего мира.

— И о чём оно будет?

— Пока не уверен, но, думаю, оно будет связано с Луной.

В четверть первого ночи мы все вышли на лужайку перед Белым Домом. Небо было затянуто облаками, моросил холодный дождик. Конечно, нам это совсем не мешало: каждый из нас знал совершенно точно, где находится Луна. Мы чувствовали её тяготение и сквозь облака.

Мы уже не чувствовали усталости. Возвращение на Землю значительно приободрило всех нас. Также инстинктивно мы знали, что у нас не возникнет трудностей с остановкой войны. Вопрос был в том, можно ли уничтожить Паразитов или нет.

Наш эксперимент в космосе сослужил нам хорошую службу. На этот раз нашей опорой была сама Земля, и не было ничего проще, чем параллельно соединить наши разумы. Также Райху, Флейшману и мне уже не надо было следить за безопасностью эксперимента — худшее, что могло произойти, это разрушение Белого Дома.

Соединив разумы, мы словно опьянели от возбуждения: никогда прежде я не испытывал такого чувства силы. Я понял, что означает фраза "мы члены друг другу", но уже в более глубоком и настоящем смысле, чем прежде. Предо мной предстало видение всей человеческой расы в постоянном телепатическом контакте, способной таким образом объединять свои физические силы. Человек как таковой перестанет существовать, перспективы мощи будут бесконечными.

Мы направили свою волю подобно лучу огромного прожектора на Луну и нанесли по ней удар. На этой стадии мы не увеличивали мощность с помощью колебаний. Сам контакт с Луной был необычен: мы словно внезапно оказались в гуще толпы, самой шумной, которую когда-либо знал мир. Возмущающие колебания от Луны хлынули прямо по туго натянутому силовому каналу, протягивавшемуся между нами и спутником. Никаких шумов слышно не было, но наши разумы на несколько секунд потеряли контакт, когда нас ударила волна физического возмущения. Мы вновь соединились и напрягли свои силы против него. Луч воли обхватил Луну и почувствовал её форму, как, скажем, рука может чувствовать апельсин. Какое-то мгновение мы мягко держали её, выжидая. Затем, под руководством Райха и меня, начали вырабатывать чистую движущую силу. Казалось, что расстояние до Луны не играет никакой роли, и я сделал вывод, что наша сила столь велика, что для неё дистанция в четверть миллиона миль была всё равно что дальность броска камня. Следующие двадцать минут мы испытывали свою силу. Важно было делать это медленно, не растрачивая её попусту. Этот гигант, шар весом в пять

квадриллионов тонн, спокойно висел на конце нити гравитации Земли, не в силах вырваться. Поэтому, в некотором смысле, Луна не имела веса: вся её масса поддерживалась Землёй.

Затем медленно, очень медленно, мы стали оказывать слабое давление на её поверхность — с тем, чтобы заставить её вращаться. Поначалу ничего не происходило. Мы увеличили давление, прочно упёршись в Землю (большинство из нас сочло, что сидеть будет удобнее, несмотря на мокрую траву). Также безрезультатно. Мы держали Луну мягко, совершенно свободно, давая силовым волнам возрастать самим по себе. Через четверть часа мы увидели, что добились своего: Луна вращалась, но очень, очень медленно. Мы были словно дети, разгоняющие гигантскую карусель. Как только начальная инерция была преодолена, уже ничто не могло ограничить скорость вращения, которую мы придавали Луне, не спеша повышая давление.

Но ось вращения "карусели" не была параллельна оси Земли. Наоборот, мы заставили её вращаться перпендикулярно её орбите движения вокруг Земли, или, другими словами, в северо-южном направлении.

Длина окружности Луны в этом направлении составляет около шести тысяч миль. Мы продолжали прикладывать силу, пока точка её приложения не стала двигаться со скоростью три тысячи миль в час, на это ушло чуть более пяти минут после преодоления инерционности массы. Таким образом, Луна стала совершать оборот за два часа, что во всех отношениях отвечало нашим намерениям.

Мы вернулись внутрь и выпили горячего кофе. К этому времени к нам присоединились пятнадцать ведущих сенаторов, так что зал оказался переполненным. Мы попросили их успокоиться и расселись по местам. Наши разумы были сфокусированы на Луне, с тем чтобы проверить, вызвала ли наша операция требовавшийся результат.

Вызвала. Через двадцать минут половина её участка, обычно обращённого к Земле, отвернулась от нас по направлению к открытому космосу, половина же никогда прежде невидимой поверхности повернулась к нам. И, как мы и предполагали, её вредоносное влияние уменьшилось на половину. На протяжении тысячелетий эти лучи психической энергии были направлены на Землю, теперь же они уходили в открытый космос. Замороженные в Луне жизненные силы больше не обладали активным интеллектом, и они не могли оценить ситуацию и понять, что их дом вращается. Кроме того, вращение в таком направлении усложняло их положение. Веками их внимание было направлено на Землю, вращающуюся слева направо со скоростью

поверхности не многим более тысячи миль в час, теперь же обиталище пленённых сил вращалось под прямым углом к Земле. Всё это неизбежно вызывало среди них полнейший беспорядок.

К концу часа прежняя обратная сторона Луны полностью повернулась к Земле. Её возмущающие колебания почти исчезли. Мы спросили сенаторов, заметили ли они какие-нибудь изменения. Некоторые не заметили, другие выглядели слегка озадаченными и сказали, что чувствуют себя более "спокойно", чем час назад.

Тогда мы наконец-то смогли сказать президенту, о чём ему надо будет заявить по телевидению. Наш план был прост и достаточно очевиден. Ему надо будет только объявить, что американская исследовательская станция на Луне была уничтожена, перед этим она успела сообщить о гигантских инопланетянах, прибывших на Луну в большом количестве.

Он явно сомневался, сработает ли это. Мы убедили его в обратном и отправили его немного поспать.

Я не присутствовал, когда президент делал своё историческое заявление. Я спал самым глубоким и долгим сном с тех пор, как мы покинули Землю две недели назад, и распорядился, чтобы меня никто не будил. Проснувшись в десять часов, я узнал, что первого результата мы добились. Президентскому телеобращению внимал весь мир. В больших городах весть об осевом вращении Луны уже вызвала истерическое волнение. (Также я чувствую некоторую вину в том, что у моего старого друга сэра Джорджа Гиббса, Королевского астронома[134], случился сердечный приступ, когда он увидел вращение Луны в телескоп Гринвичской обсерватории, через несколько часов после этого он умер.) Сообщение президента об инопланетянах на Луне подтвердило общие худшие опасения. Никто не задавался вопросом, зачем инопланетянам понадобилось придавать Луне вращение. Но то, что она *вращалась*, в течение следующих суток было видно каждому. Было почти полнолуние, и над обширными просторами Азии и Европы видимость была великолепной. Правда, вращение не было заметно сразу — не быстрее, чем движение минутной стрелки, — но любой, кто смотрел бы на неё не отрываясь минут десять, ясно увидел бы, как её главные тёмные пятна поверхности медленно перемещаются с севера на юг.

Мы надеялись, что эта новость отвлечёт мысли людей от войны, но мы не учли Паразитов. В полдень поступило сообщение, что по северу Югославии и Италии было выпущено шесть ракет с водородными зарядами, более тысячи квадратных миль было полностью

уничтожено. Паразиты заставили Хазарда без выстрелов войну не заканчивать. Пожалуй, было бы хорошо, если бы он наконец убил Гвамбе, но, несомненно, ему это не удалось — позже тем же днём Гвамбе сделал заявление по телевидению, поклявшись, что, с инопланетянами или без них, он никогда не простит Хазарду гибель его людей. (В действительности же в основном погибло итальянское и югославское мирное население, основная масса армии Гвамбе располагалась южнее.) С этого момента, провозгласил Гвамбе, начинается полное уничтожение белой расы.

В шесть часов вечера новости были получше. Среди солдат Гвамбе началось массовое дезертирство — целыми тысячами. Перед угрозой вторжения инопланетян с Луны они захотели быть со своими семьями. Но Гвамбе продолжал утверждать, что его люди будут сражаться до конца. Через несколько часов водородной ракетой был уничтожен Грац в Штирии, погибло полмиллиона солдат Хазарда. Ещё три ракеты попали в ненаселённую местность между Грацем и Клагенфуртом, убив лишь несколько человек, но совершенно опустошив сотни квадратных миль. Поздно ночью стало известно, вооружённые силы Хазарда наконец перешли границу с Югославией и близ Марибора завязали сражение с крупной группировкой армии Гвамбе. Сам город был полностью уничтожен ударом космического луча, столкновение произошло в миле от его руин.

Стало ясно, что нам надо действовать... Мы надеялись, что угроза с Луны остановит войну на несколько дней и даст Совету Безопасности ООН время для действий. Но чего Паразиты хотят добиться продолжением войны? Если мир погибнет — что, несомненно, и произойдёт, — то погибнут и они. С другой стороны, если война будет прекращена, то и в этом случае шансы на спасение для них будут ничтожны. Ведь мы знали их секрет — что в открытом космосе они теряют свой источник силы, — и могли уничтожать их тысячами в день (если, конечно, они не сумеют приспособиться к этому новому обстоятельству). Возможно, Паразиты надеялись, что несколько тысяч человек выживут после катаклизма, как выживали раньше после падений лун. Но, каковы бы ни были их основания, всё говорило за то, что они вынудят человечество совершить самоубийство.

Теперь время решало всё. Если Гвамбе или Хазард действительно возжелали гибели мира, им это будет несложно осуществить. Даже довольно неквалифицированный инженер легко может превратить "чистую" водородную бомбу в кобальтовую — с кобальтовой оболочкой, это можно сделать за двадцать четыре часа. Правда, даже в

этом случае человечество ещё может быть спасено, необходимо будет лишь найти способ очистить атмосферу от кобальта-60. Наши психокинетические силы способны справиться с этой проблемой, но на это уйдут месяцы или даже годы. Возможно, Паразиты на это и рассчитывали.

Как мы слышали ещё на Базе 91, в Дуранго, штат Колорадо, группа учёных работала над космическим кораблём, приводимым в движение гигантскими фотонными парусами. Он сооружался из сверхлёгкого сплава лития и бериллия, и его размеры тоже были огромны, поскольку ему нужно было нести свои невероятные паруса.

Я поговорил об этом с президентом. Насколько продвинулся проект? Можно ли уже использовать корабль? Он связался с базой в Дуранго и получил ответ: нет. Корпуса был завершён, но двигатели ещё только отлаживались.

Я сказал президенту, что это неважно. Нам нужен был только сам корабль. И его надо будет покрасить в чёрный цвет. На это база ответила, что выкрасить корабль невозможно — площадь его поверхности составляет почти две квадратные мили. Президент сердито посмотрел в экран видеофона, прикрикнул и прервал связь. Затем он сказал, что, к тому времени, когда мы доберёмся ракетопланом до Дуранго, корабль уже будет чёрным.

Нас потряс уже один только размер корабля. Он сооружался в огромном кратере, образовавшемся от удара метеорита в 1980 году. Работы проводились под плотной завесой секретности. Сам кратер был защищён сверху светонепроницаемым силовым барьером, под которым корабль казался громадной укороченной пулей. Огромное хвостовое оперение, высотой две тысячи футов, являлось хранилищем парусов.

Мы прибыли на базу в Дуранго через пять часов после президентского звонка. Там всё провоняло целлюлозной краской и было заляпано чёрными брызгами, сами люди были тоже черны с головы до ног. Но и корабль был чёрным — каждый его квадратный дюйм.

Была почти полночь. Мы сказали генерал-майору Гейтсу, командиру базы, чтобы он отослал всех людей по домам и снял силовой барьер. Ему было велено подчиняться любому нашему приказу без всяких вопросов, и он оказал нам всестороннее содействие — но я никогда ещё не видел столь совершенно озадаченного человека.

Он показал нам механизм управления фотонными парусами. Они

не были выкрашены и сверкали серебром, их форма несколько напоминала крылья бабочки.

Должен признать, мы чувствовали себя довольно нелепо, стоя в просторном серебряном зале корабля. Было очень холодно и противно пахло краской. Управляющие приборы уже были установлены, но пока не очень много. Ещё целый год должен был уйти на отделку внутреннего оборудования. Спереди, перед пультом управления, стояло только шесть сидений, остальным пришлось расположиться на складных стульях, установленных специально для нас.

Но стоило нам лишь начать отрывать эту махину от земли, как чувство абсурдности исчезло. У нас не возникло никаких трудностей — корпус корабля был чрезвычайно лёгким, его мог передвигать даже один человек, и поэтому задачу по пилотированию корабля мы поручили группе из десяти человек, возглавляемой Эбнером. Я взял на себя рулевое управление. Единственным человеком, не принадлежавшим нашей команде, был штурман Хэйдон Рэйнольдс, капитан военно-воздушных сил США. Он явно ломал голову над тем, что он здесь делал, поскольку всем известно, что кораблю без двигателей штурман не нужен.

Мы взлетели в двадцать минут первого ночи, поднялись на высоту десять тысяч футов и направились прямо на восток. Первые пятнадцать минут Рэйнольдс был так поражён, что от него трудно было добиться связных инструкций. Но затем он успокоился, и с тех пор полёт проходил нормально.

Американские силы ПВО были уведомлены, что в половине первого мы появимся на радарах системы раннего предупреждения, так что никаких осложнений у нас не возникло. Без четверти час по телевизору на борту мы приняли сообщение, что со стороны Луны в земную атмосферу вошёл огромный корабль-нарушитель. Оно было передано согласно нашим указаниям президенту.

Над Атлантикой мы разогнались до скорости тысяча миль в час, в результате температура на борту резко поднялась, что причиняло большие неудобства. Но нам надо было спешить. Когда мы покидали Дуранго, в Мариборе было уже половина девятого утра. Нам надо было проделать путь в пять тысяч миль, и было важно оказаться на месте до наступления вечера.

Перед тем, как пересечь европейское побережье, мы поднялись на высоту двадцать пять тысяч футов: было понятно, что ПВО Англии и Франции к этому времени нас засекут, и нам надо было постоянно сохранять бдительность.

Первая ракета была выпущена по нам где-то в районе Бордо. Десять человек с Райхом во главе создавали силовой барьер вокруг нашего корабля и взорвали ракету, когда она была в двух милях от нас. К несчастью, Райх забыл блокировать взрывную волну, из-за чего корабль внезапно швырнуло, как поплавок во время шторма. На несколько секунд мы потеряли управление, но затем мне удалось нейтрализовать злополучную взрывную волну, и мы снова плавно двинулись вперёд. После этого Райх проявлял осмотрительность и отводил от корабля ударные волны.

Телевизор показывал, что за нашим продвижением наблюдали повсюду. Взрывы направленных на нас ракет не оставили ни у кого сомнений, что мы были пришельцами с Луны, и что у нас был какой-то смертоносный луч.

К часу дня по европейскому времени мы находились прямо над полем битвы у Марибора и снизились до нескольких тысяч футов. Поскольку наш способ приведения корабля в движение был абсолютно бесшумным, мы ясно могли слышать доносившиеся снизу разрывы снарядов.

Размеры корабля оказались очень кстати. Само поле сражения было огромным — десять миль от края до края. Больших скоплений войск не было, только небольшие группы людей, управлявших передвижными орудиями и ракетными установками. Благодаря размерам корабля нас можно было отчётливо видеть со всех концов, хотя всё поле и было затянуто густым дымом.

Теперь началась главная часть операции, и её успех гарантировать мы не могли. Было бы довольно легко уничтожить всё живое на площади в сто квадратных миль и, таким образом, положить конец сражению. Однако никто из нас не смог бы этого сделать. К этим людям, пытавшимся убить друг друга, мы не испытывали ничего, кроме презрения, но чувствовали, что не имеем права убивать их.

В первую очередь надо было парализовать мобильные ракетные установки. За десять минут около дюжины из них пытались нас сбить. Ракеты были уничтожены, а затем группа Райха разделалась и с самими установками, просто смяв их. Но на всём поле битвы было сосредоточено около тысячи орудий и пусковых установок, и мы должны были убедиться в уничтожении каждой из них, чтобы ничто не мешало нам полностью сосредоточиться на выполнении главной задачи. У нас ушёл примерно час на то, чтобы в густом дыму нащупать и уничтожить каждую установку.

Вначале наше появление вызвало панику, но она быстро утихла,

когда все увидели, что по ним не стреляют никакими смертоносными лучами. Операция по уничтожению орудий и ракетных установок не была такой уж зрелищной, это видели только те, кто находился у самой установки. Поэтому через какое-то время нас разглядывали скорее с любопытством, нежели со страхом. Мы выяснили это с помощью своих ментальных "щупальцев", и это здорово нас ободрило.

Всё происходившее казалось каким-то неестественным. Мы все сидели в полнейшей тишине — единственным звуком был шум ветра. Стрельба внизу прекратилась. Мы чувствовали, что за нами наблюдают миллион человек, разделённые на две огромные армии. Во многих из них даже ощущалось присутствие Паразитов — отклик, исходивший от этих "зомби", был холодным и безразличным, в противоположность реакции человека.

Настал момент, и Флейшман нажал на кнопку, управлявшую парусами. Они медленно раскрылись. Должно быть, это было потрясающее зрелище: огромные серебряные крылья сначала плавно двинулись он кормы корабля, а затем начали медленно раскрываться, пока не стали вчетверо раз больше самого судна, полной площадью восемь квадратных миль. Теперь мы выглядели как невероятных размеров насекомое с чёрным тельцем и блестящими, но при этом почти прозрачными крыльями.

Вы должны понять, что мы были в очень близком контакте с нашей "аудиторией", таком же близком, почти интимном, как и контакт между актёром и зрителями в театре. В результате мы смогли почувствовать их реакцию — полнейшее изумление лишь с небольшой долей ужаса.

Когда мы стали очень медленно снижаться к земле, я уловил перемену в их реакции. Они смотрели на гигантское серебряное насекомое как заворожённые, уже без здравого любопытства. Их активное внимание было ослаблено, что едва ли было удивительно, поскольку ни один из них не отрывал от нас взгляда в течение целого часа, и они ослеплялись солнечным блеском фотонных парусов.

Для них мы были огромным и прекрасным насекомым, слишком ярким, чтобы спокойно смотреть на него, но и слишком чарующим, чтобы отвернуться от него.

Результат был в точности такой, как мы и предполагали. Внимание солдат ослабевало и становилось более подверженным внушению, так как мы двигались очень медленно, скользя по небу, постепенно снижаясь к земле. Такой мягкий спуск стоил значительных усилий группе Райха, так как огромная площадь парусов постоянно

находилась под напором ветра, который немедленно закрутил бы корабль, ослабь они внимание хоть на миг.

Остальные сорок человек связались параллельно. Разумы наблюдающих за нами были в полной нашей власти, словно ребёнок, зачарованный сказкой. И я заметил одну интересную вещь, о которой всегда подозревал: все эти зрители своим интересом к нам тоже были телепатически связаны друг с другом. Вот почему толпа может быть столь опасна: возбуждённые люди колебательным процессом вырабатывают определённую телепатическую силу, но грубо и несогласованно, и в итоге в них просыпается склонность к насильственным действиям — чтобы снять напряжение.

Напряжение же этой толпы было под нашим контролем — нам словно открылся один гигантский разум. И он был всецело сосредоточен на огромном насекомоподобном объекте, бывшим уже очень близко от земли. Они были загипнотизированы и полностью открыты для внушения.

Теперь предстояла главная часть операции, возложенная на меня. Разумы солдат были как множество телевизоров, а я — как центральный передатчик. И вот, каждый из них неожиданно увидел, как по бокам космического корабля открываются две огромные двери. А затем из этих дверей — высотой более тысячи футов — начали медленно выходить инопланетяне с Луны. Их рост тоже был больше тысячи футов, и они также, как и корабль, напоминали насекомых — зелёных, с длинными, как у кузнечиков, ногами. Лица их походили на человеческие, с большими клювообразными носами и маленькими чёрными глазами. Двигались они судорожно, словно ещё не привыкли к земному притяжению. Их ступни были с когтями, как у птиц.

Затем пришельцы огромными прыжками ринулись по полю на взиравшие на них армии. Я начал передавать волны жуткой паники, неминуемости ужасной гибели и одновременно ослабил напряжение, пригвоздившее к земле беспомощно смотрящих солдат. Они тут же бросились вон от нас. Чувство паники было столь неприятно — почти непристойный малодушный страх, — что мы оборвали телепатический контакт с ними и позволили им уносить ноги. Никто из них не оглядывался. Тысячи падали и на смерть затаптывались бегущими; позже выяснилось, что так погибло шестнадцать процентов солдат. Вряд ли паника была бы больше, если бы враждебные инопланетяне были реальными.

Впечатления были в высшей степени неприятными. В течение ещё нескольких недель я не мог забыть эту панику, воспоминание о ней возвращалось, словно гадкий привкус во рту. Но она была необходима,

ведь, несомненно, именно она закончила войну. С того самого момента Гвамбе и Хазард больше не могли руководить своими людьми. На них не обращали внимания, их попросту забыли. Война оказалась сном, от которого все проснулись, детской игрой, подошедшей к концу. В течение следующих трёх недель войска ООН в тесном взаимодействии с президентом Соединённых Штатов тысячами арестовывали солдат рассеянных армий, включая самих Гвамбе и Хазарда. (Последний был застрелен "при попытке к бегству", Гвамбе был заточён в психиатрическую лечебницу в Женеве, где он и умер через год.)

Казалось бы, что после этой победы мы только и думали о том, чтобы почивать на лаврах. Ничего подобного, и на это были две причины. Во-первых, эта победа была лишь детской игрой. Я рассказал здесь о ней так подробно лишь из-за её исторической значимости, с точки же зрения стратегии она едва ли заслуживает двух строк. Во-вторых, по-настоящему интересная работа нам лишь предстояла: вернуть мир в состояние здравого смысла и спланировать действия по окончательному уничтожению Паразитов.

Ничего захватывающего в предпринятых нами шагах не было. Мы просто сказали людям правду. Через день после нашей "победы" президент Мелвилл объявил по телевидению, что правительство Соединённых Штатов имеет все основания полагать, что "пришельцы с Луны" покинули пределы солнечной системы, и наша планета больше не стоит перед лицом непосредственной опасности. К этому он добавил: "Однако, в виду постоянной угрозы нападения из внешнего космоса, Соединённые Штаты настаивают на немедленном формировании Объединённого Мирового Правительства, наделённого всеми полномочиями для мобилизации Мировых Сил Безопасности". Его предложение сразу же было принято ООН. И затем началось то великое дело, что так талантливо было описано Вольфгангом Райхом в книге "Передел мира".

Нашей самой важной задачей было, конечно же, уничтожение Паразитов. Но мы решили, что спешить с этим не стоит. Вращение Луны, перекрывая их основной источник, значительно ослабляло их силу. Но была и другая причина, по которой мы отнесли их к разряду лишь второстепенных проблем. Я уже говорил, что, по существу, Паразиты являются "тенью" человеческой трусости и пассивности, их сила возрастает в атмосфере упадничества и паники — её питает страх. Поэтому для уничтожения Паразитов прежде всего было необходимо создать атмосферу силы и решительности — вот это-то мы и считали своей главной задачей в течение следующего года. В первую очередь

необходимо было создать Мировые Силы Безопасности действительно эффективными, искоренить любые признаки обновлённой активности Паразитов. Это требовало, чтобы около двадцати человек из нашей группы посвятили себя вопросам организации. Почти равносильной по важности была задача заставить людей понять, что Паразиты являются реальной угрозой, перед которой человечество должно постоянно проявлять бдительность. В свою очередь это означало, что нам необходимо увеличить нашу группу, пока она не будет исчисляться тысячами, а то и миллионами. Поэтому-то организация Мировых Сил Безопасности и была поручена только двадцати, включая Эбнера и Флейшмана, все же остальные занялись обучением.

Я должен сказать об этом несколько слов, поскольку от нашего успеха в этой области зависело всё. Задача по отбору кандидатов на обучение технике "управления разумом" ни в коем случае не была лёгкой, хотя и может показаться, что проблемы как таковой не было совсем — в конце концов, я выучился сам, также как Райх и Флейшман. Может, нам стоило лишь объявить всему человечеству о факте существования Паразитов разума, и люди выучились бы сами?

Но такой ход был бы верен лишь частично. Конечно, кое-что уже сдвинулось, но это уже само по себе ставило следующую проблему. Сражение с Паразитами требовало особенно устойчивого и активного интеллекта, в то время как большинство людей столь ленивы в ментальном смысле, что Паразиты могут их очень легко обмануть. Люди теперь находятся в опасном положении, поскольку ошибочно считают себя пребывающими в безопасности, и это чувство тщательно подпитывается Паразитами. Это именно тот случай, когда недостаточные знания становятся опасными.

То, что примерно три четверти населения Земли тут же возомнили, что они в совершенстве овладели техникой "управления разумом", ставило перед нами огромную проблему. Как нам узнать, кто из миллионов землян заслуживает нашего внимания? Этот вопрос был не из тех, который нам удалось бы решить немедленно. Мы работали методом проб и ошибок и ограничились лишь кругом высокоинтеллектуальных людей, особенно теми, кто "сам пробил себе дорогу", так как главными нашими требованиями были смелость и энергичность. Но здесь было и довольно много неудач. Когда Райх и я добивались своих первых побед над Паразитами, нас стимулировало чувство сиюминутной опасности. Но новые кандидаты не находились в таком положении, и многие из них просто не могли пробудить в себе чувство крайней необходимости. Я стал понимать, в какой мере

"успех" в мире обязан простой привычке агрессивности и трудолюбия, но никак не интеллекту. Тратить время на неудачи мы не могли. Если бы мы "будили" их с помощью наших телепатических сил, это лишь усилило бы их леность. Поэтому таких мы быстро отвергали, обращаясь к следующим.

Вскоре мы обнаружили, что даже вполне интеллектуальные и серьёзные люди могут страдать ментальной ленью, если они приобрели такую привычку в детстве. Поэтому мы решили, что в будущем необходимо принимать учеников в как можно более раннем возрасте. Для этого мы сформировали отдельную группу по тестированию ментальных способностей тинэйджеров и детей, впоследствии ставшей так называемой группой Бермана "К-Тест", чей успех превзошёл все наши ожидания: за два года она дала более пятисот тысяч "экспертов" по управлению разумом — все моложе двадцати одного года.

К концу года мы уже знали, что своё сражение за установление постоянного мира на Земле мы выиграли. Теперь мы снова могли обратиться к Луне, тем более что к данному моменту это уже было необходимо. Её возмущающие силы освоились с новой траекторией движения и перефокусировались на Землю. Именно этого я и ожидал — вращение Луны было только временной мерой.

Не посоветовавшись ни с кем, наша группа — уже из пятисот человек — решила, что Луна должна быть выведена из гравитационного поля Земли. Эту работу мы начали в январе 1999 года, в последний Новый Год прошлого столетия[135]. По большом счёту это была чисто техническая задача: в течение довольно долгого периода к Луне необходимо было прилагать постоянное давление, ни в коем случае его не ослабляя. Операция выполнялось очень медленно. Плотность Луны по сравнению с плотностью Земли очень низкая, по сути это не более чем гигантский кусок шлака, также за свою долгую жизнь она подвергалась бомбардировке бесчисленными метеоритами и кометами, часть которых были очень большими, и в итоге Луна основательно потрескалась, как, скажем, могла бы потрескаться глыба стекла. Это угрожало тем, что, приложи мы давление резко, она разлетелась бы на куски, и тогда Земля оказалась бы в кольце лунных астероидов, от чего мы отнюдь не стали бы более свободными.

Мы хотели не только защитить Землю от излучений Луны, но и сделать что-нибудь для жизни, заключённой в ней. Было решено направить её в Солнце, где лунные бестелесные жители могли бы снова оказаться свободными.

Четыре группы по сто двадцать пять человек рассредоточились по северному полушарию и начали мягко выталкивать Луну в открытый космос — то есть, придавая ей больше энергии, увеличивали скорость её вращения вокруг Земли, за счёт чего она и начинала удаляться от Земли. (Когда-то Луна была более удалена от Земли, чем в двадцатом веке; но, теряя энергию, она постепенно приближалась.)

За 1999 год мы увеличили скорость оборота Луны вокруг Земли с двадцати восьми дней до четырнадцати. Задача не была трудной — к этому времени я уже достаточно знал о тайнах разума и его отношении к материальной вселенной, и вполне мог бы проделать это один. Луна находилась в миллионе миль от Земли и её орбитальная скорость увеличилась в десять раз. По нашим расчетам, для полного отрыва Луны эта скорость должна была быть удвоена (до сорока тысяч миль в час), а затем её автоматически начало бы притягивать Солнце. Это наконец-то произошло 22 февраля 2000 года — под яростные протесты сентименталистов, на которые мы, впрочем, не обращали никакого внимания, Земля лишилась своего спутника. Мы, однако, допустили один незначительный просчёт: тремя месяцами позже, пересекая орбиту Меркурия, Луна была захвачена её гравитационным полем. Но, поскольку их массы примерно равны, Луна не могла стать его спутником. Меркурий был притянут Солнцем на семь миллионов миль ближе, а Луна в конечном итоге обосновалась на орбите на расстоянии девятнадцать миллионов миль от Солнца. В таком положении температура её поверхности была достаточно высока, чтобы постоянно поддерживать скальные породы в жидком состоянии. Наконец-то лунной "жизни" была дарована определённая степень свободы.

Здесь я вынужден прервать своё повествование. Не потому, что сказать больше нечего, а потому, что в данном случае остальное выразить трудно.

Сегодняшнему среднему человеку может показаться, что мы, "посвящённые", достигли статуса богов. В некотором смысле — да, если сравнивать нас людьми двадцатого столетия. С другой же стороны, мы также далеки от своей цели, как и прежде. Мы больше не ограничены незнанием и недостатком целеустремлённости, но наше незнание по-прежнему велико. Путь, по которому мы идём, всё также уводит вдаль, и я не могу объяснить характер тех вопросов, перед которыми мы теперь стоим. Если бы люди могли их понимать, тогда не надо было бы и объяснять.

Я не знаю, считать ли себя счастливым или нет. Я счастлив тем, что стал зачинателем великого движения в человеческой эволюции. Но

теперь я понимаю, что ещё остаётся сделать. Моя беда в том, что я потерял связь с остальным человечеством — с несколькими важными оговорками. Человек ленив по природе, но эта лень ни в коем случае не должна быть осуждена. Человеку претит всякое неудобство, и, чтобы избавиться от него, он создал цивилизацию — так что лень оказалась важным фактором его эволюции. Но это говорит лишь о том, что человек предпочитает эволюционировать в собственном неспешном, крайне медленном, темпе. Сражение с Паразитами вывело меня на более быстрый путь эволюции, мне не терпелось идти дальше. Меня не удовлетворяло осознание того, что бесконечные царства разума теперь открыты для исследования человеком, мне это казалось недостаточным. Осталось ещё слишком много неразрешённых вопросов. Да, теперь человек обладает чувством эволюционной целеустремлённости, и кажется, что люди будут жить веками, вместо вымирания от скуки и крушения надежд в возрасте восьмидесяти. Но мы до сих пор не знаем, что происходит, когда человек умирает, или когда существование выходит из небытия. Мы знаем, что во Вселенной существует некий благотворный волевой принцип, но нам не известно, является ли этот принцип библейским изначальным Творцом, или же он зависит от какого-то ещё более глубокого источника. Тайна времени остаётся неразгаданной, также как безответен и фундаментальный вопрос, заданный Хайдеггером: почему бытие, а не небытие? Ответ может лежать в совершенно ином измерении, отличном от мира разума, как мир разума отличен от мира времени и пространства...

(Мы решили закончить отчёт профессора Остина этим отрывком из его неопубликованного дневника, поскольку редактору представляется, что вышеизложенные размышления предлагают возможный ответ на тайну "Палласа".

Этой "Марии Селесте"[136] космоса было посвящено столько слов, что в конце концов факты запутались ещё больше. Приведённый ниже отрывок из "Автобиографии" капитана Джеймса Рамзея излагает их ясно.)

В январе 2007 года правительство США заявило, что оно предоставило в распоряжение экспедиции, возглавляемой профессорами Райхом и Остином, космический корабль "Паллас", самое большое космическое судно из всех когда-либо построенных. Объявленной целью экспедиции были археологические исследования на Плутоне, в ходе которых надеялись обнаружить следы исчезнувших цивилизаций. За два дня до старта экспедиции в "Уорлд Пресс Ньюз"

появилась статья Горация Киммела, где говорилось, что её истинной целью было выяснить, можно ли использовать Плутон в качестве базы гигантских космических кораблей, появлявшихся в верхних слоях земной атмосферы... Профессор Остин это категорически отрицал.

"Паллас", с командой на борту в количестве двух тысяч человек, тщательно отобранными руководителями экспедиции (в которую, между прочим, вошли и все, кроме семи человек, участники предыдущей экспедиции 1997 года), стартовал из Вашингтона 2 февраля 2007 года. Последний контакт с ним был установлен незадолго до полуночи того же дня — профессор Остин объявил, что корабль прошёл около миллиона миль. Все последующие попытки связаться с "Палласом" окончились ничем....

Ровно через десять лет, 10 февраля 2017 года, стартовала возглавляемая мной экспедиция со специальной задачей обнаружить какие-нибудь следы "Палласа". В её состав входило три корабля: "Центавр", "Клио" и "Лестер". 12 января 2018 мы достигли Плутона. Через месяц, четырежды облетев вокруг планеты, мы стали готовиться к возвращению на Землю, но именно тогда "Клио" уловил позывные радиосигналы "Палласа"... Он был в конце концов обнаружен 2 марта того же года, дрейфующим примерно в двух миллионах милях от Плутона. Все огни этого гигантского корабля горели, наружных повреждений не наблюдалось, и это вселило в нас надежду, что, возможно, кто-нибудь из его команды остался в живых. Однако, не получив ответа на свои запросы, я счёл это плохим признаком, и приказал лейтенанту Фирмину проникнуть в "Паллас" через его аварийный шлюз. Затем в корабль вошла группа под моим руководством, и мы обнаружили его совершенно безлюдным. Никаких признаков борьбы не было, и состояние личных вещей команды показывало, что они не планировали эвакуироваться с корабля. Судовой журнал "Палласа" был заполнен до 9 июня 2007 года, и, судя по нему, корабль провёл некоторое время на Плутоне и собирался продолжить путь до Нептуна, когда перигелий Плутона будет соответствовать афелию Нептуна[137]. С тех пор автоматические регистрирующие приборы корабля функционировали нормально и показывали, что "Паллас" свободно дрейфовал в космосе. Не было никаких данных, что к нему приближалось какое-либо чужеродное тело больше пятидесятифунтового метеорита — который был автоматически отброшен. Также приборы показывали, что после отлёта с Плутона шлюзы корабля не открывались. Главный физик "Клио" выдвинул версию, что команда "Палласа" была спонтанно

распылена каким-то источником разрушающих космических лучей, воздействующими только на органическую материю, но она была опровергнута показаниями ассимилятора Данбара.

Двигатели "Палласа" были просто выключены в 9.30 9 июня, и корабль с тех пор был предоставлен самому себе. Мы проверили двигатели, и они оказались в превосходном рабочем состоянии.

"Паллас" под управлением лейтенанта Фирмина был отведён обратно на Землю и приземлился 10 декабря 2018 года. Последующие исследования не добавили ничего, что могло бы пролить свет на его тайну, и проведённые затем экспедиции на Плутон и Нептун также не дали никаких результатов.

По мнению редактора настоящего издания, как это уже разъяснялось в другом месте, исчезновение "Палласа" было запланировано, и когда этот корабль в феврале 2007 покинул Землю, каждый на его борту знал, что он уже никогда не вернётся. Никакая другая теория не соответствует фактам. Нет абсолютно никаких свидетельств, что "Паллас" подвергся неожиданному нападению, и что показания его приборов были каким-то образом изменены, чтобы скрыть такие свидетельства. Также нет данных, указывающих на то, что команда "Палласа" собиралась основать новую цивилизацию на другой планете. На борту было только три женщины — естественно, что в случае существования подобного замысла, их число должно было быть много больше.

По моему мнению, настоящее издание "Паразитов разума" предлагает определённые ключи к разгадке судьбы "Палласа". Отрывок, в котором говорится о "полиции Вселенной", извлечён из неопубликованных заметок Остина и представляется нам наиболее важным. В нём говорится: *"Самый ближний из них* [приёмников] *находился примерно в четырёх миллиардах миль от нас, это был корабль, принадлежавший планете системы Проксимы Центавра"*. В ноябре 1997, когда это и происходило, Плутон находился почти на самом удалённом расстоянии от Солнца (4 567 миллионов миль). Поэтому вполне возможно, что "приёмник", о котором говорил Остин, находился где-то поблизости от Плутона — хотя, конечно же, он мог быть и в любом другом направлении. Могла ли "полиция Вселенной" с Проксимы Центавра иметь нечто вроде базы на Плутоне? Опять же, где Киммел смог получить доступ к информации о том, что настоящей целью экспедиции было выяснить, может ли Плутон являться базой летающих тарелок, которые столько людей видели в начале нашего века? Киммел погиб при катастрофе ракетоплана через два месяца

после отлёта "Палласа", так и не открыв своего источника. Но он был известен как честный и рассудительный журналист, всегда придерживающийся фактов. Кажется невероятным, что он просто выдумал эту историю.

Наконец, у нас есть слова самого Остина, написанные им всего за месяц до последней экспедиции, где он говорит, что *"потерял связь с остальным человечеством"*, и что сражение с Паразитами вывело его *"на более быстрый путь эволюции"*. В свете этого отрывка о "полиции Вселенной", может ли быть что-нибудь более естественным, чем то, что Остин планировал покинуть Землю и присоединиться к ним?

Но, прежде всего, не кажется ли та краткость, с которой он упоминает о "космической полиции", несколько странной? Ведь на событие такой важности он вполне мог бы отвести и несколько страниц. Некоторые основания для подобного молчания можно найти в работе Дагоберта Ферриса, участника первой экспедиции, автора "К психологии Золотого Века". Феррис также исчез с "Палласа", но он оставил запись разговора между ним и профессором Райхом, произошедшим после того, как они узнали о существовании "космической полиции". Вот извлечение оттуда:

"Мы думали о внешности этих Существ. Могут ли они быть такими, как мы — с руками и ногами? Или они подобны каким-нибудь странным животным или рыбам — может, осьминогам? Возьмут ли они просто на себя управление Землёй и установят мир, или же предпримут суровые карательные меры против людей, подобных Гвамбе и Хазарду?

[Этот отрывок сам по себе довольно странен. Почему Феррис вообще допускает, что "полиция" возьмёт на себя управление Землёй? *Разговаривал* ли Остин с *ними* о такой возможности? И не было ли в конечном итоге решено, что Остин и его коллеги смогут сами урегулировать кризис Гвамбе?]

Меня радовала эта перспектива нового «правительства» Земли. С самой «смерти Бога» в восемнадцатом веке человек чувствовал себя одиноким в пустынной вселенной, и полагал бессмысленным смотреть на Небеса в ожидании нисходящего оттуда руководства. Он был словно ребёнок, которого однажды утром разбудили и сообщили, что его отец умер, и что теперь он должен взять на себя ответственность за всю семью. Это чувство безотцовства, конечно же, один из сильнейших ударов, которые могут быть нанесены человеку. Мы все помним то чувство, которое испытывали в школе, когда упорная работа немедленно вознаграждалась — призы в конце четверти,

похвала директора, расположение старшеклассников. Затем вы покидаете школу, и «над» вами больше нет никого. Вы совершенно самостоятельны. (Должен признать, что после завершения школы меня подмывало пойти в армию, просто для того, чтобы вновь получить это чувство «принадлежности» группе.) И вы испытываете странное чувство пустоты, бессмысленности всего того, что делаете. Несомненно, именно это и кроется за «моральным крахом» двадцатого века.

Но теперь это в прошлом. *Есть* нечто более сильное, чем человек, на что мы могли бы обратить свой взор. Жизнь снова стала бы полной смысла, пустота заполнилась бы... Человечество смогло бы вернуться в школу. А почему бы и нет, если большую его часть и составляют школьники?

Райх не согласился со мной. Он сказал: «А не думаешь ли ты, что это *наша* работа?» На что я ответил:«Нет, я предпочёл бы учиться, а не учить». Здесь вмешался Остин: «Я согласен с Райхом. Для человечества не может быть ничего более опаснее, чем поверить, что все его заботы пали на плечи сверх-людей»."

На мой взгляд, именно поэтому Остин отказался от помощи "космической полиции". Я также считаю, что именно поэтому он решил, что пришло время, когда он сам должен исчезнуть — и исчезнуть таким образом, чтобы человечество не могло бы быть уверенным в его смерти.

И, поскольку представляется очевидным, что никаких новых данных об этом в дальнейшем не появится, у нас нет другого выхода, кроме как сохранять объективность в подходе к этому делу.

1967

Примечания

1

Бертран Рассел (1872-1970), английский философ (к концу жизни — субъективный идеалист), логик, математик, социолог, общественный деятель. *(Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примечания сделаны переводчиком.)*

2

In toto (лат.) — полностью.

3

Эдмунд Гуссерль (1859-1938), немецкий философ-идеалист, основатель философской школы феноменологии (см. прим.

4

Северо-Западный Университет — университет в Эванстоне, Иллинойс, США.

5

Полковник Спенсер возглавляет Архив Мировой Истории, в

котором хранятся все работы профессора Остина. *(Прим. автора.)*

6

Упсальский Университет — старейший и один из крупнейших университетов Швеции.

7

Абрахам Маслоу (наст. Абрам Маслов, 1908-1970) — американский психолог, один из ведущих представителей гуманистической психологии, друг К. Уилсона.

8

Точнее, "Главы о Восхождении к Свету".

9

Аментет — богиня Запада (Царства Мёртвых), также название самого Царства Мёртвых.

10

Олдос Хаксли (1894-1963), английский журналист, писатель и поэт, автор знаменитой антиутопии "О дивный новый мир" (1932). Позднее творчество Хаксли характеризуется мистической направленностью, одно время он был гуру калифорнийских хиппи. Книга о мескалине — "Двери восприятия" (1954), именно по ней Джим Моррисон назвал свою группу "The Doors".

11

Мескалин — галлюциногенный алкалоид, добываемый из мексиканского кактуса пейот, или мескаль (Lophophora williamsii).

12

Рене Домаль (1908-1944), французский поэт и писатель, сюрреалист, некоторое время работал с Г. И. Гурджиевым (см. прим.

13

Чжуан-цзы (ок. 369-286 до н. э.), древнекитайский философ, последователь Лао-цзы и толкователь его трактата "Дао дэ цзин"; именно благодаря философии Чжуан-цзы даосизм стал наряду с конфуцианством основным направлением китайской мысли. Знаменитый трактат, носящий имя Чжуан-цзы и облечённый форму притч и диалогов, в основе написан им самим, но дополнялся его последователями.

14

Четыреххлористый углерод, тетрахлорметан, оказывает наркотическое действие на центральную нервную систему.

15

Точнее, диэтиламид лизергиновой кислоты (ЛСД), обладающий сильным галлюциногенным действием. Изначально применялся для

лечения маниакальных психозов, затем стал общераспространённым наркотиком (открытие возможности немедикаментозного применения ЛСД приписывается Кену Кизи, будущему автору "Пролетая над гнездом кукушки").

16

Неолит — эпоха позднейшего каменного века, в Европе датируется 7 — 4-м тыс. до н. э.

17

Богазкёй — город в 150 километрах от Анкары (Турция), находящийся на месте бывшей столицы Хеттского царства (18 — нач. 12 вв. до н. э.) Хаттусас. Обнаружены остатки крепостных стен, дворца, храмов, а также т. н. богазкёйский архив глиняных клинописных табличек.

18

Каратепе — холм у реки Джейхан, близ города Кадирли (Турция), где были открыты развалины города 9-7 вв. до н. э.

19

Faute de mieux (фр.) — за неимением лучшего.

20

Остин Генри Лейард (1817-1894), английский археолог и дипломат,

произвёл раскопки некоторых ассирийских городов, в т. ч. и древнейшего из них — Ниневии (сер. 5 тыс. — 7 в. до н. э.).

21

Арцава — государство в Малой Азии (кон. 13 — нач. 12 вв. до н. э.), отделившееся от Хеттского царства. Упоминающиеся ниже хеттский царь и египетские фараоны — реальные исторические личности.

22

Манефон (2-я пол. 4 — нач. 3 вв. до н. э.), египетский верховный жрец в Гелиополе. Написал на греческом языке "Историю Египта" в трёх томах, от которой сохранились лишь отрывки в трудах поздних историков, сама книга предположительно погибла при пожаре Александрийской библиотеки в 391 г.

23

Эс-Сувейда — город на юге Сирии.

24

Освальд Шпенглер (1880-1936), немецкий историк и философ-идеалист, выдающийся представитель философии жизни. "Закат Европы" — главный труд Шпенглера, где он, в частности, и сравнивает цивилизацию с организмом.

25

Джордж Смит (1840-1876), английский археолог и ассириолог. Поначалу работал гравёром в Британском музее, затем самостоятельно овладел клинописью и стал научным сотрудником.

26

Гильгамеш — полулегендарный правитель города Урука в Шумере (28 в. до н. э.), о котором были сложены шумерские эпические песни и позднее большая поэма на аккадском (ассиро-вавилонском) языке.

27

Генрих Шлиман (1822-1890), немецкий археолог, посвятивший себя отысканию мест, упомянутых в поэме Гомера о Трое (Илионе) "Илиада", до этого успешно занимался коммерческой деятельностью. Троя обнаружена в 1870 г. при раскопках холма Гиссарлык на берегу Эгейского моря.

28

Нимруд — городище близ одноимённого города в Ираке, бывший ассирийский город Калах (или Кальху, 1-я пол. 13 — кон. 7 вв. до н. э.), в 13-11 и 9-8 вв. до н. э. был столицей государства.

29

Жан Шампольон (1790-1832), французский учёный и археолог, основатель египтологии, первым расшифровавший египетское иероглифическое письмо. Генри Роулинсон (1810-1895), английский

дипломат, археолог и востоковед, один из основоположников ассириологии, проделал большую работу по дешифровке персидской и аккадской клинописи. Гельмут Теодор Боссерт (1889-1961), немецкий археолог, производивший раскопки на Каратепе.

30

Финикийский язык — древний язык из семитской группы, близок к ивриту. Названный Уилсоном протохаттский язык неизвестен (также как и упоминаемые ниже протохатти), существует хаттский язык (принадлежащий хатти, или протохеттам), который и является протохеттским. Как это будет ясно ниже, Уилсон просто ошибочно формирует слово из синонимичных понятий хатти и протохетты (которые, в отличие от хеттов, не были индоевропейцами). Канисикская письменность — иероглифическая разновидность хеттского письма. Кадеш (Кинза) — древний город в Сирии, известен по египетским и клинописным источникам с 16 по нач. 12 в. до н. э., сначала был населён семитами, затем завоёван Египтом, а затем подчинялся Хеттскому царству. Вновь упоминается в 6 в. до н. э. как центр одноимённого округа Нововавилонского царства.

31

Кархемиш — древний город на севере Сирии, возник на рубеже 4-3-го тыс. до н. э. В 15 в. до н. э. находился в вассальной зависимости от Египта, затем от Хеттского царства. Однако, вопреки Уилсону, после падения последнего Кархемиш не был уничтожен, и до 8 в. до н. э. даже был центром самостоятельного царства. Цинджирли — город в Киликии, древней области на юге Малой Азии, входившей в Хеттское царство.

32

В данном случае Уилсон применяет термин "иероглифы"

некорректно, поскольку выше указал, что на фигурках были клинописные знаки.

33

Бедржих Грозный (1879-1952), чешский хеттолог, исследователь истории народов и языков Древнего Востока, установил индоевропейский характер хеттского языка.

34

Питханас — царь I-й Хеттской Династии (18 в. до н. э.), Тудалияс — царь II-й Хеттской Династии (правил ок. 1740-1710 до н. э.).

35

См. прим.

36

Дельфы — древнегреческий город, крупный религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона (т.н. дельфийский оракул), в 7-6 вв. до н. э. приобретший роль общегреческого святилища.

37

Детерминизм — философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира, по которому одно явление (причина) при вполне определённых условиях с необходимостью порождает

другое явление (следствие). Историко-материалистический детерминизм подразумевает осуществление различных возможностей зависящим от сознательной деятельности людей.

38

Неясно, см. прим.

39

Уильям Блейк (1757-1827), английский поэт и художник, мистик.

40

Эндрю Марвелл (1621-1678), английский поэт, раннее творчество характеризуется мистической направленностью. Цитируется строка из его стихотворения "К его застенчивой госпоже".

41

Строка из стихотворения англо-американского поэта и критика Томаса Стернза Элиота (1888-1965) "Бесплодная земля".

42

Т. е. более двух с половиной тысяч миллионов лет назад.

43

Карл Густав Юнг (1875-1961), швейцарский психолог и психиатр, основатель аналитической психологии. Пересмотрел основные положения психоанализа Зигмунда Фрейда (лишив, например, либидо исключительно сексуального характера и рассматривая его как психическую энергию вообще), постулировал существование коллективного бессознательного и архетипов.

44

Хоуард Картер (1873-1939), английский археолог, в 1922 г. открыл единственную не разграбленную гробницу фараона XVIII династии Тутанхамона (15 в. до н. э.). Шум в прессе был связан с т. н. "проклятием фараона", якобы прочившим скорую гибель осквернителям его могилы.

45

С 1947 по 1977 г. на западном побережье Мёртвого моря в одиннадцати пещерах района Вади-Кумран было найдено около 40 тыс. фрагментов рукописей библейских книг, апокрифов и сочинений т. н. кумранской общины (ессев), исповедовавшей дуалистические воззрения.

46

На плато Маркахуази (местные жители называют его "Жилище звёздных богов") в Перу найдены сотни статуй, вырезанных из камня, высота некоторых из них превышает 25 метров. Возраст статуй трудно поддаётся анализу, и археологи избегают иметь дело с этим плато, из-за чего сам факт существования цивилизации масма весьма условен. Жак Бержье и Луи Повель в своей книге "Утро магов" приводят

версию, что она существовала почти пятьдесят тысяч лет назад.

47

Зиккурат — культовое сооружение в древнем Двуречье в виде башни из поставленных друг на друга параллелепипедов или усечённых пирамид, не имеющее интерьера. Ур (Урим) — древний город-государство на территории современного Ирака (25 — кон. 4 вв. до н. э.).

48

См. прим.

49

Гиза — город в Верхнем Египте, близ которого расположен знаменитый комплекс пирамид-гробниц Хеопса, Хефрена и Микерина; здесь подразумевается самая большая из них — Хеопса. Теотиуакан ("Место поклонения божествам") — древнейший город Мексики (2 в. до н. э. — сер. 7 в. н. э.), а также название легендарного государства. Тольтеки — индейский народ Центральной Америки, в своей культуре развивавший традиции Теотиуакана, упоминается с 8 в. н. э., и ко времени испанского завоевания (16 в.) ставший уже легендарным. Как видно из дат, гигантская Пирамида Солнца, наряду с некоторыми другими сохранившаяся в Теотиуакане, не могла принадлежать тольтекам.

50

Стоунхендж — крупное мегалитическое сооружение близ Солсбери (Великобритания), датирующееся 2-м тыс. до н. э.

Предполагается, что Стоунхендж служил одновременно и культовым местом, и астрономической обсерваторией.

51

Эндрю Карнеги (1835-1919), американский финансист и филантроп, создал фонд для финансирования научных исследований.

52

Граф Джордж Герберт Карнарвон (1866-1923), египтолог, покровитель Хоуарда Картера. См. прим.

53

Август Дерлет (1909-1971), американский писатель, работавший в жанре "чёрной фантастики" (также публиковался под псевдонимами Стивен Грендон, Тэлли Мэйсон, Майкл Уэст). Долгое время состоял в переписке с Лавкрафтом и был его другом, именно благодаря усилиям Дерлета были опубликованы все произведения Лавкрафта (уже после смерти последнего) в основанном им издательстве "Аркхэм Хауз", также Дерлет дописал некоторые рассказы Лавкрафта.

54

В действительности имя Абхот является вымыслом самого Колина Уилсона. Старейшие, так же как и представители Великой Расы, в произведениях Лавкрафта личных имён не имеют. Уилсон вообще искажает лавкрафтовскую мифологию, называя Старейших (the Old Ones) Великими Старейшими (the Great Old Ones), смешивая их таким образом с Великой Расой (the Great Race).

55

Кеннет У. Фейг-младший и С. Т. Джоши в своей работе "Г. Ф. Лавкрафт: жизнь и творчество" указывают, что "практически все его произведения либо основываются (по меньшей мере частично) на сновидениях, либо включают в себя их обрывки и образы".

56

Абаддон, или Аваддон, ("погибель") — в иудаистской мифологии олицетворение поглощающей, скрывающей и бесследно уничтожающей ямы могилы и пропасти преисподней, демон в христианстве. Абаот, или Аваоф — сокращённая форма древнееврейского имени бога Саваоф.

57

Имя Ниогтха также является вымыслом Уилсона, хотя его носитель ("житель Тьмы", «the dweller in darkness») вызывает некоторые ассоциации со зловещим безымянным созданием из рассказа Лавкрафта "Скиталец тьмы" («The Haunter of the Dark», 1935). Очевидно, на пассаж о надписи на Блоке Абхота Уилсона вдохновила статуя "Боги на двух быках", примерно 1-го тыс. до н. э., найденная Боссертом на Каратепе в 1947 году. Весьма примечательно, что надпись на неповреждённой стороне этой статуи, долгое время не поддававшаяся переводу, после замены в 1974 американским лингвистом Джоном Стойко финикийских букв на соответствующие из кириллицы и добавлением отсутствующих в финикийском гласных, дала текст на современном украинском языке.

58

Джон Уильям Данн (1875-1949) английский писатель, философ,

изобретатель, пионер британской авиации, автор политического проекта Лиги Северо-западной Европы (прообраза НАТО). "Эксперимент со временем" (1927) — самая известная его книга, первая из философской серии, вызвала большой интерес сторонников Блаватской и Гурджиева (см. соответственно прим.

59

Замечания о творчестве Лавкрафта заимствованы из лекции "Лавкрафт и письмена Кадафа", прочитанной профессором Остином на заседании Нью-Йоркского Исторического Общества 18 июля 1999 года. *(Прим. автора.)*

60

Уилсон ошибается: хотя Аркхэму действительно отводится важное место в произведениях Лавкрафта, но обрисованный декадентский характер присущ прежде всего вымышленному городу Данвичу. Следующее ниже описание изменения тематики в произведениях Лавкрафта совершенно не соответствует истине.

61

См. прим.

62

Елена Петровна Блаватская (1831-1891), основательница Теософского общества, автор множества работ по оккультной тематике.

63

Каббала — религиозно-философское эзотерическое учение в иудаизме, основанное на космологизме (куда, в частности, входят понятия сефирот) и толковании эзотерического смысла букв еврейского алфавита.

64

Естественно, город Великой Расы (а не Старейших) из рассказа "За гранью времён" (1934) и Кадаф не имеют ничего общего. Кадаф упоминается в следующих произведениях Г. Ф. Лавкрафта: "Другие боги" (1921), "Таинственный дом в туманном поднебесье" (1926), "В призрачных поисках неведомого Кадафа" (1927), "Данвичский кошмар" (1928), "Локон Медузы" (1930), "Курган" (1930), "Хребты безумия" (1931).

65

Университет Дьюка — университет в Дареме, США, Северная Каролина. В 1927 году доктор Дж. Б. Райн (1895-1980) начал здесь свои исследования по парапсихологии, и в 1935 основал Лабораторию парапсихологии Университета Дьюка, которая в 1995 стала именоваться Исследовательским Центром Райна.

66

Оба персонажа — вымысел Уилсона.

67

Семён Яковлевич Надсон (1862-1887), русский поэт, значительное место в творчестве которого составляет любовная и пейзажная лирика. Сопоставление годов жизни Надсона и приблизительного времени смерти Перзинского показывает, что последний никак не мог быть внуком первого, если только не по прямой линии.

68

Граф Ян Граба Потоцкий (1761-1815), польский писатель (автор известнейшего романа "Рукопись, найденная в Сарогоссе"), учёный, египтолог, этнолог, исследователь дославянских народов, путешественник. Покончил с собой — застрелился освящённой серебряной пулей.

69

См. Даниэль Аттерсторн "Долглейш Фуллер: этюд фанатизма", Нью-Йорк, 2100 г. *(Прим. автора.)*

70

Мессина — город и порт в Италии на острове Сицилия, Сцилла же, наряду с Харибдой, — легендарное название водоворота в Мессинском проливе. Городов Отранто и Лингетты в Албании нет, очевидно, Уилсон исказил названия реально существующих Оранжи и Лианги, расположенных по близости друг от друга.

71

Данное измышление Уилсона является профанацией мифологии Лавкрафта.

72

Согласно рассказу "За гранью времён".

73

Квинсленд — северо-восточный штат Австралии. Однако Лавкрафт в рассказе "За гранью времён" указывает другое положение города гигантов — Большая Песчаная Пустыня в Западной Австралии.

74

По шкале Фаренгейта, т. е. шестнадцать по Цельсию.

75

"Волшебная флейта" — опера Моцарта (1791).

76

Чарльз Хой Форт (1874-1932), американский писатель, автор книг "Книга проклятых", "Новые земли", "Внемли", "Таланты дикарей". Собирал и систематизировал сведения о различных необъяснимых явлениях, на основе которых создавал теории, идущие вразрез с официальной наукой. В 1931 г. было учреждено "Общество Чарльза Форта", среди учредителей которого был знаменитый американский писатель Теодор Драйзер (1871-1945).

77

Ренессанс, или Возрождение — культурная эпоха (14-16 вв.) Западной Европы, отличавшаяся светским характером, гуманизмом, обращение к культурному античному наследию.

78

Елизавета I Тюдор (1533-1603), английская королева с 1558 г. Период её правления характеризуется экономическим подъёмом и усилением колониальной экспансии.

79

Леонардо да Винчи (1452-1519), великий итальянский живописец, скульптор, архитектор, учёный и инженер; Франсуа Рабле (1494-1553), французский писатель, автор романа "Гаргантюа и Пантагрюэль", врач, лектор; Джефри Чосер (1340-1400), английский поэт и дипломат, "отец английской поэзии", его произведения были настолько популярны, что способствовали распространению и закреплению лондонских форм английского языка; Уильям Шекспир (1564-1616), великий английский драматург и поэт; Исаак Ньютон (1643-1727), великий английский физик, математик, философ, теолог; Бенджамин Джонсон (1573-1637), английский драматург, поэт, теоретик драмы, друг Шекспира, или же Сэмюэл Джонсон (1709-1784), английский критик, эссеист и поэт; Вольфганг Амадей Моцарт (1756-1791), великий австрийский композитор.

80

Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740-1814), французский писатель, произведения которого полны сексуальных извращений, насилия и богохульства; вместе с тем, творчество его отнюдь не однозначно.

81

Людвиг Ван Бетховен (1770-1827), великий немецкий композитор.

82

"Всё, что узнать успели до сих пор, // Искать не стоило и знать не стоит." И. В. Гёте, "Фауст", часть вторая, акт второй (перевод Б. Пастернака); слова принадлежат Бакалавру.

83

Приход К. Вейсмана к "философии истории" подробно анализируется в трёхтомной работе Макса Вибига "Философия Карела Вейсмана", Северо-Западный Университет, 2015 г. *(Прим. автора.)*

84

Атавизм (от лат. atavus — отдалённый предок) — появление у организмов признаков, отсутствовавших у их ближайших предков, но существовавших у очень далёких предков (например, развитие хвостовидного придатка у человека). У Уилсона этот термин подразумевает лишь глубинное залегание привычек в сознании, использован некорректно.

85

Феноменология — основанное Э. Гуссерлем и его учениками субъективно-идеалистическое направление философии, основным принципом которого является "нет объекта без субъекта". В понимании Гуссерля это наука об усмотрении сущности, философская

"археология", ищущая априорные структуры сознания. Основными требованиями феноменологического метода являются воздержание от каких бы то ни было суждений, относящихся к объективной реальности и выходящих за границы субъективного опыта, и рассмотрение самого субъекта познания не как реального, социального и психофизиологического существа, а как "чистого", трансцендентного сознания.

86

Франц Йозеф Гайдн (1732-1809), австрийский композитор.

87

Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832), выдающийся немецкий поэт и мыслитель.

88

Это не совсем так, например, Моцарт как оперный композитор не имел успеха в Вене.

89

Артур Шопенгауэр (1788-1860), немецкий философ-идеалист, как видно из дат, прожил 72 года; Фридрих Ницше (1844-1900), немецкий философ и поэт, последние одиннадцать лет жизни пребывал в состоянии безумия; Давид Герберт Лоуренс (1885-1930), английский писатель, драматург, поэт и художник; умер от туберкулёза лёгких.

90

Эдвард Дайер (1540-1607), английский поэт. Цитируется начальная строка его наиболее известного стихотворения (без названия).

91

Давид Ливингстон (1813-1873), английский исследователь Африки, медик; Генри Стэнли (наст. Джон Роулендс, 1841-1904), американский журналист, исследователь Африки, одно время путешествовал с Ливингстоном.

92

Генри Райдер Хаггард (1856-1925), английский писатель и публицист, в поздних литературных произведениях ярко проявляются элементы мистики.

93

Симфония "Юпитер" — одна из самых значительных симфоний Моцарта; "Критика чистого разума" — фундаментальная работа немецкого философа Иммануила Канта (1724-1804).

94

Алфред Норт Уайтхед (1861-1947), английский математик, логик, философ.

95

Вымышленный персонаж, под которым Уилсон подразумевает себя: он родился в городе Лестер. В некотором роде он злоупотребляет традицией Лавкрафта, вводившего имена своих друзей в свои произведения, например, А. Дерлет в рассказах "За гранью времён" и "Обитатель тьмы" (1935) упомянут как граф д'Эрлетт, автор "Cultes des Goules".

96

Уильям Вордсворт (1770-1850), Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788-1824), Перси Биш Шелли (1792-1822), Джон Драйден (1631-1700), Александр Поп (1688-1744) — английские поэты, представители романтизма (первые трое) и классицизма.

97

Имеется в виду стихотворение Вордсворта "Сочинённое 3 сентября 1802 года на Вестминстерском мосту".

98

Роберт Александр Шуман (1810-1856), немецкий композитор и музыкальный писатель, после обострения психической болезни последние два года жизни провёл в лечебнице; Иоганн Кристиан Фридрих Гёльдерлин (1770-1843), немецкий поэт, в тридцатишестилетнем возрасте помещён в психиатрическую лечебницу; Эрнст Теодор Гофман (1776-1822), немецкий писатель, композитор, музыкальный критик, дирижёр, художник декоратор; Сэмюэл Тейлор Колридж (1772-1834), английский поэт, критик и философ; Томас де Квинси (1785-1859), английский писатель, одно из его произведений — автобиографический роман "Исповедь

англичанина-опиомана" (1822).

99

Мартин Хайдеггер (1889-1976), немецкий философ-экзистенциалист. Согласно Хайдеггеру, язык, особенно в произведениях поэтов, может открыть "истину бытия".

100

Джордж Бернард Шоу (1856-1950), английский драматург.

101

Никола Бурбаки — собирательный псевдоним, под которым группа математиков во Франции публикует обзор различных математических теорий с позиций формального аксиоматического метода, в котором доказательство является стройной последовательностью формул, каждая из которых либо аксиома, либо же получается из предыдущих формул.

102

Синантроп — представитель древнейших ископаемых людей, останки которого были найдены в Китае; возраст около 400 тыс. лет.

103

Эрнст Шрёдер (1841-1902), немецкий логик и математик.

104

Т. е. современного человека; голоцен — послеледниковая эпоха, начавшаяся примерно 10 тысяч лет назад.

105

Оперетта английского композитора Артура Салливана (1842-1900).

106

Уилсон имеет в виду себя.

107

Вымысел Уилсона. Магнус Хиршфельд (1868-1935), немецкий сексопатолог, в 1919 основал Берлинский институт сексологии, который был закрыт в 1933. В 1982 было основано Общество Магнуса Хиршфельда.

108

Йельский Университет — университет в Нью-Хейвене, Коннектикут, США.

109

Согласно Ветхому Завету (Иисус Навин 6:19), "услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена

города до самого основания". Очевидно, Уилсон путает библейское разрушение стен Иерихона с самым известным случаем обрушения моста вследствие резонанса: в 1850 г. во Франции рухнул Анжерский подвесной мост, когда по нему маршем проходил батальон пехоты численностью 500 человек, в результате погибло 226 человек.

110

Якоб Бёме (1575-1624), немецкий философ-мистик, визионер.

111

Les Horizons de L'Avenir (фр.) — "Горизонты будущего".

112

Уилсон подразумевает позитивизм — философское направление, по которому всё подлинное, позитивное знание может быть получено из отдельных специальных наук, философия же, претендующая на самостоятельное исследование реальности, не имеет права на существование.

113

Дракула — мифический персонаж, основанный на реально существовавшем румынском князе Владе Тепеше Пятом (1431-1476) по прозвищу Дракула, отличавшемся неимоверной жестокостью. Широкую известность его имя приобрело после романа ирландского писателя Абрахама Брэма Стокера (1847-1912) "Граф Дракула" (1897), где Дракула предстаёт в образе трансильванского вампира. Франкенштейн — персонаж романа английской писательницы Мэри Уолстонкрафт Шелли (1797-1851), жены поэта Перси Шелли,

"Франкенштейн, или современный Прометей" (1818), создавший искусственного "демона" и впоследствии им же и убитый (сюжет основан на каббалистической легенде о големе). Бухенвальд и Бельзен — нацистские концентрационные лагеря в Германии.

114

Тсатхоггуа описывается в рассказе "Ужас в музее" (1932), написанном Лавкрафтом в соавторстве с Хейзл Хилд, следующим образом: "Чёрный Тсатхоггуа переливал сам себя из жабоподобной готической горгульи в длиннейшую змеевидную кишку с тысячами рудиментарных ножек, и весь тянущийся, как резина, расправлял в сумраке чудовищные свои крылья..." (перевод Л. Кузнецова). Использование имени Тсатхоггуа для обозначения Паразитов представляется не совсем удачным, и даже ошибочным; ниже, впрочем, будет видна некоторая правомочность отождествления многочисленных Паразитов с Тсатхоггуа.

115

К Ефесянам 4:25.

116

Пьер Телхард де Шарден (1881-1955), французский философ, палеонтолог, иезуитский священник; главная работа — "Феномен человека", где де Шарден говорит о непрекращающейся эволюции человека, ведущей его к совершенному духовному состоянию.

117

Колумбийский университет — один из ведущих университетов

США, расположён в Нью-Йорке.

118

Морис Мерло-Понти (1908-1961), французский философ-идеалист, представитель феноменологии, близкий к экзистенциализму.

119

Вильгельм Рихард Вагнер (1813-1883), немецкий композитор, дирижёр и музыкальный писатель. "Кольцо нибелунга" — оперная тетралогия на основе скандинавского эпоса 8-9 вв. и немецкого средневекового эпоса 13 в.

120

Уильям Батлер Йейтс (1865-1939), ирландский поэт, драматург, писатель, важную роль в его творчестве играет ирландский фольклор.

121

Жозеф Артюр де Гобино (1816-1882), французский социолог, писатель и публицист, один из основателей расово-антропологической школы, основной труд — "О неравенстве человеческих рас"; Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855-1927), английский писатель, социолог, философ (писал на немецком), проповедовавший превосходство арийской расы, был женат на дочери Рихарда Вагнера; Альфред Розенберг (1893-1946), деятель Третьего Райха, с 1941 — министр оккупированных восточных территорий, в "Мифе двадцатого века" (1930) обосновал расистские взгляды и внешнеполитическую программу германского фашизма.

122

En masse (фр.) — всей массой, скопом.

123

Георгий Иванович Гурджиев (1877-1949), русский теософ, о котором ходит множество легенд — вплоть до того, что он стоял у оккультных истоков Третьего Райха, оказывал влияние на Сталина и т. п. Личность Гурджиева достаточно популярна на Западе, и некоторыми он действительно считается философом, другое расхожее мнение о нём — он был всего лишь ловким шарлатаном.

124

Ханнс Гёрбигер (1860-1931), австрийский инженер-изобретатель, автор космогонической концепции "Учение о Мировом Льде", согласно которой Солнечная система образовалась в результате взрыва, последовавшего после столкновения звезды, бывшей массивнее Солнца, и гигантской ледяной планеты; в будущем все планеты Солнечной системы, двигаясь по спирали, рухнут на Солнце. По Гёрбигеру нынешняя Луна является четвертой (а не седьмой, как указывает Уилсон), предыдущие луны и были ледяными осколками изначальной гигантской планеты. Четыре геологические эпохи объясняются именно этими лунами, причём во времена второй существовали люди-гиганты. Библейский потоп по Гёрбегеру обязан не падению луны, а наоборот, её появлению (и ниже Уилсон приводит уже правильную гипотезу Гёрбигера); грядущее падение современной Луны возвещено в Апокалипсисе. Данная теория высоко ценилась Гитлером и другими нацистскими вождями.

125

Иммануил Великовский (1895-1979), еврейский ортодоксальный философ и учёный, автор книг "Миры в столкновениях", "Века в хаосе", "Рамсес II и его время", "Народы моря" и др., сторонник гипотезы о вселенских катастрофах (например, согласно Великовскому, Венера — это обосновавшаяся на орбите комета, образовавшаяся в результате отрыва гигантской глыбы от Юпитера), свидетельства чему можно найти в библейских мифах; Ганс Шиндлер Беллами (1901-????), австрийский последователь Гёрбигера, атлантолог, автор книги "Луна, мифы и человек" (1936), по его версии, что он также обосновал на сюжетах из Библии, Земля за последние 50 тыс. лет пережила две лунные катастрофы; Денис Сора (1890-1958), французский публицист, автор книг "Атлантида и господство гигантов" (1954), "Религия гигантов и цивилизация насекомых" (1955) и ряда теорий, развивающих концепцию Гёрбигера, сподвижник Гурджиева.

126

См. прим.

127

Австралопитек — представитель ископаемых высших приматов (т. е. его упоминание в данном контексте некорректно), останки которого были найдены в пустыне Калахари в Южной Африке; возраст около 2 млн. 600 тыс. лет.

128

Юрский период начался 190-195 млн. лет назад, закончился 135-137 млн. лет назад.

129

"Странная линия морских отложений наблюдается в направлении от озера Умайо в перуанских Андах (высота 4500 м над уровнем моря) к озеру Койпаса, расположенному в шестистах километрах южнее. Линия изогнута: её южный конец, располагающийся близ экватора, на двести семьдесят метров ниже начальной точки. Последователи Гёрбигера и Беллами доказывают (и, по моему мнению, достаточно аргументированно), что эти странные отложения говорят о том, что уровень моря возле экватора некогда образовывал своего рода выпуклость. Это могло объясняться только тем, что в то время Луна находилась к Земле гораздо ближе, чем теперь, и вращалась с гораздо большей скоростью, поэтому водная выпуклость не успевала возвратиться в свои прежние границы. Руины Тиауанако у озера Титикака добавляют к этой загадке ещё один интересный факт. Этот город располагается, можно сказать, над Тихим океаном, на высоте 4000 м. Но многое указывает на то, что около десяти тысяч лет назад здесь был порт. Руины здешних построек имеют такие размеры, что возвести их под силу было только великанам — другими словами, людям, рост которых превышал рост современного человека примерно в два-три раза из-за меньшей гравитации Земли (на которую воздействовала Луна)... И ещё один примечательный факт. Среди руин древних городов Анд были обнаружены кости токсодонтов — животных, исчезнувших с лица Земли около миллиона лет назад. Головы токсодонтов высечены на некоторых руинах Тиауанако." Г. Остин "Границы археологии", Лондон, 1983 г., стр. 87. *(Прим. автора.)* Тиауанако — индейская цивилизация, существовавшая на севере современной Боливии в кон. 1-го тыс. до н. э. — 1-го тыс. н. э., её центр находился к юго-востоку от озера Титикака. Сохранились 15-метровая пирамида Акапана, храмовый комплекс Каласасайя, в т. ч. монолитные "Ворота Солнца", и т. н. "Дворец Саркофагов". Токсодонты — крупные вымершие травоядные млекопитающие из отряда копытных. Вышеприведённая информация об их обнаружении в Тиауанако содержится в книге Мишеля-Клода Торшара "Таинственная археология".

130

Аристотель (384-322 до н. э.), великий древнегреческий философ и учёный, приведённая цитата — одно из основных положений его "Этики".

131

Проксима Центавра — ближайшая к Солнечной системе звезда.

132

Термин, выдуманный Уилсоном.

133

Штирия — историческая область, ныне земля в Австрии.

134

Королевский астроном — титул директора Гринвичской астрономической обсерватории.

135

Конечно же, последний Новый Год столетия приходится на 1 января 2000 г.

136

В 1872 году между побережьем Португалии и Азорскими островами была обнаружена дрейфовавшая без экипажа бригантина "Мария Селеста"; тайну исчезновения команды раскрыть так и не удалось.

137

Перигелий и афелий — соответственно ближайшая и наиболее удалённая от Солнца точка орбиты планеты.